

В. В. ФАРСОБИН

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ЕГО МЕТОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

В. В. ФАРСОБИН

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ЕГО МЕТОД

Опыт анализа понятий
и терминологии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Данная работа изучает понятия, определения и термины, входящие в предмет источниковедения (палеографию, дипломатику, текстологию, историческую критику, археографию), на основе анализа русской и советской исторической литературы с XVIII в. по настоящее время. Автор намечает пути преодоления их разноплановости и многозначности. С этой целью представлены способы анализа понятий: теория терминологии и классификации применительно к рассмотренным проблемам. Цель монографии — разработать методику и подготовить обоснованные предложения по унификации рассмотренных понятий и терминов для исторических и источниковедческих словарей, о необходимости создания которых неоднократно говорилось на международных конгрессах, симпозиумах и в исторической литературе.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. Г. ЛИТВАК

ВВЕДЕНИЕ

Развитие теории и методики источниковедения в последние десятилетия со всей остротой ставит вопрос об усовершенствовании понятийного аппарата. Эта потребность и есть один из признаков подъема интереса к разработке теории источниковедения, углубления ее задач в познании исторического прошлого. Еще в середине 60-х годов на страницах ведущего исторического журнала поднимался этот вопрос. «Что означают термины “источниковедение,, “вспомогательные исторические дисциплины,?» — спрашивал тогда А. И. Гуковский и отмечал, что «эти распространенные термины употребляются на каждом шагу, но не всегда в них вкладывается одно и то же содержание»¹. С тех пор положение не изменилось, более того, разнобой в понятиях и их употреблении заметно усилился.

В настоящей работе ставится задача разобраться в нынешнем состоянии понятийного аппарата источниковедения, выяснить истоки его складывания, установить причины разнобоя, чтобы яснее представить пути его преодоления.

Решение такой многоплановой задачи связано с тщательным изучением историографии каждого понятия и термина, а порой и истории складывания исторических дисциплин, включаемых в понятие «источниковедение». В то же время историография — не самоцель, а средство изучения проблем источниковедения. Поэтому за основу взят проблемный, а не хронологический способ подачи материала. Историографические данные ориентированы на обобщение опыта употребления того или иного термина самым широким кругом авторов. Такой подход позволяет показать понятия в сравнении, выявить наиболее точные и обоснованные из них, определить ложно ориентирующие.

При подготовке работы использована литература на русском языке, изданная в России и СССР с XVIII в. по настоящее время включительно.

Сложившаяся теория и практика свидетельствуют о том, что в понятие «источниковедение» включаются: эвристика, выполняющая поисковые задачи, дипломатика (изучение формуляра текстов), палеография (изучение графики текстов), текстология (изучение истории текстов), историческая критика (установление достоверных фактов), публикация текстов. Каждой из названных отраслей посвящена отдельная глава.

¹ Гуковский А. И. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин.— Вопр. истории, 1965, № 10, с. 60.

Значительное место в книге уделено выяснению путей усовершенствования понятийного аппарата. Это отражено как в отраслевых главах, так и в главах об изучении общих вопросов. Основным является изучение научного опыта по упорядочению понятий и терминов и теоретические проблемы классификации источников и понятий как в источниковедении, так и в смежных отраслях.

В научно-технической литературе подмечено, что «определения почти всегда строятся неправильно, если это делается без предварительной классификации понятий»². Это наблюдение имеет общенаучное значение. Применительно к избранной теме оно раскрывается анализом понятия «исторический источник» и других недостаточно разработанных понятий.

В книге в основном изучаются проблемы источниковедения, связанные с письменными источниками. Работа не претендует на окончательное решение всех спорных вопросов, поднятых в ней. В одних случаях материал подан в порядке постановки вопроса, чтобы совместными усилиями с возможными оппонентами поднять теоретический уровень разработки проблем исторических дисциплин. В других — автор стремится сформулировать положения, касающиеся того или иного понятия и термина, которые как будто никем не оспариваются, но традиционно не реализуются в повседневной практике их применения.

—

---

² Как работать над терминологией: Основы и методы/Пособие составлено по трудам Д. С. Лотте и Комитета научно-технической терминологии АН СССР. М., 1968, с. 29.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ТЕРМИНОЛОГИИ

Перед каждой дисциплиной или отраслью наук на определенной ступени развития возникает проблема упорядочения понятийного аппарата и его терминологии. Все явственнее встает она и перед источниковедением. Именно об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии по спорным вопросам в печати, на различных конференциях, совещаниях. Пока такие материалы разрознены. Простой перечень их может отразить состояние источниковедения и связанных с ним дисциплин, их нерешенные задачи. В настоящей главе собран материал обсуждения ряда спорных проблем источниковедения. Вопросы терминологии занимают здесь ключевое место. «Верный признак удовлетворительного или неудовлетворительного состояния науки — удовлетворительность или неудовлетворительность ее терминологии», — подметил в свое время Н. Г. Чернышевский¹. Каждый термин, употребляемый в этой отрасли науки, порой соответствует не одному, как должно было бы быть, а многим, в том числе и неправильно введенным, понятиям. А если учесть, что существующее положение осложняется употреблением терминов без определений, легко убедиться в трудности изучения источниковедческой литературы. Различное понимание терминов ведет к неоправданным погрешностям в литературе².

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 9, с. 787. Эти наблюдения подтверждаются современной наукой в различных отраслях. Ср. следующие выводы: чем выше уровень развития науки, тем «более значимым становится вопрос о терминологии» (Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959, с. 2). «Терминологические затруднения, сколь ни серьезны подчас они бывают сами по себе, — пишет видный советский ученый в области связи В. И. Сифоров, — являются вместе с тем показателем трудностей содержательного характера» (Сифоров В. И. Методологические вопросы науки об информации.— Вопр. философии, 1974, № 7, с. 106).

² Так, например, В. И. Стрельский упрекал Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса за сужение базы источников, избрав для критики их утверждение, что документы — «единственный источник исторического знания» (Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899, с. 174). Приведя эту цитату, В. И. Стрельский заключил, что авторы изъяли из сферы исторического исследования дописьменные эпохи (см.: Стрельский В. И. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, с. 20). Автор приписал французским историкам свое понимание термина «документ». Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос, употребляя этот термин, вкладывали в него более широкое понятие. «Можно различать два рода документов. Иногда факт прошлого оставляет вещественный след (памятник или какой-либо вещественный предмет). Иногда, и более часто, след, оставленный событием, бывает психологического порядка: описание или повествование» (Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Указ. соч., с. 50). Отождествление «документа» с понятием «источник» имеет место и в современной французской историографии (см.: Медушевская О. М. Вопросы теории источниковедения в современной французской буржуазной историографии.— Вопр. истории, 1964, № 8, с. 77).

Поэтому возникает необходимость проверки обоснований понятий и терминов. В этой связи актуальным становится изучение соответствующего опыта тех отраслей науки, которые уже миновали определенные стадии упорядочения понятийного аппарата. Прежде всего рассмотрим этот опыт, а также опыт изучения терминологических проблем в самом источниковедении. И на примере таких терминов, как «вспомогательные дисциплины», «вспомогательные исторические дисциплины», «методика источниковедения», «техника источниковедения», попытаемся применить принципы их анализа к упорядочению исходных понятий ряда исторических дисциплин. Естественно, что формирование и обоснование рекомендаций не претендуют на решение сложной задачи упорядочения всей источниковедческой терминологии, а являются лишь шагом в необходимом направлении.

Теория терминологии, выработанная специалистами различных областей науки, допускает возможность рассмотрения как всех понятий и терминов определенной системы, так и отдельных их групп. Важно только, чтобы термины, закрепленные за рассмотренной группой, не применялись к другой³.

Об опыте теории терминологии за пределами источниковедения

Д. С. Лотте назвал «хаотической терминологией» то ее состояние, когда одним и тем же словом или группой слов обозначаются разные понятия, когда имеет место присвоение одному понятию разных наименований, когда некоторые понятия вообще не имеют терминов⁴. Такое положение приводит к тому, что термины теряют свое значение. Между тем суть термина в том и состоит, что он обладает способностью иметь строго определенный смысл вне контекста, если известно, членом какой терминологической системы он является. Синонимия и омонимия, хотя они и допускаются в современном литературном языке, становятся нетерпимыми в научном. Многозначность научных терминов — «один из главных недостатков неупорядоченной терминологии»⁵ — препятствует установлению необходимых науке понятий, затрудняет развитие науки, взаимопонимание исследователей.

Объясняя состояние «хаотической терминологии», Лотте на примере технических наук отмечал: «Ни в одной отрасли техники (дисциплине или области науки) нельзя воспользоваться для работы по терминологии готовым сводом определений понятий по следую-

³ Чаплыгин С. А., Лотте Д. С. Задачи и методы по упорядочению технической терминологии.—Изв. АН СССР. Отд-ние техн. наук, 1937, № 6, с. 878—879.

⁴ Лотте Д. С. Упорядочение технической терминологии.—В кн.: Социалистическая реконструкция и наука. М., 1932, вып. 3, с. 139—157.

⁵ Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970, с. 222.

шим причинам. Ряд весьма важных понятий не имеет определений вовсе; часто определения в научной, учебной и справочной литературе заменяются приблизительными объяснениями; многие определения явно устарели, некоторые определения составлены логически неверно (в них используются понятия, которые сами определяются через данное понятие, или в них входят понятия, требующие еще своего уточняющего определения, и т. д.). Наконец, значительное число определений не содержит достаточных и необходимых признаков, подчеркивающих специфику определяемого понятия. Кроме того, приходится относиться критически не только к распространенным определениям, но и к самым понятиям, устраяя устаревые и ненаучные, вводя новые»⁶.

В силу тождественности основных процессов развивающихся дисциплин это высказывание Лотте целиком и полностью может быть отнесено к источниковедению.

Большим недостатком неупорядоченной терминологии является «засорение ее необоснованно и некритически введенными терминами иноязычного происхождения»⁷. Это обстоятельство смыкается с засорением словарного состава в целом, что подмечено в отечественной историографии различных отраслей наук. На него обращал внимание В. И. Ленин. «Русский язык мы портим,— писал В. И. Ленин.— Иностранные слова употребляем без надобности, употребляем их неправильно... Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?»⁸ В терминологии это выражается в том, что вместо интернационального термина для обозначения однотипного понятия вводятся французские, английские, немецкие и т. п. Больше того, внутри каждой страны различные группы ученых предлагают свои термины. Перевод таких терминов на родной язык еще больше увеличивает терминологическую неразбериху.

Анализ понятия «хаотическая терминология», предпринятый Лотте, показал, что такое состояние вызывается в основном двумя причинами: первая связана с развитием науки, вторая коренится в построении терминов их применения⁹. Справедливость этого наблюдения подтверждается и данными источниковедения. Например, палеография, изучавшая документы древнего происхождения, постепенно раздвигала предмет путем распространения своего метода на все виды письма и печати различных исторических эпох.

Если обратиться к истории вопроса, можно заметить, что на фактор развития науки как объективного условия изменения терминологии обращал внимание еще Ф. Энгельс. В предисловии к английскому изданию 1886 г. «Капитала» Маркса Ф. Энгельс писал, что в этом труде имеет место «употребление некоторых терминов

⁶ Как работать над терминологией: Основы и методы. М., 1968, с. 21.

⁷ Тернеров А. М. Об упорядочении технической терминологии.— Вопр. языкоznания, 1953, № 1, с. 72.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 49.

⁹ Лотте Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М., 1941, с. 5

в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. Но это неизбежно. В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах¹⁰. Новая точка зрения не сразу завоевывает общее признание, а потому имеет место различное толкование терминов.

Наряду с этим объективным условием неупорядоченного состояния терминологии в источниковедении, как и в других отраслях, распространено неправильное построение и применение терминов, т. е. фактор субъективный. Субъективные ошибки в создании и применении разных терминов к одним и тем же понятиям можно объяснить разными причинами. Одной из них является разработка наук в различных центрах, удаленных друг от друга. Слабость информации и обмена опытом ведет к закреплению за одним и тем же понятием разнообразных терминов, к неувязке терминов между собой.

Несовершенство терминологических систем во многом обусловлено и склонностью «различных ученых вводить новые термины без достаточных оснований»¹¹. Сущность этого явления объяснена в советской литературе. Она заключается в замене одного термина другим без критического анализа всей системы терминов данной научной отрасли. Замена какого-либо термина другим «без критического пересмотра всей системы данной терминологии подчас не улучшает ее, а приводит к еще большей запутанности»¹².

Наряду с введением излишних терминов распространенным недостатком является «не всегда до конца осознанное словоупотребление», которое «так укоренилось в нашем языке»¹³. Неосознанное словоупотребление одним из своих оснований имеет неразработанность понятий, что влияет на неупорядоченность терминологии. Например, это имеет место в тех случаях, когда понятия-термины определяются через те же самые понятия в иных лишь выражениях или через понятия, требующие уточнения¹⁴. С другой стороны, рост хаотичности терминологии вызван пренебрежением к опыту своих предшественников.

В связи с предстоящей работой по упорядочению источниковедческой терминологии есть смысл в объяснении самого понятия «упорядоченная терминология» и принципов ее достижения. Это поможет избежать ненужных споров по поводу отдельных терминов,

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 31.

¹¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 4.

¹² Как работать над терминологией: Основы и методы, с. 3.

¹³ Щерба Л. В. Опередные проблемы языкоznания.—Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз., 1945, т. 4, вып. 5, с. 182. Вероятно, именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что одни и те же слова «одними и теми же учеными употреблялись неоднозначно» (Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.—В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические вопросы. М., 1969, с. 56).

¹⁴ О неправильном построении терминов подробнее см.: Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, с. 9—10; см. также другие труды того же автора.

которые следует ввести или отвергнуть, поможет раскрыть недостатки ранее предпринимавшихся терминологических работ в области источниковедения.

Если в неупорядоченной терминологии наряду с новыми понятиями существуют старые, обветшалые, необоснованные термины и определения, которые возникали бессистемно, изолированно одно от другого, что приводит к росту числа определений, то в упорядоченной терминологии термины и определения рассматриваются во взаимной связи друг с другом. Упорядоченная система терминов предусматривает пересмотр употребляемых понятий, устранение устаревших, противоречащих данным развития науки. Она подводит итог развитию науки.

Так, при употреблении одних и тех же терминов в различных значениях становится необходимым решать вопрос, «какое значение лучше всего придать этим терминам, или же ввести новые термины, не ведущие к недоразумениям»¹⁶. Вместе с тем упорядоченная система не исключает возможности различных определений понятий, отражающих конкурирующие между собой теоретические подходы к разрешению задач науки. Однако эти определения сводятся до необходимого минимума и имеют временное значение до тех пор, пока какая-либо точка зрения не одержит верх. Естественно, что и победившая теория со временем может уточняться и дополняться.

Упорядочение терминологии, как свидетельствует накопленный опыт, происходит несколькими этапами. Важнейшим из них является раскрытие противоречий существующей терминологии. Это достигается путем учета применения существующих терминов, составления соответствующих перечней. Такого рода задача была поставлена Д. С. Лотте в 1931—1932 гг. в деле упорядочения технической терминологии. Она заключалась «в собирании и систематизации материала по общетехнической и отраслевой терминологии, ибо не имеется сводных печатных материалов ни в нашей, ни в иностранной литературе, которые могли бы служить „терминологическими таблицами“»¹⁶. Суть терминологических перечней заключается в том, что в них должны быть собраны все термины — синонимы, омонимы в их разветвлениях с указанием областей применения, с точными ссылками на источники. При составлении перечней должна быть вскрыта этимология терминов. Перечни «должны служить основным черновым материалом для работы»¹⁷ по упорядочению терминологии. Такого рода материалы помогают осуществить «анализ недостатков существующей терминологии, установление причин их возникновения»¹⁸. Выше были отмечены две причины роста неупорядоченности терминов общего характера: объективная и субъек-

¹⁵ Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Тр. МИФЛИ, 1939, т. 5, с. 7

¹⁶ Лотте Д. С. Упорядочение технической терминологии, с. 151.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Терпигорев А. М. Указ. соч., с. 71.

тивная. Перечни терминов должны привести к конкретизации причин их употребления.

Поскольку «целью терминологической работы является установление терминологического единства родственных понятий»¹⁹, то естественно, что перечни терминов помогают выполнить ее с наименьшей затратой сил.

Назначение перечней терминов распространяется на выявление основ данной науки, что совершенно необходимо при уточнении системы терминологии, так как «всякой работе над терминами должна предшествовать работа над определением понятий»²⁰.

Перечни терминов, наглядно раскрывая многозначность и синонимию, помогают разработке правильных принципов терминологии, создают необходимые условия для отбора понятий, их систематизации, уточнения определений, выявления правильно ориентирующих терминов.

Составление перечней терминов с описанием всех случаев применения того или другого термина имеет целью и историческое изучение трансформации терминов на разных ступенях развития. Это позволяет выявить заимствования, раскрыть влияния научных языков различных отраслей, стран и народов друг на друга, объяснить исторические корни терминов.

Рекомендация не замыкаться рамками современного состояния данной дисциплины в одной стране, а рассматривать термины в более широком разрезе (хронологически, территориально, междисциплинарно) имеет и тот смысл, что помогает овладению смежными науками. «Термин данной специальности должен (совпадать) соответствовать термину родственной отрасли и даже более отдаленным»²¹. Д. С. Лотте объяснял необходимость соответствия однотипных терминов разных отраслей следующим образом: «Это в известной степени облегчает овладение техникой, ибо полное овладение техникой и дальнейшее развитие технической мысли пойдет правильно лишь при знакомстве с родственными специальностями, не замыкаясь в своей узкой. Знакомство же это облегчится, а во многих случаях лишь тогда станет возможным, когда при минимальнейшем напряжении можно будет разобраться в другой области»²².

Источниковеды не могут пренебрегать такого рода наблюдениями, так как и в общественных науках имеются родственные

¹⁹ Как работать над терминологией: Основы и методы, с. 20. К такому же выводу пришли и литературоведы в области своей терминологии, подчеркивая то обстоятельство, что «очередная задача заключается не столько в том, чтобы найти термин, сколько в том, чтобы собрать воедино факты, друг с другом связанные, которые этим термином могут быть покрыты» (Белецкий А. И. К построению теории литературных стилей.— В кн.: Памяти П. Н. Сакулина: Сб. ст. М., 1931, с. 11).

²⁰ Чаплыгин С. А., Лотте Д. С. Задачи и методы работы по упорядочению технической терминологии, с. 871.

²¹ Лотте Д. С. Очередные задачи технической терминологии.— Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1931, № 7, с. 889.

²² Там же, с. 889—890.

дисциплины, терминология которых должна быть унифицирована. Например, отрасль деятельности по подготовке к изданию документов историки именуют археографией, литературоведы — эдикционной техникой, языковеды — лингвистическим источниковедением, а некоторые предлагают именовать просто изданием документов²³, и т. д.

Таким образом, перечни терминов важны для упорядочения терминологии и в источниковедении.

После того как будут выявлены все противоречия существующей терминологии, можно будет приступить к составлению сборников рекомендуемых терминов, публикации официально утверждаемых стандартов, составлению нормативных словарей.

Опыт работы Комитета научно-технической терминологии Академии наук СССР (создан в 1933 г.) показал важную роль официального утверждения терминов государственным органом²⁴. Вместе с тем создатели Комитета научно-технической терминологии акад. С. И. Чаплыгин и Д. С. Лотте в самом начале работы комитета указывали, что «предлагаемые термины и определения, если они хорошо проработаны и снабжены необходимыми разъяснениями, внедряются, не ожидая санкции органов стандартизации»²⁵.

Средством стандартизации понятий и терминов в источниковедении могут и должны быть нормативные терминологические словари. Они создаются во многих науках. Прежде чем будет составлен терминологический словарь в источниковедении, надлежит проделать предварительную работу не только по ликвидации многозначности и синонимии, важно договориться и по другим вопросам, которые могут встать в процессе составления словаря. Одним из таких вопросов является обозначение понятий терминами, буквальное значение которых не соответствует данному понятию. Вывод ученых технических и естественных наук таков: «Буквальное значение термина может соответствовать, не соответствовать или противоречить его терминологическому значению»²⁶. То же самое наблюдается и в источниковедении. Например, теоретическая литература заполнена спорами на тему, считать ли палеографию наукой о древнем письме согласно буквальному значению слова или наукой о письме вообще.

В терминологии технических наук разработана классификация терминов по принципу ориентации на три группы: правильно ориентирующие, нейтральные и неправильно ориентирующие. Правильно ориентирующими называются такие термины, буквальное значение которых не находится в противоречии с их научным значением. Нейтральные — это те, в которых не распознается букваль-

²³ Валк С. Н. Судьбы «археографии». — В кн.: Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962.

²⁴ Научно-техническая терминология: Сб. стандартизованных и рекомендуемых терминов: В 10-ти т. М., 1970, т. 2, с. 5—6.

²⁵ Чаплыгин С. А., Лотте Д. С. Задачи и методы работы по упорядочению технической терминологии, с. 877—878.

²⁶ Терпицеров А. М. Указ. соч., с. 73—74.

ное значение. Обычно это иностранные слова, а также слова родного языка, утратившие первоначальное значение. К неправильно ориентирующем терминам принадлежат слова, буквальное значение которых противоречит научному значению термина. Разделение терминов на указанные группы имеет значение для построения новых терминов. По возможности надо стремиться к тому, чтобы буквальное значение терминов не противоречило научному значению. Приведение их в соответствие желательно, но не всегда обязательно, особенно в условиях распространенной традиции. При оценке старых терминов «учитывают степень их внедрения»²⁷.

При широком распространении термина целесообразнее оставить старый, неправильно ориентирующий или нейтральный термин, нежели заменять его новым, правильно ориентирующим, так как «устранение исторически сложившихся широко употребляемых терминов является делом весьма длительным и нередко вообще не приносит желаемых результатов»²⁸. Поэтому для введения нового термина нужно другое, более веское обоснование, чем признаки ориентации. Предложения о введении таких терминов, как «неография», «неотерография», были основаны на признаках ориентации. Терминологическая работа в области технических наук свидетельствует о том, что введение нового термина может быть оправдано «появлением новых видов понятий, необходимостью обособить и дифференцировать какую-либо группу понятий и т. п.»²⁹. Введение некоторых терминов, хотя и оправданное, было недостаточно теоретически обосновано. Например, термин «специальная дисциплина» был введен не с целью отграничить понятия некоего рода дисциплин от другого рода дисциплин, а в связи с тем, что название «вспомогательные дисциплины» плохо отражает их значение³⁰. Многие историки откликнулись на это предложение. Другие — Л. В. Черепнин, С. Н. Валк, А. И. Гуковский — отказались принять новую терминологию³¹. И это не случайно, так как новый термин «специальные дисциплины» применялся к старому понятию. В итоге один термин не был заменен другим, а увеличилось число синонимов. В исторической литературе стали употребляться оба этих термина — «специальные дисциплины» и «вспомогательные исторические дисциплины» — для обозначения недостаточно разработанного понятия.

Надо отметить еще одно очень важное положение теории терминологии, вполне применимое и к источниковедению. В терминологии точных наук считается допустимым «перенос термина с од-

²⁷ Там же, с. 73.

²⁸ Лившиц Я. З., Сольский Д. И. Некоторые вопросы терминологии в области документоведения.— Сов. архивы, 1969, № 1, с. 41.

²⁹ Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии, с. 55.

³⁰ Тихомиров М. Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны.— Вопр. истории, 1961, № 4, с. 66.

³¹ Об этом свидетельствует издание серии сборников «Вспомогательные исторические дисциплины» (Л., 1968, вып. 1 и последующие); ср.: Черепнин Л. В. Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет.— Сов. архивы, 1967, № 5, с. 130—137 и др.

ного понятия на другое с изменением значения термина»³² в разных терминологических системах. Перенос термина с одного понятия на другое в пределах одной терминологической системы допускается в двух случаях. Во-первых, если «старое понятие (предмет, процесс) устраняется вовсе». В условиях, когда «старое понятие продолжает применяться, то перенос термина на новое понятие в пределах одной системы допустить нельзя, так как это приведет к многозначности». Во-вторых, в одной терминологической системе «термин можно переносить лишь на обобщающее (родовое) понятие, по отношению к которому и старое и новое понятия будут обобщаемыми (видовыми)»³³. Применимость этого положения к источниковедению наглядно видна на примере палеографии. Термин «палеография», употреблявшийся первоначально для обозначения изучения старого письма, перенесен теперь на изучение письма и печати всех времен, т. е. термин «палеография» становится по отношению к изучению старого и нового письма, а также печати родовым понятием.

Одно из главных теоретических положений в области терминологии заключается в том, что образованию системы терминов должно предшествовать образование упорядоченной системы понятий.

Уточнение понятий первоначально производится в пределах одной страны, а затем переходит на международный уровень. В точных и естественных науках упорядочение понятий и терминологии давно уже вышло на международную арену. К международному согласованию терминологии переходят лингвисты и архивные работники. К этому должны готовиться и источниковеды³⁴.

Терминологические проблемы в источниковедении

Противоречия в источниковедческой терминологии за последние десятилетия отмечались неоднократно в нашей стране и за рубежом.

В нашей стране наиболее заметным явлением в области терминологии источниковедения были статьи ныне покойного профессора А. И. Гуковского. Именно он обратил внимание на взаимоисключающие определения источниковедения в первом и втором изданиях Большой Советской Энциклопедии, подверг основательной

³² Тернигорев А. М. Указ. соч., с. 75.

³³ Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии, с. 45.

³⁴ М. В. Неккина, В. Т. Пащуто, Е. Б. Черняк еще в 1965 г. на XII МКИН в Вене внесли предложение о создании международной комиссии по исторической терминологии (см.: Пащуто В. Т. Некоторые общие вопросы летописного источниковедения.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 64). По-видимому, подобная комиссия в случае ее создания охватила бы и источниковедческую терминологию.

kritike введение термина «неография» вместо традиционного термина «палеография», проанализировал некоторые стороны термина «вспомогательные дисциплины» и т. д. Отдавая должное трудам Гуковского, сейчас важно раскрыть недостатки, которые не позволили ему более обоснованно подойти к определению ряда рассмотренных им понятий и терминов.

Прежде всего нельзя не заметить то обстоятельство, что основной вывод, к которому пришел Гуковский, противоречит содержанию его исследования. Сознавая, что «вспомогательные исторические дисциплины нуждаются в комплексном уточнении своей терминологии»³⁵, сам Гуковский рассматривал понятия и термины не комплексно, а изолированно. Так, он выступил против переноса в историческую науку термина «текстология», который по его словам, чисто литературоведческий. Он считал, что «нет оснований для заимствования историками термина чисто литературоведческого, хотя текстологические приемы исследования, разработанные литературоведами, приносят большую пользу и советской археографии»³⁶. Комплексный подход должен был бы состоять в том, чтобы выявить родственные понятия в литературоведении и историческом источниковедении, исключить дублетность терминов, применяемых к одним и тем же понятиям. Приемы текстологии в литературоведении свидетельствуют о том, что эта дисциплина первоначально разрабатывалась определенной группой ученых на памятниках литературно-художественного характера. Применение термина «текстология» к изучению любых текстов создает необходимое условие для укрепления самостоятельности этой дисциплины, т. е. ведет к ограничению ее задач от предметов смежных дисциплин. В этом случае объединяются однотипные понятия, выступающие под разными названиями в истории и литературоведении.

Включение же текстологии в предмет литературоведения спорно, если само литературоведение рассматривать как составную часть исторической науки.

Непоследовательность Гуковского видна в том, что он, с одной стороны, выступал за самоопределение источниковедения, а с другой — основное содержание источниковедения не ограничивал в понятии исторической науки. Так, Гуковский не считал возможным относить внутреннюю критику источников даже к разряду вспомогательных дисциплин на том основании, что она решает задачи установления достоверности источников. «Подлинно научное исследование любого конкретного исторического факта, процесса,— писал Гуковский,— требует самостоятельного решения вопроса о достоверности источников. Иначе исследование будет не научным, а догматическим. В этом смысле каждый историк-исследователь должен быть источником. Таким образом, не остается места для самостоятельной дисциплины, занятой внутренней

³⁵ Гуковский А. И. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин.— Вопр. истории, 1965, № 10, с. 66.

³⁶ Там же, с. 65.

критикой конкретных источников»³⁷. Из утверждения, что каждый историк должен быть источником, делается вывод об отсутствии самостоятельности такой отрасли науки, как внутренняя критика источников, что ведет не к пониманию исторической науки как ряда самостоятельных отраслей, а к смешению отдельных ее подразделений без четкого определения задач каждого из них. Бессспорно, что историк может быть и должен быть источником, а если надо, то и математиком, лингвистом, палеографом, текстологом и т. д. Точно так же и литературовед может быть текстологом, лингвистом, палеографом и т. п., если в том имеется необходимость. Однако такое положение вовсе не означает, что математика, языкоизнание, палеография, текстология, внутренняя критика источников и другие отрасли науки, которые использует историк или литературовед, лишены самостоятельности.

На совещании международной текстологической комиссии, проходившем в Ленинграде 25—30 мая 1971 г., обсуждались вопросы палеографии, лингвистические проблемы орфографии и пунктуации, принципы издания текстов³⁸. Но это не означает, что все обсуждавшиеся проблемы — текстологические. Они нужны текстологии.

Используемые дисциплины являются средством для выполнения предварительных задач перед собственно историческими, литературоведческими, текстологическими, историко-критическими исследованиями. Только и всего.

Утверждая, что так называемая внутренняя критика источников — не самостоятельная дисциплина, А. И. Гуковский тем самым как бы свел историю к решению вопросов достоверности, хотя у исторической науки много других задач, так же как и у литературоведения свои задачи в сравнении с текстологией.

Комплексное рассмотрение задач исторической науки, задач источниковедения позволило бы разграничить эти научные отрасли. В представленном виде получается, что внутренняя критика источников — часть исторической науки, лишенная самостоятельности, а палеография — часть, имеющая самостоятельность. Такое установление взаимосвязей научных отраслей не удовлетворяет в силу логической непоследовательности.

К числу существенных предложений по унификации источниковедческой терминологии относится рекомендация по составлению терминологического словаря, высказанная в печати³⁹, а затем развитая на симпозиуме по актуальным проблемам источниковеде-

³⁷ Там же, с. 64.

³⁸ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 30, вып. 1, с. 90—93.

³⁹ Так, С. О. Шмидт пишет: «Полезно было бы составить и словарь источниковедческих терминов и одновременно — историографический комментарий к нему. Вероятно, любопытно было бы собрать примеры употребления таких распространенных слов, как «памятник», «следы», «источник», «традиция» и другие, в исторической литературе» (Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 56.) Надо заметить, что задача собирания терминов — разработка более точных понятий.

ния ⁴⁰. Вопрос о составлении источниковедческого словаря подлежит дальнейшему обсуждению и уточнению. Явная потребность в нормативном словаре пока не может быть удовлетворена без разработки предварительных задач: составления терминологических таблиц реального употребления того или иного термина, составления сборников рекомендуемых терминов с целью широкого их обсуждения перед тем, как они войдут в нормативный словарь.

Важно, чтобы исследователи по достоинству оценили способ решения этих задач, заключающийся в наиболее широком использовании данных историографии для уточнения понятий и терминов.

Попытаемся показать значение перечней определений терминов на примерах наиболее общих понятий, рассмотрев некоторые противоречия в определении терминов «вспомогательные дисциплины», «методика» и «техника» исследования.

В истории отечественной науки вспомогательность определялась как второстепенное значение той или другой дисциплины. Так, еще А. С. Уваров в одной из своих лекций, относящихся к 1879 г., говорил об археологии, что она «не может считаться наукой *второстепенного* значения или только *вспомогательной* наукой» ⁴¹. Отголоски такого же объяснения термина «вспомогательная наука» можно встретить и в современной литературе. Именно об этом свидетельствует предложение о замене термина «вспомогательные дисциплины» термином «специальные дисциплины» ⁴².

В дореволюционной литературе признаком вспомогательной дисциплины считалось также включение ее предмета в предмет той науки, по отношению к которой она выполняла подсобную роль ⁴³. В других случаях к числу вспомогательных относились науки практического назначения: медицина, технология, математика ⁴⁴.

⁴⁰ См. авторизованную запись выступления С. С. Дмитриева на симпозиуме по актуальным проблемам источниковедения в Таллине в октябре 1972 г. См.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1976. М., 1977, с. 240.

⁴¹ Уваров А. С. Сборник: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910, т. 3, с. 193.

⁴² Тихомиров М. Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны, с. 66. На «второстепенную роль вспомогательных» наук указывалось и в других работах (см.: Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. (состояние, возможности, задачи).—В кн. История, фольклор, искусство славянских народов: Докл. сов. делегаций. V Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1963. М., 1963, с. 35). Помимо второстепенной роли, «вспомогательная дисциплина» связывалась Б. А. Рыбаковым с узкосправочным ее значением.

⁴³ Так, в «Статистическом журнале» за 1806 г. сказано: «Землеописание есть важнейшая вспомогательная наука статистики. И потому предмет его есть предмет статистики» (Шелестов Д. К. Первый русский научный гуманитарный журнал: (К 170-летию издания при Российской Академии наук «Статистического журнала»).—Вестн. АН ССРР, 1977, № 5, с. 114). Другими словами, предмет географии как вспомогательной дисциплины входил в предмет статистики.

⁴⁴ Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1826, с. X—XI. Автором предисловия, по словам В. П. Козлова, был К. Калайдович.

При этом речь шла об использовании таких наук в повседневной жизни, а не об их разработке. Позже появились другие определения. По мнению И. А. Шляпкина, всякая самостоятельная «наука имеет свою область, в которой она должна быть безошибочна»⁴⁵. Дисциплины, не имеющие научных методов, он относил к вспомогательным. Так, он утверждал, что у палеографии якобы «нет научных методов». Вследствие этого, в представлении И. А. Шляпкина, «как вспомогательная дисциплина она имеет большое значение»⁴⁶. С одной стороны, отсутствие научных методов — признак вспомогательности, а с другой стороны, это отсутствие не мешает таким дисциплинам иметь большое значение для «безошибочных», т. е. точных, самостоятельных, наук. Совершенно ясно, что и такое определение несостоятельно. Палеография же развивалась на почве эмпирических и логических исследований. А это обстоятельство уже в дореволюционной науке признавалось за признак точности⁴⁷.

Между тем передовая научная мысль подходила к определению вспомогательности и самостоятельности наук на основе более точных признаков.

Вспомогательной Ф. Энгельс рассматривал такую науку, которая в процессе исследования решает задачи предварительного характера по отношению к изучаемым⁴⁸. Одним из основных признаков отдельной или, самостоятельной, науки Ф. Энгельс рассматривал ограничение ее предмета.

«Как только перед каждой отдельной наукой становится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах,— писал Энгельс,— какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней»⁴⁹. Другой признак самостоятельной науки — наличие в ее структуре теории. Известно, что Ф. Энгельс связывал зарождение наук с проникновением в них философии⁵⁰, т. е. с осмысливанием предмета. Теперь эта мысль является краеугольным камнем построения самостоятельных наук, так как без философского осмысливания их предмета, без теории «не может существовать ни одна наука»⁵¹. Еще один признак особой науки — ее значимость. Могут быть указаны и другие признаки.

⁴⁵ Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913, с. 3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Так, лингвист И. Ф. Калайдович писал по поводу грамматики: «Грамматика есть наука логическая, следовательно точная» (Калайдович И. Ф. Нечто в. ответ г. Востокову.— Телескоп, 1832, № 5, с. 131).

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 567.

⁴⁹ Там же, с. 25. Кедров, говоря о философии, заметил, что «сама философия превратилась в подлинную науку, поскольку и ее предмет стал теперь строго очерчен» (Кедров Б. М. Философия как общая наука.— Вопр. философии, 1962, № 6, с. 48). То же самое происходит и в других науках — ограничение или определение предмета «обосновывает право на самостоятельное существование каждой данной науки» (Румянцев А. М. Предмет политической экономии и характер законов экономического развития общества.— Вопр. философии, 1955, № 2, с. 87).

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 599.

⁵¹ Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 126.

Но и перечисленных достаточно для того, чтобы судить о возможности превращения различных разделов источниковедения в самостоятельные дисциплины.

Продолжим, однако, обзор определений терминов «вспомогательные» и «самостоятельные» дисциплины. В соответствии с положениями Ф. Энгельса акад. Н. И. Конрад писал: «Право на существование какой-либо науки как самостоятельной отрасли познания обусловливается наличием у нее своего предмета»⁵².

М. А. Пережогин и И. Ф. Угаров высказали мысль о том, что каждая самостоятельная наука должна питаться своими группами источников⁵³. Они имели в виду отрасли науки по изучению проблем исторического процесса, но сформулировали свою мысль в общетеоретическом плане. В какой-то мере такие отрасли, как история партий, история литературы, история армии, история полиции и т. д., имеют свои специфические источники, но используют они гораздо более широкий круг источников. Например, в источниках по истории армии и полиции могут быть обнаружены материалы по истории классов и партий и т. д. В общетеоретическом плане мысль о самостоятельной науке, питаемой своими группами источников, не подкрепляется никакими данными. Известно, что многие науки изучают одни и те же источники и считаются самостоятельными. Например, говоря о стилистике, Г. О. Винокур писал, что «никакого собственного предмета у нее как будто не оказывается. Действительно, стилистика изучает тот же самый материал, который по частям изучается в других отделах истории языка, но зато с особой точки зрения. Эта особая точка зрения и создает для стилистики в чужом материале ее собственный предмет»⁵⁴. Такое глубоко продуманное положение основано на обширных данных и распространяется на науки самые разнообразные. В самом деле, разве в определении предмета таких наук, как статистика, играет роль, какие материалы она статистически изучает? Или возьмем палеографию. Для определения ее предмета также не имеют значения какие-то свои особые группы источников. Различные дисциплины изучают письменные источники в соответствии со своими задачами. Следовательно, тезис о самостоятельной науке, питаемой своими группами источников, не верен. Но он продолжает распространяться⁵⁵.

В Советской исторической энциклопедии И. А. Булыгин и Л. Н. Пушкарев, имея в виду вспомогательные исторические дис-

⁵² Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 15. См. также: Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы научной информации. М., 1965, с. 42 и др.

⁵³ Пережогин М. А., Угаров И. Ф. О курсе источниковедения истории КПСС.— Вопр. истории КПСС, 1962, № 5, с. 159.

⁵⁴ Винокур Г. О. О задачах истории языка.— Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та. Кафедра рус. яз., 1941, вып. 1, т. 5, с. 18. Того же взгляда придерживался В. В. Виноградов. См.: Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики.— Вопр. языкоznания, 1955, № 1, с. 68.

⁵⁵ Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975, с. 10. Ротапринт.

циплины, утверждают: «Вспомогательными они называются потому, что их основное назначение — обслуживать историю как науку, помогать ей в решении главной ее задачи — изучении закономерности развития человеческого общества»⁵⁶. Но «обслуживание» — не главный признак так называемых вспомогательных наук. Главный признак всех наук, в том числе и вспомогательных, — наличие своего предмета, которым они отличаются от других отраслей.

Мысль о вспомогательных дисциплинах, направленных на обслуживание исторической науки, заимствована из идеи о практическом характере таких дисциплин. Б. М. Эйхенбаум утверждал, например, следующее: «Текстология — наука не умозрительная, а практическая»⁵⁷. Н. Ф. Бельчиков как бы подвел итог подобным мыслям, заявив, что «происходит обособление вспомогательных дисциплин от теоретических и их самоопределение»⁵⁸. В результате подобного разграничения наук так называемые вспомогательные науки самоопределяются без теории в разряд прикладных, практических, а их теория зачисляется в особые теоретические дисциплины⁵⁹. Мысль эта находит последователей. Говоря о текстологии, С. А. Рейсер снова связал понятие «вспомогательная наука» с понятием «прикладная наука». По его мнению, «текстология из пособия для издательских работников на наших глазах перерастает во вспомогательную (может быть, точнее, в прикладную) филологическую дисциплину, имеющую свой предмет изучения»⁶⁰.

Понятие «прикладная наука» ограничивает текстологию⁶¹ рамками практических задач установления текста, но⁶² не предусматривает развития в этой отрасли теоретической части, без чего текстология не может быть отдельной наукой. Теория текстологии, по логике этого высказывания, относится к разделу литературоведения.

Термину «прикладная наука» соответствует термин «инженерия», которым пытаются обозначить вспомогательные дисциплины. Инженерия — это практика изучения документов, а теория их изучения — будто⁶³ бы другая область.

Подобные взгляды решительно опроверг Л. В. Черепнин. Имея в виду источниковедение, он писал о том, что «нельзя противопоставлять «общее, или «теоретическое, источниковедение «конкрет-

⁵⁶ Сов. ист. энцикл., 1965, т. 6, с. 593.

⁵⁷ Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии.— В кн.: Редактор и книга. М., 1962, с. 65—66, 78.

⁵⁸ Бельчиков Н. Ф. Источниковедение как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1963, т. 22, вып. 2, с. 89.

⁵⁹ В одной из ранних работ Н. Ф. Бельчикова говорилось, что вспомогательные дисциплины «работают в расчете на удовлетворение потребностей теоретических наук, т. е. всегда стремятся ответить на назревшие в науке вопросы, собирают материал, освещающий очередные проблемы, и заимствуют у науки современный научный метод, складывающийся на основе современного научного мировоззрения...» (Бельчиков Н. Ф. Библиография и археография.— Библиография, 1929, № 2/3, с. 8).

⁶⁰ Рейсер С. А. Палеография и текстология. М., 1970, с. 98.

ному,, как разные научные отрасли»⁶¹. И это справедливо. Понятие «прикладная наука» родилось не в теории дисциплины, именуемой прикладной, а в других науках, для которых она является лишь пособием в решении сопутствующих проблем. Поэтому не случайно в философской литературе ставится вопрос о пересмотре самого понятия прикладной науки. Обсуждая эти проблемы, М. К. Мамардашвили отмечал, что «наука производит только знания... не существует прикладных наук, существуют лишь наука и ее применение»⁶².

По-видимому, не случайно А. И. Гуковский писал: «Вспомогательными историческими дисциплинами мы считаем те дисциплины, в рамках которых разработаны специфические технические приемы исследования и при помощи которых появляется возможность решить специфические задачи, стоящие перед разными разделами конкретного исторического исследования и связанные в первую очередь с внешней критикой источников. Но термин „вспомогательные исторические дисциплины“, как и всякий другой научный термин, условен. Значение дисциплин такого рода может не исчерпываться их вспомогательной ролью. Сплошь и рядом они имеют свои самостоятельные научные и практические задачи. Даже такую „классическую“ вспомогательную дисциплину, как геральдику, нельзя ограничить одной вспомогательной ролью, поскольку она изучает гербы в качестве памятников культуры и быта»⁶³. Автор приблизился, как нам представляется, к правильному определению исторических дисциплин, называемых то вспомогательными, то специальными. Они вспомогательны, поскольку способствуют решению задач, стоящих перед другими разделами исторических знаний. Они самостоятельны при изучении собственных проблем. В то же время А. И. Гуковский затушевал эту мысль утверждением о разработке такого рода дисциплинами технических приемов исследования, которые будто бы способствуют познанию специфических задач, стоящих перед разными разделами исторического исследования. Специфические задачи различных разделов исторической науки решаются в рамках самих этих разделов. Между тем понятие «технические приемы исследования» не выводит эти дисциплины из традиционного рассмотрения их со стороны других наук. По отношению к наукам, которые используют такого рода дисциплины, они все еще выступают на уровне эмпирии, техники. Говоря о крупном русском историке А. Н. Савине, философ А. И. Уваров назвал его эмпириком на том основании, что он был источникovedом. «А. Н. Савин,— пишет Уваров,— действительно установил много важных фактов из аграрной истории Англии XVI в. С этой целью он сконструировал свою источниковедческую модель,

⁶¹ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 38.

⁶² Вопр. философии, 1973, № 8, с. 98.

⁶³ Гуковский А. И. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин, с. 61.

т. е. взял из занимавших его источников соответствующий эмпирический материал. Но он не довел процесс исторического познания до своего логического конца, не создал соответствующей теории»⁶⁴. Этот вывод основан на высказываниях самого Савина, который убежденно считал, что «за установкой факта должно воспоследовать его объяснение, и здесь моя работа является лишь приступом к решению задачи»⁶⁵. Однако Савин занимался установкой фактов и разработкой теории в этой области, но не занимался объяснением исторического процесса. Таким образом, источниковедение рассматривалось как практика исторической науки, т. е. соотносилось с теорией другой исторической отрасли. В соответствии с таким подходом Н. Л. Рубинштейн упрекал К. Н. Бестужева-Рюмина за «своеобразное источниковедческое направление», что он будто бы отнесся отрицательно «к постановке больших исторических вопросов, направив «историческое исследование в сторону источниковедческой тематики»⁶⁶. Близкие к этим суждения можно обнаружить и в других трудах.

«Существуют такие науки (например, историческое источниковедение), где... конкретная часть решительно преобладает над теорией»⁶⁷, — читаем в работе Г. М. Марковской.

В свете расчленения исторической науки и самого источниковедения на самостоятельные отрасли правомерно другое объяснение больших и малых исторических вопросов. Решаемые задачи могут быть большими или малыми в рамках одной ограниченной отрасли, а не в сравнении различных исследовательских направлений.

Преимущество дифференциации истории и источниковедения заключается в том, что в этом случае может быть достигнута большая степень четкости в понятиях. Каждое понятие обретает свою долю теории. Если понимать теорию в смысле объяснения чего-либо, то в источниковедении и любых его частях теория объясняет задачи, исследовательские приемы, добытые результаты и перспективы работы.

Существуют еще некоторые определения термина «вспомогательные дисциплины». С. М. Каштанов и А. А. Курносов под вспомогательными дисциплинами подразумевают «науки, решающие строго ограниченные задачи по выяснению отдельных особенностей формы и содержания источников или относящиеся только к определенным видам источников»⁶⁸.

Решение ограниченных задач — не признак вспомогательности. В идеале все науки должны иметь строго ограниченные задачи.

⁶⁴ Уваров М. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке. Калинин, 1973, с. 140—141.

⁶⁵ Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1907, с. 559.

⁶⁶ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.; Л., 1941, с. 412.

⁶⁷ Марковская Г. М. К вопросу о науке библиографии.— Учен. зап. Моск. гос. библ. ин-та, 1960, вып. 6, с. 169.

⁶⁸ Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения.— Исторический архив, 1962, № 4, с. 175.

Это обстоятельство нисколько не мешает самостоятельному их развитию. О таких сравнительно узких дисциплинах, как палеография и эпиграфика, акад. И. Ю. Крачковский писал, что они «последовательно начинают жить своей жизнью»⁶⁹. Это суждение находится в полном соответствии с учением о науке, имеющей особый предмет изучения, т. е. особые задачи. Каковы бы они ни были, узкие или широкие.

Что касается мысли о вспомогательных дисциплинах, изучающих определенные виды источников, то она имеет в историографии свои истоки. Так, французский источникoved и теоретик исторической науки Г. Моно (1844—1912), автор труда «Библиография истории Франции» (1888), принесшего ему известность, еще в начале нашего века писал: «Вспомогательные исторические науки занимаются каждой критикой какой-нибудь специальной категории источников»⁷⁰. В чем состоит уязвимость этой мысли? Критика вида или какой-либо категории источников теперь уже дифференцировалась; палеографическая критика раскрывает особенности графики, текстологическая критика рассматривает памятник письма со стороны своих задач, формулярный анализ — задача дипломатической критики и т. д. В настоящее время говорить о критике видов источников вспомогательными историческими науками значит объединить задачи различных наук применительно к тому или другому виду.

Таким образом, термин «вспомогательные дисциплины» не однозначен. Некоторые его определения должны бы иметь свои термины, а другие не нужны вовсе. К их числу относится отождествление термина «вспомогательные науки» с понятием «прикладные науки».

Такое понятие не является необходимым в силу выполнения рассматриваемыми дисциплинами задач по своему собственному развитию, что не может быть достигнуто без включения в их предмет объяснительного, теоретического элемента. Рассмотренные выше определения не являются исчерпывающими. Они могут быть дополнены данными мировой науки, а также материалами отечественной литературы, оставшимися за пределами настоящей работы в силу трудностей их поиска. Но и собранные здесь определения вспомогательных дисциплин позволяют сделать некоторые выводы о действительном содержании этого термина.

Совершенно очевидно, что необходимо сохранить понятие «вспомогательная дисциплина» в смысле решения предварительных задач того или иного исследования. Вспомогательная дисциплина — та, которая используется исследователем в данный момент при разработке поставленной темы. Она не решает поставленную задачу, но создает предварительные условия для этого. Такое определение понятия вспомогательной дисциплины имеет значительные преимущества перед всеми другими в силу соответствия с научной практикой.

⁶⁹ Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. М.; Л., 1946, с. 116.

⁷⁰ Моно Г. История.— В кн.: Метод в науках. СПб., 1911, с. 282.

тикой. Дело в том, что возникло много наук для изучения исторической действительности, взаимодействующих между собой. Механизм взаимодействия весьма убедительно раскрыт много лет назад. В частности, еще немецкий историк И. Г. Дройзен писал, что историку «необходимо освоиться со многими и многими науками ввиду того, что все другие науки при случае становятся вспомогательными для историка»⁷¹. Обращает на себя внимание та мысль, что все науки при случае могут быть вспомогательными для истории. Она отражена и в более ранней, и в более поздней историографии⁷². В советской литературе наиболее ярко ее выразил Г. П. Саар, относивший к числу вспомогательных исторических наук такие дисциплины, как социология, политическая экономия, право, языкоковедение и т. д., на том основании, что историк использует их данные⁷³. Совершенно четкую постановку вопроса, что наименование дисциплин вспомогательными приобрело условный характер, можно найти у И. Ф. Колесникова. Он отмечал, что эти дисциплины, будучи названы вспомогательными, сами используют большой круг научных знаний из физики, астрономии, точной механики, геологии, палеонтологии, антропологии, языкоznания, истории языка. Поэтому он подтвердил и развил мысли своих предшественников о самостоятельности вспомогательных наук по отношению к другим дисциплинам. «Указанные особенности в изучении исторических источников,— писал он,— и послужили причиной выделения вспомогательных исторических дисциплин в самостоятельные отрасли знания»⁷⁴. В настоящее время этот взгляд разделяет Д. С. Лихачев, по мнению которого все «гуманитарные дисциплины в той или иной мере вспомогательные по отношению друг к другу, и все они одновременно в какой-то мере суверенны»⁷⁵.

Принятие такого подхода к определению понятия вспомогательных дисциплин исключает надобность в термине «вспомогательные исторические дисциплины» для обозначения строго определенного ряда наук.

В то же время нельзя исключать из обихода понятия отраслей наук, имеющих тенденцию к самоопределению, но еще не отделив-

⁷¹ Дройзен И. Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно по истории.— ЖМНП, 1869, № 9/10. Отдел педагогики, с. 80.

⁷² Эту мысль можно встретить в сочинениях Т. Н. Грановского. Позднее Ю. В. Готье считал языкоzнание вспомогательной наукой истории (см.: Готье Ю. В. Шахматов — историк.— Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности Российской Академии наук. Пг., 1922, т. 25, с. 280 и др.). Та же мысль отражена у других историков. Э. Мейер, говоря о филологии и истории, в 1902 г. отмечал их близость «многими своими сторонами (каждая из них является важной вспомогательной наукой по отношению к другой)» (Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1911, с. 69).

⁷³ Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, с. 24, 33—35.

⁷⁴ Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы.— Архивное дело, 1940, № 2(54), с. 12—13.

⁷⁵ Лихачев Д. С. По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина».— История СССР, 1967, № 2, с. 230.

шихся от породивших их наук. Так, историческая критика еще не выделилась в исторической науке и источниковедении в самостоятельную дисциплину. Об этом свидетельствуют суждения о ней как о вспомогательной дисциплине истории, основной проблеме истории, ключевой проблеме источниковедения. В то же время историческая критика имеет необходимые условия для самоопределения: свой предмет изучения — установление достоверных фактов. Такого рода отрасли, положение которых еще не обосновано, нельзя относить в разряд вспомогательных из-за многозначности термина «вспомогательные исторические дисциплины».

Применительно к дисциплинам, получившим название вспомогательных, широко употребляется термин «техника», который близок понятиям «прикладная наука», «практика». Так, П. Н. Сакулин назвал вспомогательные дисциплины техническими на том основании, что они решают предварительные задачи⁷⁶. В том же значении употреблялся и термин «методика» для обозначения знаний, которые по отношению к историческому исследованию являются предварительными. Д. М. Петрушевский писал, например, что историческая наука пользуется всеми «формальными (методическими) и предметными достижениями отдельных исторических дисциплин»⁷⁷. Аналогичным образом С. Н. Быковский употреблял выражение «техника или методика исторического исследования», а в другом месте — «методика — техническая методология»⁷⁸.

Однако употребление термина «техника» связано с большими трудностями. Он многозначен. Перечень его определений составлен. Он насчитывает 30 значений⁷⁹ и не является исчерпывающим. В числе определений имеются следующие. «Техника — это форма реализации человеческого духа», или «техника — форма реализации человеческой идеи»⁸⁰. Применительно к науке такое определение ведет к пониманию ее в умозрительной форме. В этом плане неокантианцы не считали историю наукой, а тем более дисциплины, именовавшиеся вспомогательными. «Техническое учение (*Kunstlehre*) не есть наука,— утверждал Г. Риккерт,— но всего только применение научных выводов»⁸¹. Научные выводы будто бы образуются исключительно в «человеческом духе», в «человеческих идеях», а не на практике. Подобное объяснение было перенесено с некоторыми изменениями и в русскую литературу. Например, Н. И. Кареев противопоставлял понятие «техника» понятиям «логика» и «гносеология». По его словам, «в методологии можно действительно различать принципиальную сторону гносеологического и логического

⁷⁶ Сакулин П. Методологические задачи историка литературы.— Печать и революция, 1925, № 1, с. 102—103.

⁷⁷ Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., Л., 1928, с. 61.

⁷⁸ Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 4, 28.

⁷⁹ Шухардин С. В. Опыт определения термина «техника».— Вопр. истории естествознания и техники, 1969, вып. 8, с. 144—149.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Риккерт Г. Два пути теории познания.— В кн: Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. 7., с. 56—57.

содержания и сторону техническую, касающуюся специальных приемов, например, сабирания материала для истории, ...критики источников»⁸². Так, критика источников — основа источниковедения — превращена была в техническое знание, лишенное логики или теоретического обоснования. И другие проблемы источниковедения относились к области техники, понимаемой уже не в смысле предварительного знания, а в форме чисто практических отраслей. Изучение текста, восстановление его именовались школой «историко-литературной техники»⁸³. Позднее П. Н. Берков истолковал источниковедение как технику литературоведческого исследования⁸⁴.

В том же плане писали и источниковеды-историки. «Потребовалось много времени,— читаем в одной из статей,— чтобы была понята ошибочность положения о „нейтральности“ техники исторического исследования, т. е. вспомогательных исторических дисциплин, от теоретических основ исторического исследования»⁸⁵. Слово «техника» в этом высказывании обозначает понятие «практика исторической науки». Такая интерпретация подтверждается связью вспомогательных исторических дисциплин с теоретическими основами исторической науки. Однако это не проясняет вопроса о развитии теории самих вспомогательных дисциплин, их роли в историческом исследовании. Отождествление вспомогательных дисциплин с практикой исторического исследования было шагом назад по сравнению с приведенным выводом Д. М. Петрушевского и П. Н. Сакулина. И тем не менее под вспомогательными историческими дисциплинами понимаются «дисциплины, разрабатывающие методику исторического исследования»⁸⁶. Отождествление источниковедения с техникой стало частым явлением, однако правомерность этого опровергается именно многозначностью слова «техника» и несоответствием его значений содержанию источниковедческих исследований.

Если техника — это использование разработанного способа к изучению однородных явлений, то источниковедение познает не только однородные факты и явления. Употребление разработанного ранее способа к установлению достоверности источников пронизывается мыслью исследователя. Это уже не совсем техника.

Термин «техника» применительно к источниковедению и другим отраслям истории не может быть принят и по следующим соображениям. Если понимать источниковедение в смысле практических задач исторической науки, то оно лишается теории. Понятие источниковедения в форме техники исторической науки ведет к смешению

⁸² Кареев Н. И. Метафизик] о методологии общественных наук.— Аналы, 1922, № 2, с. 268.

⁸³ Лансон Г. Метод в истории литературы. М., 1911, с. 75.

⁸⁴ Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования: Источниковедение. Библиография. Рязыканье. Л., 1955.

⁸⁵ Кондратьев В. А., Новосельский А. А. О развитии вспомогательных исторических дисциплин.— Вопр. архивоведения, 1962, № 4, с. 22.

⁸⁶ Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 9.

практики различных отраслей, к отнесению практики одной отрасли к теории другой. Понятие исторической науки и ее отраслей формулируется неточно, происходит путаница в терминологии и в понятиях.

Приравнивание источниковедения к технике при одновременном отождествлении терминов «техника» и «методика» свидетельствует о том, что вспомогательные исторические дисциплины будто бы разрабатывают всю историческую науку. Между тем существуют разные методики. Одни направлены на разработку приемов изучения исторических источников, другие охватывают познание фактов действительности, отраженных в источниках, их взаимосвязь, причины возникновения, направления развития. В учебном пособии по палеографии Л. В. Черепнин писал: «Буржуазные палеографы разработали ряд *технических приемов* (методику) изучения рукописных памятников»⁸⁷. В этом высказывании термин «техника» (методика) употреблен к изучению приемов познания рукописей. В другом высказывании он отождествил понятие «методика» со сравнительно-историческим анализом. «Сравнительно-исторический анализ наметил пути к выявлению у нее (Киевской Руси.— В. Ф.) как общих с другими средневековыми государствами черт, так и своеобразия. Конечно, такая сравнительная методика еще далека от совершенства...»⁸⁸

Но сравнительно-исторический анализ состояния государств в разных концах мира — не предмет вспомогательных дисциплин. Поэтому и нельзя говорить, что вспомогательные исторические дисциплины разрабатывают методику исторического исследования. Они разрабатывают часть этой методики.

В ней две стороны: разработка исследовательского приема и его применение. Оба эти понятия сливаются в одном термине «методика». А. А. Зимин писал: «...очень часто различные толкования конкретного материала объясняются просто-напросто несовершенством методики исследователей. Никакая наука не может существовать без тщательно разработанной методики. И возможно, дальнейший прогресс источниковедения будет зависеть прежде всего от совершенствования приемов анализа памятников прошлого»⁸⁹.

Термин «методика» употреблен здесь в смысле разработки приемов анализа памятников прошлого. Прогресс источниковедения действительно зависит от разработки приемов изучения исторических источников. Из многих публикаций видно, что термин «методика» наряду с разработкой «приемов» широко известен в значении «практика исследовательской работы»⁹⁰. Практика предполагает не только разработку приемов, но и их применение. Раз-

⁸⁷ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с.4.

⁸⁸ Черепнин Л. В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России.— Коммунист, 1975, № 1, с. 64.

⁸⁹ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения древней Руси.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 429.

⁹⁰ Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии, с. 13.

ность этих понятий свидетельствует о необходимости введения дополнительного термина, помимо термина «методика».

Вместо такого подхода наблюдается увеличение многозначности термина «методика». Очередное определение предложил О. Л. Вайнштейн: «...способы приобретения уже ранее накопленных знаний мы обозначаем словом „методика”»⁹¹.

Термином „методика“ обозначаются еще и приемы преподавательской работы. Так растет многозначность.

Мы не касаемся философской литературы. Скажем только, что и ее надо учитывать при составлении перечней значений терминов.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что термином «техника» обозначалась практика исторической науки. Тем же термином именовались предварительные задачи исторической науки и другие понятия. О неупорядоченности терминологии свидетельствует приравнивание термина «техника» к многозначному термину «методика», которым обозначаются следующие понятия: разработка приемов, применение этих приемов в исследовательской практике, изучение предварительных знаний, способы преподавательской работы и т. д. В этих условиях отождествление источниковедения с «техникой» или «методикой» некорректно.

Теория терминологии, разработанная в точных науках, может быть использована в деле упорядочения понятий и терминов источниковедения. Об этом свидетельствует опыт анализа перечисленных выше терминов и понятий. Составление перечня терминов — необходимая стадия работы для поиска более точных, обоснованных определений.

Используя этот опыт, перейдем теперь к конкретному рассмотрению понятий и терминов источниковедения и включаемых в него дисциплин.

---

⁹¹ Вайнштейн О. Л. Теоретические дисциплины истории.— Тр. Ленингр. отд-ния Ин-та истории АН СССР, 1967, вып. 10, с. 18.

ГЛАВА II

ПОНЯТИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

На вопрос, что такое источниковедение, отвечают по-разному. Только применительно к изучению памятников письма выявлены следующие пять определений. Приведем их в том порядке, как они сгруппированы Л. В. Черепниным¹:

«1. *Источниковедение* — совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников²; 2. одна из вспомогательных дисциплин, разрабатывающая методы изучения и использования исторических источников³; 3. главная из вспомогательных исторических дисциплин, разрабатывающая теорию и методику изучения и использования исторических источников⁴; 4. самостоятельная историческая дисциплина, изучающая, в частности, письменные исторические источники и проблематику теоретического источниковедения⁵; 5. сумма наук или самостоятельный комплекс научных дисциплин»⁶.

Основные различия в трактовке понятия источниковедения связаны с тем, что одни авторы разделяют изучение памятников письма по видам источников, другие — по проблемам независимо от того или другого вида. Для наглядности приведем ряд примеров.

«Источниковедение письменных источников — это специальная самостоятельная историческая дисциплина,— отмечается в статье С. О. Шмидта.— Она оформилась сравнительно недавно, но имеет уже свои разделы с более узкой специализацией по видам источников, хотя наименования этих отраслей источниковедения еще не утвердились в исторической науке. Пока принято говорить о дипломатике — первом по времени возникновения разделе источниковедения. Можно выделить уже, особенно после классических трудов А. А. Шахматова, летописеведение, а также разделы, изучающие статистические источники, делопроизводственную документацию, законодательные памятники, мемуары, эпистолярную литературу и т. д.»⁷ В отличие от такого деления автор настоящей работы ви-

¹ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 37.

² БСЭ. 1-е изд., 1937, т. 30, с. 96.

³ БСЭ. 2-е изд., 1953, т. 19, с. 44.

⁴ Сов. ист. энцикл., 1965, т. 6, с. 592.

⁵ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 25.

⁶ Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения.— В кн.: Источниковедение истории советского общества, М., 1968, вып. 2, с. 452—453.

⁷ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 25. Если в цитированном отрывке говорится о «разделах» источниковедения, то другие авторы прямо называют эти разделы науками или дисциплинами. См., например, вы-

дит в источниковедении комплекс отраслей знаний по отдельным проблемам: поиск источников (обзор); изучение графики письменных памятников (палеография), изучение формуляра (дипломатика), установление текстов и истории их создания (текстология), познание достоверности информации памятников письма (историческая критика), публикация источников⁸ и т. д. В обоих случаях упоминается дипломатика как раздел источниковедения. При видовом разделении источниковедения она понимается как отрасль по изучению актов, при проблемном — как наука о формуляре памятников письма.

Весьма существенна разница в обоснованиях разделов или дисциплин. Л. В. Черепнин, противопоставляя видовое источниковедение проблемному, указывает на истоки зарождения отдельных отраслей. «Например, приемы дипломатики,— отмечал, он,— складывались на анализе одной разновидности памятников письменности — актах»⁹, т. е. в основу обоснований берется традиция. Между тем известно, что многие дисциплины первоначально создавались для одних целей, а затем происходило их переосмысливание, они получали иное развитие. То же произошло и с дипломатикой. Возникшая первоначально в связи с изучением дипломов, актов, она постепенно стала распространяться на изучение формуляра памятников письменности независимо от их вида¹⁰.

Все еще не вышла из употребления аргументация деления источниковедения по видам источников посредством ссылок на давно сложившиеся понятия без их должного критического анализа¹¹. Подобные обоснования уместны, когда сочинения, признаваемые авторитетными, соответствуют уровню современных научных требований или опережают их. В этом случае необходимы не просто ссылки на традицию, но и раскрытие правомерности ее складывания. Такой способ доказательств ведет к снижению уровня требований к научным доводам, к воспитанию новых поколений историков на отжившем свой век материале. В других науках подобный способ резко критикуется¹².

Видовому делению источниковедения противостоит проблемная классификация наук. Она основывается на изучении научных отраслей в их системе, взаимосвязи и исторической перспективе. Если, например, исследовательская практика и теоретическая мысль расширили задачи палеографии, изучающей графику письменных и печатных текстов, независимо от их вида, то для обоснования предмета палеографии не имеет значения, с изучения каких

сказывание Каштанова о том, что дипломатика — «специальная историческая дисциплина» (Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970, с. 3).

⁸ Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения, с. 389—453.

⁹ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 39.

¹⁰ См. также: Фарсобин В. В. О предмете дипломатики и ее соотношении с источниками. Вопр. истории, 1978, № 1, с. 29—40.

¹¹ См., например: Ходаковский Н. И. К вопросу о взаимосвязи информатики и источниковедения.— В кн.: Материалы науч. студ. конф. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. М., 1970, вып. 2, с. 70—76.

¹² Подробнее см.: Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973, с. 88.

грамот начиналась палеография. Главное, чтобы предмет ее не перекрещивался с предметами других отраслей. Традиция относила палеографию к изучению древних памятников. А историческая перспектива говорит о возможности распространения ее на изучение памятников всех времен и т. д.

Сторонники видового и проблемного источниковедения по-разному относятся к дифференциации научных отраслей. Видовое изучение памятников письма исходит из специфики того или другого вида: «...специфика отдельных категорий памятников, порождающая в отношении их специальную методику, диктует и рождение специальных дисциплин (летописеведения, науки, изучающей мемуары как источник, и т. д.)»¹³. Принятие идеи разделения источниковедения по видам источников является основанием для поддержки новой дисциплины — кодикологии, которая изучает «рукописные книги в плане многообразной проблематики»¹⁴, т. е. средствами и в направлениях существующих наук. Кодикология — видовая отрасль, ее проблемы «серьезно разрабатываются на материале латинской и византийской письменности»¹⁵. Число дисциплин растет за счет новых источников. «Появление новых источников вызывает к жизни и новые дисциплины»¹⁶; «находки берестяных грамот породили науку, за которой большое будущее,— берестополитию»¹⁷.

Подобная дифференциация дает повод к образованию новых видовых наук. Например, ставится задача выделения в составе источниковедения особой отрасли — целобитоведения. А. А. Пушкиренко пишет: «Наличие в архивохранилищах страны огромного количества документов, объединяемых понятием „целобитные“, обилие заключенной в них информации социально-экономического, политico-правового и идеологического характера, своеобразное, неповторимое в других видах источников сочетание „остатка“ и „предания“ и ряд иных особенностей вызывают на современном этапе развития науки необходимость в выделении в составе источниковедения особой отрасли, которая условно может быть обозначена как целобитоведение»¹⁸. Изучать целобитные, конечно, надо. Но нет необходимости создавать для такого изучения особую отрасль науки. Деление наук происходит в другом направлении. Проблемное источниковедение не исключает дальнейшей дифференциации отраслей по изучению исторических источников. Но она осуществляется проблемным же путем. Например, в палеографию «традиционно входит филиграноведение — наука, изучающая водяные знаки на

¹³ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 39.

¹⁴ Там же, с. 61.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 40.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Пушкиренко А. А. Крестьянские целобитные как источник по изучению классовой борьбы крестьянства в феодальную эпоху.— В кн.: XVI сессия симпозиума по изучению аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. М., 1976, с. 174. (XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников).

бумаге»¹⁹. Изучение графики (палеография) и филиграноведение выделяются в самостоятельные отрасли, но той и другой безразлично, изучать ли один вид памятников письменности или все памятники независимо от их вида. Так и в других случаях.

Наряду с делением источниковедения по видам источников сторонники видовой концепции образуют еще источниковедение в форме единой научной дисциплины, которая именуется «главной», «центральной» наукой, «теоретическим» или «общим» источниковедением, противопоставляемым конкретному источниковедению. Правда, внутри этой группы историков нет взаимопонимания по поводу употребления того или другого термина. «Не вполне ясно,— писал Л. В. Черепнин,— каково содержание понятий „общее“, „теоретическое“, „конкретное“ источниковедение»²⁰. На неясность понятия «теоретическое источниковедение» обращал внимание и С. О. Шмидт. «Объем понятия и задачи теоретического источниковедения соответственно современному уровню научного мышления пока еще не уточнены,— говорится в статье С. О. Шмидта.— Не вычленены еще основные элементы теоретического источниковедения, не определены с должной ясностью их взаимосвязи, особенности функционирования и способ организации как элементов системы. Сейчас скорее есть основания говорить еще не о структуре теоретического источниковедения как системы, а о конгломерате элементов, по традиции относимых к теоретическому источниковедению»²¹. И это не случайно. Источниковедение, понимаемое в форме дисциплин или разделов по видам источников, не может быть чем-то иным, кроме конгломерата разнохарактерных наблюдений. Различные формы изучения памятников письма опираются на соответствующие им теории. Так, палеографическое, лингвистическое, текстологическое прочтение (изучение графики букв, знаков, содержания слов, построения предложений, фразеологических оборотов, установление смысла в целом и т. д.), включаемое в предмет источниковедения, и создает тот конгломерат, из которого складывается теория источниковедения.

Удивительно то обстоятельство, что, употребляя не вполне ясное понятие и термин «теория источниковедения», авторы видовой концепции делают на его основе выводы об изучении источниковедением исторических источников как самостоятельных объектов. С. О. Шмидт утверждает, что «письменные источники могут исследоваться историками-источниковедами в качестве самостоятельных объектов изучения, так же как вещественные источники исследуются археологами, произведения художественной литературы — литературоведами, произведения искусства — искусствоведами, памятники языка — языковедами»²². В другом месте сказано, что «термин *источниковедение* иногда применяют по отношению лишь

¹⁹ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин. — Вестн. АН СССР, 1976, № 4, с. 65.

²⁰ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 38.

²¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 20.

²² Там же, с. 25.

к письменным историческим источникам. Отметим, что в статье имеются в виду все типы исторических источников, т. е. *историческое источниковедение в широком смысле слова*²³. Таким образом, если источниковедение изучает памятники вещественные и письменные, то у археологии должны быть какие-то другие задачи. Между тем в представленных выше положениях С. О. Шмидта источниковедение изучает вещественные памятники и археология занимается тем же самым. Или археология не нужна, или источниковедение излишне. Признание неудовлетворительности такого вывода, естественно, влечет за собой необходимость пересмотра понятий.

Термин «самостоятельный объект изучения» можно истолковать как познание памятников письменности в целом по сравнению с дисциплинами, изучающими те же памятники со стороны отдельных проблем или задач. Целостное изучение заманчиво. Только надо иметь в виду, что на целостное изучение рукописей претендует кодикология²⁴ и дипломатика.

Изучение памятников письма как целостных объектов может быть осуществлено в рамках системного исследования. Системность и целостность — это идентичные понятия²⁵.

Термин и понятие «самостоятельный объект изучения» применительно к изучению памятников письменности как исторических источников неприемлемы еще и потому, что подразумевают различие «объектов», т. е. будто бы литературоведы изучают один объект, искусствоведы — другой, языковеды — третий, а источниковеды — четвертый и т. д. Между тем все эти отрасли сосредоточивают внимание на письменности в плане своих задач. Именно письменность в данном случае и является объектом. Исключение составляет искусствоведение, изучающее изобразительное искусство, используя данные письменности. Это значит, что главным моментом в определении предмета той или иной отрасли, изучающей письменность, являются не «объекты»-памятники, а задачи их изучения.

Единой самостоятельной дисциплины источниковедения, изучающего письменные и вещественные памятники, в приведенных определениях не получилось.

Столь же субъективны понятие и термин „источниковедение — главная вспомогательная историческая дисциплина“. Источниковедение в форме главной дисциплины как будто бы не отождествляется с теоретическим источниковедением. В самом деле, если понятие теоретического источниковедения не ясно, как упомянуто выше, то естественно предположить, что теоретическое источниковедение не отождествляется с главным источником, которое признается вполне проясненным. Оно, по словам Л. В. Черепнина, сум-

²³ Там же, с. 11.

²⁴ Киселев Л. И., Люблинская А. Д. О современном состоянии зарубежной латинской палеографии. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970, вып. 3, с. 323.

²⁵ Подробнее см.: Агадов В. В. Место и функция «структурь» в системе категорий материалистической диалектики. М., 1979, с. 86.

мирует «общие методические вопросы»²⁶ вспомогательных исторических дисциплин. Назначение такой главной дисциплины — «обобщение и систематизация»²⁷, выработка общих приемов «анализа и синтеза»²⁸. Из этих выдержек видно, что на главное источникование возлагаются обобщающие функции, а обобщение и есть теория вопроса.

При всем том признается необходимость теории в каждой отрасли. Что касается теории, подчеркивал Л. В. Черепнин, то «без нее вообще нельзя себе представить ни одной отрасли знания»²⁹; «...самое главное — это углубление теоретических основ вспомогательных исторических дисциплин, связанное с проникновением в них марксизма. Они перестают быть носителями знаний чисто прикладного характера»³⁰. Признавая наличие теории в каждой отрасли, сторонники видового источниковедения тем не менее передают теорию особой науке — главной, центральной дисциплине — теоретическому источниковедению.

При таком понимании «главное», «центральное», «теоретическое» источникование могло бы стать теорией теорий специальных дисциплин по изучению исторических источников, т. е. метанаукой, или метатеорией. Но в условиях, когда нет сколько-нибудь удовлетворительных теорий такого рода дисциплин, говорить о метатеории еще рано. Да и не о метанауке идет речь, когда говорится об обобщении источниковедением данных других наук. «Задачей источникования,— сказано в упомянутой статье Л. В. Черепнина,— является разработка приемов изучения исторических источников. В этом смысле источникование — единая наука, ибо общетеоретические и методические принципы она формулирует на основе изучения конкретных источников и в целях дальнейшего применения к конкретно-историческому материалу»³¹. Из этого высказывания видно, что источникование не только обобщает теории отдельных дисциплин, но и ведет разработку приемов, анализ конкретных источников. Об этом же говорит и следующее высказывание: «Все источники, в том числе и актовые,— предмет рассмотрения источникования»³². Сопоставление приведенных высказываний позволяет заключить, что источникование то ли обобщает теории вспомогательных дисциплин, то ли анализирует конкретные источники: источникование как будто метанаука и в то же время не является таковой.

Какое же обобщение подразумевается в источниковедении — главной дисциплине, изучающей все виды источников? Под обобщением в данном случае понимается использование одной отраслью данных другой отрасли. Это особенно наглядно видно на примере

²⁶ Черепнин Л. В. Указ. соч., с. 55.

²⁷ Там же, с. 37.

²⁸ Там же, с. 39.

²⁹ Там же, с. 40.

³⁰ Там же, с. 41.

³¹ Там же, с. 38.

³² Там же, с. 39.

кодикологии. «Завоевывает признание вновь рожденная дисциплина — кодикология, всесторонне выясняющая методами палеографии, дипломатики, текстологии роль рукописной книги как исторического источника»³³. Своих задач у кодикологии пока нет. Она «обобщает» с помощью данных других наук изучение рукописной книги. Точно такое же обобщение подразумевается и в источниковедении, которое согласно рассматриваемой концепции «стоит как бы над другими вспомогательными дисциплинами, на них опирается и на их основе, с привлечением их материала и выводов, строит теорию и методику изучения памятников прошлого, которую те же дисциплины в свою очередь используют»³⁴.

Тезис о главной источниковедческой дисциплине не соответствует современным представлениям о развитии наук. Он свидетельствует о том, что источниковедение все еще разрабатывается изолированно от общих принципов построения научных дисциплин. В других отраслях нет понятий «главная» и «второстепенная» дисциплина. Все дисциплины являются главными, каждая в своей области. Этот термин стал употребляться в условиях включения одной отрасли знаний в предмет другой.

Что это означает? К источниковедению, разделяемому по видам источников с добавлением особой дисциплины под названием «теоретическая», «общая», «главная», «центральная», присоединяются все отрасли, которые необходимы для изучения памятников письма, хотя бы эти отрасли представляли собой сложившиеся знания.

В предмет источниковедения включается историческая критика, добывающая факты. С. О. Шмидт пишет, что, по удачному выражению С. М. Каштанова и А. А. Курносова, «источниковедение может рассматриваться как теория и методика добывания исторических фактов»³⁵, т. е. как теория и практика установления фактов.

Включение исторической критики и других разнообразных знаний в предмет источниковедения и вынуждает создавать видимость единства отрасли хотя бы в названиях «теоретическое источниковедение», «главное», «центральное», «общее».

К рассмотренным понятиям примыкают и другие.

В третьем издании Большой Советской Энциклопедии источниковедение рассматривается как «комплексная, специальная дисциплина, наука об источниках, теория и практика их выявления, изуче-

³³ Там же, с. 40.

³⁴ Там же, с. 37.

³⁵ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения, с. 27. Об исторической критике как искусстве «добывать факты из рассказов и известий» писал немецкий историк библейских текстов Ф. Шлейермахер. Его мысль воспроизвел А. С. Лаппо-Данилевский, отождествив историческую критику с источниковедением (см.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913, вып. 2, с. 361). С. М. Каштанов и А. А. Курносов разделяют мнение А. С. Лаппо-Данилевского (см.: Каштанов С. М., Курносов А. А. Некоторые вопросы теории источниковедения. Исторический архив, 1962, № 4, с. 176). Между тем перед источниковедением и исторической критикой ставились задачи: перед источниковедением — эвристические, поисковые; перед исторической критикой — критические.

ния и использования»³⁶. В статье дается следующее пояснение: «Комплекс проблем, изучаемых источниковедением, позволяет выделить теоретический и прикладной аспекты. Теоретическое источникование изучает закономерности образования исторических источников и отражения ими реального исторического процесса, структуру и свойства содержащейся в них информации, определяет принципы систематизации источников и классифицирует их, разрабатывает методику исторического исследования, как общую, так и применительно к отдельным классам и видам источников. Теоретические проблемы источникования изучаются главным образом на материале письменных источников, лежащих в основе большинства исторических трудов. Прикладное (конкретное) источникование складывается из источниковедения отдельных отраслей, разделов, периодов, проблем истории. Источниковедческая практика включает в себя деятельность архивов, музеев, библиотек по сбору, хранению и описанию источников, публикаторскую деятельность и работу историков над источниками в процессе исследований...»³⁷. Автор этого определения видит в источниковедении теоретическую и прикладную части, т. е. пытается применить к источниковедению современное понятие науки. На самом деле источникования как отдельной науки здесь не получилось, так как теоретическая часть составлена из теоретических частей разных вспомогательных дисциплин, а конкретная — из практических разделов тех же дисциплин. В цитированном тексте речь идет даже не о разработке источниковедением методики вспомогательных дисциплин, а о методике исторического исследования вообще.

Неправомерно смешение понятия «практика источникования» с ее приложением. Эти понятия стоило бы различать: практика решает задачи самой науки, в данном случае речь идет об источниковедении, а под понятием «приложение» подразумевается использование практики в других науках или отраслях. В дальнейшем мы обоснуем эту мысль более подробно на примере палеографии. Сейчас же отметим необоснованное включение в теоретическую часть комплексной дисциплины источниковедения проблемы классификации источников, хотя исследователи свидетельствуют о другом: классификация источников, как и всякая другая проблема, может быть поставлена и в плане практического использования, и в плане теоретическом³⁸. Классификацию используют все другие исторические дисциплины — не только источникование.

Если классификация источников зачислена в число исключительно теоретических проблем, то работа историков над источниками отнесена к исследовательской практике, хотя те, кто изучает па-

³⁶ БСЭ. 3-е изд., 1972, т. 10, с. 581.

³⁷ Там же.

³⁸ См., например, следующее наблюдение: «Классификация источников — это не только теоретический вопрос, но и конкретно практический» (Николаева А. Т. К вопросу о соотношении методологии и методики в советском источниковедении. — Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1974, т. 30, вып. 1, с. 143).

мятники, могут и осмысливать такое изучение, т. е. придавать ему теоретическое значение. Эта сторона работы выпала из цитированного определения.

В рассматриваемом определении отдается предпочтение письменным источникам перед вещественными. Надо отметить, что по своей сущности компромиссное определение примыкает к тому типу понятий, который берет вид источников в основу группировки проблем источниковедения.

Одной из последних попыток примириТЬ различные концепции источниковедения являются статьи А. П. Пронштейна. По его мнению, «предметом источниковедения является исторический источник, вся масса исторических источников во всей полноте заключенной в них информации»³⁹. Автор отделил предмет источниковедения от его задач, которые определяет так: «1) разработка марксистско-ленинской теории источника; 2) разработка методики изучения источников, т. е. принципов, приемов и правил выявления заключенной в них информации; 3) анализ возникновения источниковой базы и ее исторического развития как закономерного процесса смены одних типов, видов и групп источников другими в тесной связи с развитием общества, а на этой основе выявление всей заключенной в источниках информации о процессах общественной жизни и установление ее полноты и точности, а также надежности, т. е. репрезентативности, аутентичности и достоверности»⁴⁰. Это очень расплывчатое определение. Например, «разработка методики изучения источников» складывается из приемов ряда отраслей: лингвистических, палеографических, дипломатических, текстологических и т. д. Некоторые уточнения автором своей мысли в виде постановки цели перед источниковедением познания «принципов, приемов и правил выявления заключенной в них (в источниках.— В. Ф.) информации» также мало проясняют дело. Ведь информация бывает различная: лингвистическая, палеографическая, формулярная, текстологическая, историческая и т. д. Если автор имел в виду информацию для установки исторических фактов, то это предмет исторической критики. Бессспорно одно: многозначность термина «источниковедение» этой попыткой не была устранена, поскольку А. П. Пронштейн дал еще одну разновидность определения. К тому же он не отмежевался от деления источниковедения по видам источников.

В настоящее время опубликованы работы, подвергающие сомнению видовое деление источниковедения. В. Л. Янин на одном из источниковедческих симпозиумов заявил, что дифференциация источниковедения по видам источников является «занятием искусственным и уводящим в сторону от насущной исторической проблематики»⁴¹. Для такого отзыва имеются веские основания. Искусст-

³⁹ Пронштейн А. П. О предмете источниковедения как научной исторической дисциплины.— История СССР, 1977, № 5, с. 173.

⁴⁰ Там же, с. 168.

⁴¹ Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья.— История СССР, 1973, № 3, с. 77.

венность заключается именно в том, что виды источников изучаются многими дисциплинами. Имея в виду берестологию, докладчик совершенно определенно говорил, что «пользы в создании такой дисциплины быть не может»⁴².

Точно так же нет пользы и в отраслях по видам письменных источников. Правда, когда пытаются искусственно создать, например, особую дисциплину («неографию», или «неотерографию») для изучения памятников нового времени, то говорят, что памятники нового времени специфичны по сравнению с письменностью древности. Да, конечно, специфичны. Больше того, почерк каждого лица, набор шрифта наборщиком специфичны. Они отличаются один от другого. Если следовать логике специфичности, то необходимо для изучения отдельной грамоты создавать отдельную науку. Между тем в этом нет необходимости. Несмотря на специфичность памятников, изучение их подчинено общим принципам. Общие принципы изучения письменности применительно, например, к палеографии следующие: изучение толщины, высоты, начертания букв, их наклонов, закруглений, угловатостей, расстояний между ними, между словами, между строками, величины полей и т. д. Эти принципы применимы к изучению новых и древних текстов. Поэтому для того чтобы говорить о науке «летописеведение» или о науке «мемуароведение», надо доказать, что их предмет совершенно особый по сравнению с предметами исторически сложившихся дисциплин. Ссылка на А. А. Шахматова, который много сделал в изучении русского летописания для обоснования летописеведения как особой дисциплины, недостаточна. А. А. Шахматов изучал летописи как явление культуры. Но это вовсе не означает, что для такого изучения нужна особая наука, помимо существующих. Если задачи в летописеведении, человитоведении и других подобных комплексах не совпадают с литературоведческими задачами, задачами палеографии, истории, этнографии, текстологии, исторической критики и других отраслей, то они имеют право на самостоятельное существование. Если совпадают, то в них необходимости нет. Пока задачи изучения видов памятников совпадают с предметами традиционно существующих дисциплин. Они представляют собой конгломерат палеографических, лингвистических, текстологических, исторических проблем и других самоопределившихся наук.

Критика деления исторических наук по видам источников имела место и в 30-х годах. Так, С. Н. Быковский, стремясь к ликвидации разрыва между археологией и историей, провозгласил следующий принцип: «...деление исторических наук по видам источников изучения — антенаучно. Исторический процесс отражался в различных источниках, так сказать, не считаясь с их видом и характером»⁴³. Быковский призывал прежде всего к переосмыслению предмета археологии. Против чрезмерной категоричности Быковского в оценке

⁴² Там же.

⁴³ Быковский С. Н. О предмете истории материальной культуры.— Сообщ. ГАИМК, 1932, № 1/2, с. 3.

деления наук по видам источников высказались современные исследователи теории археологической науки, выступившие в поддержку деления исторических наук по видам источников⁴⁴. Вероятно, распространению такой точки зрения способствует недостаточная разработанность археологии в теоретическом плане⁴⁵. Если археология изучает развитие общества, то она перестает быть видовой наукой, а если изучает вещественные памятники, то как бы тяготеет к вещественному источниковедению. Отнесение познания вещественных памятников к предмету археологии превращает ее в отрасль источниковедческого порядка по изучению различных материальных остатков. Но и в этом случае деление на отрасли будет не видовым, а проблемным. Например, предметы гончарного дела изучаются с точки зрения технологии, развития искусства, живописи, а если на них имеются надписи, то они познаются по форме графики, содержанию, лингвистически и т. д.

Таким образом, деление источниковедения по видам источников неосновательно. Оно обусловлено допущенными ранее ошибками и недостаточным изучением историографии вопроса⁴⁶.

Принимая во внимание то обстоятельство, что современные понятия опираются на предшествующие, важно установить истоки употребления термина «источниковедение» с момента внедрения его в отечественную историческую литературу. Это не только имеет историографическое значение, но и может способствовать совершенствованию понятийного аппарата источниковедения, решению терминологических проблем. Прежде всего определим, обозначалось ли термином «источниковедение» введение нового понятия, или он служил синонимом уже существовавших терминов.

Термин «источниковедение» стал распространяться в России с середины XIX в. в значении приведения в известность памятников старины. Такой проблемой занимались с древнейших времен. В XVII в. была составлена библиография, в которой были указаны в форме перечня издания некоторых книг⁴⁷. Задачи такого же рода нашли отражение в трудах В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и других историков XVIII в.

Наряду с «приведением в известность источников» ставилась задача критического их изучения. Понятие исторической критики, устанавливающей достоверность, было известно нашим историкам

⁴⁴ См. труды Новосибирского, Томского и Ленинградского университетов.

⁴⁵ Ср. вывод: «...археология не может считаться вполне оформленной наукой: до сих пор остается открытым вопрос о ее месте в системе общественных наук, ее самостоятельности как науки и внутреннем единстве» (Аникович М. В. О месте археологии в системе общественных наук: (Историографический очерк).— В кн.: Вопросы методологии, истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980, с. 117).

⁴⁶ Некоторые замечания см. в статье: Фарсбин В. В. К истории складывания понятия «источниковедение».— История СССР, 1981, № 6.

⁴⁷ Так, В. Ундельский опубликовал библиографию XVII в. Сильвестра Медведева «Оглавление книг, кто их сложил» (см.: Ундельский В. Сильвестр Медведев — отец славяно-русской библиографии.— Чтения в имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846, № 3, отд. IV, с. III—XXX, 1—82).

и в XVIII в. В. Н. Татищев, например, указывал, что науку «критики знать не без нужно»⁴⁸. Критика источников получила дальнейшее развитие в сочинениях И. Н. Болтина, М. М. Щербатова, А. Л. Шлётца и других историков XVIII в.⁴⁹

В XIX в. понятие «приведение в известность источников» было соединено с их критическим изучением в предмете источниковедения. «Критическое изучение источников (Quellenkunde) требует многих и разнообразных сведений, чем обширнее круг сведений критика, чем менее он дает места личной фантазии, тем ценнее, тем прочнее его выводы»⁵⁰, — писал К. Н. Бестужев-Рюмин, соединивший обзор источников с критическим их изучением. Во введении к «Русской истории» он дал обзор критически проверенных источников. Этот обзор был первым в ряду работ такого рода. В обзорах источников по русской истории В. И. Пичеты и М. Н. Тихомирова использованы более обширные материалы, но если бы не было труда Бестужева-Рюмина, их труднее было бы подготовить.

Содержательный обзор Бестужева-Рюмина произвел впечатление на современников. Профессор Дерптского (Юрьевского) университета А. Г. Брикнер даже утверждал, что Бестужев-Рюмин — «тот ученый, которому мы обязаны первым трудом по источниковедению русской истории»⁵¹. Однако на такое утверждение последовало замечание, что «то же дело у насдвигается давно и помимо указаний г. Брикнера»⁵². Сам Бестужев-Рюмин относил зарождение науки об изучении древностей, чаще именовавшейся тогда археологией, к началу XIX в. «Эпоха Карамзина, — писал он, — вообще богата учеными трудами: тогда зарождались русская палеография и русская археология»⁵³, включавшие библиографии и описания источников, т. е. проблемы эвристики.

М. О. Коялович относил зарождение проблемы источниковедения к допетровским временам. Исследовательские приемы в России, по его мнению, совершенствовались при написании различных летописей, летописных сводов, хронографов, степенной книги, в которых наблюдается «хотя медленное, но неоспоримое развитие у нас задолго до Петра ученых приемов к изучению нашего прошедшего»⁵⁴. Внедрение термина «источниковедение» с самого начала натолкнулось на препятствие, заключавшееся в том, что понятие существовало до введения термина. Были и термины для обозначения развивающихся понятий.

Дублирование термином «источниковедение» других терминов подтвердил Бестужев-Рюмин. «Предмет этой книги,— писал он

⁴⁸ Татищев В. Н. История Российской. М.; Л., 1962, т. 1, с. 83.

⁴⁹ Некоторые сведения о развитии критического изучения источников в XVIII в. можно почерпнуть в трудах А. Т. Николаевой.

⁵⁰ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 12.

⁵¹ Брикнер А. Г. Об учебных пособиях при изучении истории России.— ЖМНП, 1876, № 7, с. 8.

⁵² Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, с. 426.

⁵³ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история, т. 1, с. 221—222.

⁵⁴ Коялович М. О. Указ. соч., с. 426.

о труде Кояловича,— то, что собственно называется у многих литературой истории, историографией или знанием источников и пособий (источниковедением), у других же поставленное в начале исторического труда, является под общим названием введения»⁵⁶.

Кроме русского введения, употреблялся и греческий термин «пропедевтика». Бестужев-Рюмин, говоря о профессоре Казанского университета Н. А. Иванове, отмечал, что он читал русские древности, «пропедевтику истории (обозрение литературы исторической и вспомогательных наук)... в живых очерках характеризуя тот или другой род источников, ту или другую вспомогательную науку...»⁵⁶. Один из учеников Н. А. Иванова — преемник Т. Н. Грановского по кафедре всеобщей истории в Московском университете С. В. Ешевский также отдавал предпочтение термину «пропедевтика». Во время своей заграничной поездки в 1859—1861 гг. Ешевский слушал в Берлинском университете лекции Драйзена и сделал заключение, что его «курс исторической пропедевтики очень хороши», но он не прослушал его полностью, а «застал окончание отдела об исторической критике и главу об интерпретации»⁵⁷. Речь в данном случае не идет о противопоставлении одного термина другому. Столкновение различных терминов между собой позволяет наглядно раскрыть и обосновать следующее заключение: термин «источниковедение» в момент введения в русскую историческую литературу был синонимом других терминов, хотя вместе с ним вводилось и новое понятие обзора. Понятие обзора тогда еще не было точно разработано. Оно включало в свой состав и критику источников. Обе проблемы — приведение в известность памятников и их критика — разрабатывались и ранее. И это вызвало упомянутое полемическое заявление Кояловича о том, что источниковедение стало развиваться в допетровские времена. Но формы такой работы складывались постепенно. Если библиография уже встречается в XVII в., то обзор вошел в литературу вместе с термином «источниковедение».

Признаки обзора теоретически были сформулированы гораздо позднее появления первых обзоров⁵⁸.

Отождествление обзора документов с источниками включение в него других понятий придали этому термину многозначность. Между тем объединение в источниковедении «обзора документов», «описания документов», «библиографирования», «каталогизации» могло бы способствовать установлению единства информационной отрасли. Термин «источниковедение» мог стать родовым

⁵⁶ Бестужев-Рюмин К. Н. Рец. на кн.: «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Сочинения профессора С.-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича». СПб., 1884.— ЖМНП, 1885, № 1, с. 95.

⁵⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882, с. 283.

⁵⁸ Там же, с. 340, 341.

⁵⁹ Валь С. Н. Архивные обзоры.— Архивное дело, 1923, вып. 1, с. 54—62. В этой статье автор указал признаки, отличающие обзор от описания отдельных документов. На первое место в обзоре выступает группировка материалов. С ее помощью отдельные документы обобщаются в определенном числе групп.

понятием для информационных проблем. Но введенный в качестве параллельного к действовавшей терминологии, он объединял информационные и критические проблемы в одно понятие. Это обстоятельство наложило отпечаток на последующее употребление термина «источниковедение». Он приобрел не родовое, а собирательное значение⁶⁹.

А. С. Лаппо-Данилевский не устранил многозначности источниковедения, не раскрыл ее причин. Так, в обоснование своего объединения критики и интерпретации в источниковедении А. С. Лаппо-Данилевский сослался на немецкого историка религии, теоретика вспомогательных дисциплин, философа Ф. Шлейермахера, который якобы «впервые попытался выработать... общее учение об основных принципах методологии источниковедения»⁷⁰. Но ссылка на Шлейермахера в этом смысле неправомерна. Он обосновал филологическую критику и герменевтику. Термин же «источниковедение» он не употреблял. И это не случайно. В то время в Германии был опубликован специальный труд Ф. Дальмана по источниковедению, т. е. обзор источников немецкой истории⁷¹. Как последователь Ф. Вольфа, на что он сам указывал, Шлейермахер не объединял критику и герменевтику в предмете источниковедения⁷². Он рассматривал их как самостоятельные дисциплины, взаимно обусловливающие и дополняющие одна другую⁷³. К тому же у Шлейермахера речь шла о филологической критике. Сам А. С. Лаппо-Данилевский отметил, что Шлейермахер «при изложении учения о критике преимущественно ограничился рассмотрением критики подлинности или неподлинности источника, а не критики достоверности или недостоверности его показаний»⁷⁴. Несмотря на это обстоятельство, Лаппо-Данилевский включил в понятие исторической критики филологическое изучение подлинности и установление достоверности показаний о фактах, объединил это понятие вместе с интерпретацией

⁶⁹ Об этом же свидетельствует включение архивоведения в понятие «источниковедение» (см. Колесников И. Ф. Николай Васильевич Калачев как архивовед. М., 1911, с. 1).

⁷⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 2, с. 359.

⁷¹ Dahlmann Fr. Chr. Quellenkunde der deutschen Geschichte nach Folge der Begebenheiten. 1-е aufl., 1830; 2-е aufl., 1838; 3-е aufl., 1869. В четвертом издании 1875 г. книгу переработал и дополнил Г. Вейц (сведения даны по: Wattenbach W. Deutschland Geschichtsquellen im Mittelalter. B., 1877, Bd. 1, S. 29). Одно из последних изданий труда Ф. Дальмана и Г. Вейца осуществлено в Штутгарте в 1965—1970 гг.

⁷² Ф. А. Вольф в целях наиболее плодотворного изучения античности предлагал составить каталог или список сохранившихся памятников, т. е. выполнить информационную задачу. При этом он подчеркивал, что составление перечня памятников не должно преследовать никаких других целей: «Исправить и сообщить точные сведения — дело других дисциплин — каждой в своей сфере» (Вольф Ф. А. Очерки науки древности. СПб., 1877, с. 44—45).

⁷³ Вот приблизительный перевод определения Шлейермахера: «Герменевтика и критика, обе филологические дисциплины, представляющие из себя искусство познавать истину, взаимно связаны друг с другом, так как применение каждой из них предполагает применение другой» (*Schleiermacher F. Hermeneutik und Kritik mit besonderer Beziehung auf das Neue Testament.— In: Sämtliche Werke*, B., 1838, Bd. 7, S. 3).

⁷⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 2, с. 361.

в общую категорию под названием «источниковедение». В то же время он не был оригинален. Включение в обзор источников критически проверенных данных было широко распространено в XIX в. в трудах многих историков.

Объединение исторической, филологической критики и интерпретации в источниковедении закрепляло за источниковедением комплексность: изучение вопросов достоверности, правильного понимания текстов и других проблем критического изучения памятников. Комплексный характер источниковедения дополнялся включением в это понятие содержания палеографии, сфрагистики, дипломатики. Как бы подводя итог такому состоянию, С. Н. Валк писал, что в понятие «изучение документов и актов как источников» и в XIX в. учеными включался, «кроме прежних критериев бумаги и ее знака, почерка, печати и т. п., новый критерий в виде того или иного актового формуляра». (Такое изучение акта как источника А. С. Лаппо-Данилевский обозначает как „документальное источниковедение частного акта“.)⁶⁵

Таким образом, исключение из источниковедения Лаппо-Данилевским проблемы «приведения в известность памятников» не намного сократило его многозначность. После опубликования труда Лаппо-Данилевского проблемы истинной эвристики по-прежнему включались в предмет источниковедения. Так поступил В. И. Пичета в книге «Введение в русскую историю», предназначив ее «для первоначальной ориентировки как в вопросах источниковедения, так и в историографии русской истории»⁶⁶. В этой книге на первый план поставлен обзор источников с древнейших времен, включая некоторые источники XIX в. Автор рассматривал в ней проблемы информации, не касаясь исторической критики.

А. И. Андреев свое обозрение главнейших категорий исторических памятников по истории Сибири назвал «Очерками по источниково-ведению Сибири»⁶⁷.

С. Н. Валк, перечисляя работы по источниковедению в Германии и других странах после опубликования «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, соглашался с их авторами в том, что в источниковедение и обзоры источников включались и критические их разборы, и общие вопросы критики источников⁶⁸. Несколько позднее он определил предмет как «изучение общих свойств исторического источника (источниковедение)»⁶⁹.

Решительный шаг к разрыву с пониманием источниковедения, предложенным Лаппо-Данилевским, был сделан в 1930 г. Г. П. Саа-

⁶⁵ Валк С. Н. Рец. на кн.: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов.— Русский исторический журнал, 1922, № 8, с. 247.

⁶⁶ Пичета В. И. Введение в русскую историю: Источники и историография. М., 1922; 2-е изд. М., 1923.

⁶⁷ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939; 2-е изд. Вып. 1, XVII век. Л., 1960; Вып. 2. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965.

⁶⁸ Валк С. Н. Из «введенений в историю». Историк-марксист, 1927, № 5, с. 224—226.

⁶⁹ Валк С. Н. Сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН СССР.— Исторический журнал, 1944, № 5/6, с. 93—94.

ром. Он решил придерживаться более дробного деления методов исторического изучения и включил в их число четыре группы, как это делали Ш. Ланглуа, Ш. Сеньобос, Э. Бернгейм, А. Федер и другие: методы «отыскания источников, критики источников, исторического построения и изложения»⁷⁰. В этом перечне на первое место поставлен метод «отыскания источников», т. е. проблема эвристики. В источниковедение продолжали включать поисковые и критические задачи.

Несмотря на объединение в понятии «источниковедение» разнородных проблем, оно в первые послереволюционные годы еще не рассматривалось ни комплексом дисциплин, ни особой наукой. Комплексом наук оно не считалось потому, что его место еще с XIX в. продолжал занимать термин «археология»⁷¹.

Считалось возможным включать в предмет археологии разнообразные отрасли на том основании, что археолог использует многие знания⁷². В отчете о конференции археологов, состоявшейся в 1926 г. в Керчи в связи со 100-летием местного археологического музея, о термине «археология» сказано: «...в широком понимании его сюда следует включить целый ряд историко-археологических дисциплин, как архивоведение, нумизматика, дипломатика, история архитектуры, история искусств, местная (областная) история и т. д.»⁷³.

Обособление предмета археологии предопределило и отказ от употребления термина «археология» для обозначения комплекса дисциплин, тем более что в этом значении все шире стал употребляться термин «источниковедение». В передовой статье «Сообщений ГАИМК» на основе материалов Всероссийского археолого-этнографического совещания начала 30-х годов установлены следующие отношения между понятиями «археология» и «источниковедение»: «Историку иногда приходится не опираться на исследования источниковедов, а самому становиться источникovedом,— все это, однако, нисколько не нарушает четкости в постановке задач и правильности в распределении научно-исследовательского

⁷⁰ Saar Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, с. 10.

⁷¹ Вот распространенное определение: «Археология, как учение о древностях, должна обнимать весь круг памятников, оставшихся от древнейшей жизни, и потому весьма несправедливо ограничивать ее только памятниками искусства, как делают некоторые; гораздо справедливее поступают наши археологические общества, принимающие в свои издания исследования о памятниках письменности и о разных сторонах быта. Таким образом, все остальные знания, так называемые вспомогательные науки истории, суть части археологии» (Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история, т. 1, с. 14). В этой связи представляется уместным обратить внимание на неточность утверждения, будто бы в XIX в. «археология включала то, что мы в настоящее время называем археографией» (Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941, с. 221). Как видно из цитированного отрывка и других имеющихся материалов, археология включала в XIX в. археографию наряду с другими вспомогательными дисциплинами, т. е. понималась как комплексное знание.

⁷² Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, с. III—IV.

⁷³ Гелах Т. Керченская археологическая конференция.— Историк-марксист, 1927, № 3, с. 249.

труды. Тем самым «работа источниковедения, в частности археологии, органический и закономерно включается в круг исторического исследования, но на своем месте, со своим материалом, со своей методикой и своими исследовательскими задачами. Вместе с таким ясным и четким решением вопроса о предмете археологии падают все иные (их бесчисленное множество) определения археологии, которые вкрай и вкось даются буржуазной историографией»⁷⁴.

Нельзя сказать, что вопрос о размежевании предмета археологии и источниковедения здесь решен. В этом высказывании термину «источниковедение» совершенно определено придается значение комплекса дисциплин. Археология рассматривается частью источниковедения. О комплексном характере источниковедения свидетельствовало и зачисление этнографии в его состав: «...совершенно правильным и бесспорным является признание этнографии такой вспомогательной дисциплины источниковедческого порядка, которая имеет дело со специфическим видом источника исторического исследования...»⁷⁵.

Определение источниковедения как комплексного знания находим в докладе С. Г. Томсинского на Общем собрании Академии наук СССР. «Мы должны поднять на научную высоту разработку вопросов источниковедения,— говорил докладчик.— Подбор, критика, анализ и систематизация источников являются необходимейшими предпосылками марксистско-ленинской исторической работы»⁷⁶. Подобное понимание источниковедения В. В. Альтман отразил в энциклопедии. Он отмечал, что историки широко используют материалы, доставляемые антропологией, филологией и более отдаленными от исторической науки дисциплинами (геология, физическая география и др.), применяют в своей исследовательской работе более узкоспециальные историко-вспомогательные дисциплины. Такая вспомогательная историческая дисциплина, как археология, имеет свои вспомогательные дисциплины. Автор перечислил вспомогательные дисциплины источниковедения: археология, эпиграфика, нумизматика, сфрагистика, геральдика, генеалогия, палеография, дипломатика, археография, архивоведение, историческая география, ономастика, топонимика. Любопытно, что последние три дисциплины помечены как занимающие особое место в ряду вспомогательных исторических дисциплин, что не случайно, так как в задачу исторической географии, например, входит не изучение исторических источников, а «изучение пространственного размещения исторических явлений, истории местоположения отдельных стран, их границ, нахождения и передвижения народов, определение мест исторических событий»⁷⁷. То же

⁷⁴ Сообщ. ГАИМК, 1932, № 7/8, с. 4.

⁷⁵ Там же, с. 4.

⁷⁶ Томсинский С. Проблемы источниковедения: (Доклад, прочитанный на ноябрьской 1932 г. сессии Академии наук СССР).— Проблемы источниковедения, 1933, вып. 1, с. 21.

⁷⁷ БСЭ. 1-е изд., 1937, т. 30, стб. 100. Автор статьи не указан. Однако В. В. Альтман в частных беседах признавал свое авторство статьи «Источниковедение» в первом издании БСЭ.

самое относится к ономастике и топонимике, которые изучают личные и географические имена на основе исторических источников.

Нельзя согласиться с суждением о вспомогательных дисциплинах той или другой науки как о застывшем, т. е. точно определенном, ряде.

Наметившееся в 30-х годах объяснение источниковедения в форме комплекса научных дисциплин было реакцией на неудовлетворительную разработку этого понятия, хотя сущность и причины неудовлетворительности не раскрывались. Предметы источниковедения и археологии переплелись между собой. Не претендую на разграничение археологии и источниковедения, мы сосредоточим внимание на двух вопросах, решение которых поможет в будущем по-иному взглянуть и на взаимосвязь этих отраслей. Чем объяснить то обстоятельство, что понятие «источниковедение» не ограничилось информационными задачами, т. е. обзорами, библиографиями, описаниями источников и другими формами информации? Почему потерпела неудачу попытка А. С. Лаппо-Данилевского ограничить предмет источниковедения установлением достоверности источников и объяснением их содержания? Сначала ответим на второй вопрос. Он даст ключ к ответу и на первый.

Ставя вопрос об ограничении понятия «источниковедение» проблемами исторической критики и интерпретации, Лаппо-Данилевский оставлял лазейку для включения в источниковедение других проблем. Она заключалась в том, что традиционно каждый специалист той или другой науки считал необходимым включать в предмет разрабатываемой отрасли все необходимые ей знания. Специалист по дипломатике включал в предмет дипломатики палеографию⁷⁸. И это не только в начале XIX в. Такое же явление можно наблюдать и в советской литературе. «Дипломатика,— утверждал А. М. Большаков,— исследуя рукопись, обращает внимание и на водяной знак (филигрань или фабричное клеймо), помещенный на бумаге, на которой написана рукопись»⁷⁹. Палеография включалась в археографию. Г. М. Котляров, анализируя книгу Лаппо-Данилевского, употребил, например, понятие и термин «общая археография», содержащие, по его мнению, «требование знакомства с начертанием букв»⁸⁰, т. е. в понятие «археография» включалась палеографическая проблема. Специалист по палеографии включал в предмет палеографии дипломатику. Так, А. С. Уваров, перечисляя вспомогательные знания, необходимые для научного исследования памятников, отмечал, что в их число входит «палеография с подразделением на эпиграфику и дипломатику»⁸¹.

В. О. Ключевский, объясняя понятие исторической критики, перечислил вспомогательные науки истории (палеография, дипло-

⁷⁸ См., например: Гастев М. О вспомогательных науках для истории.— Вестник Европы, М., 1830, № 19/20, с. 201—202.

⁷⁹ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины, с. 3.

⁸⁰ Русский исторический журнал, 1922, № 8, с. 262.

⁸¹ Уваров А. С. Сборник: Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910, т. 3, с. 187.

матика, сфрагистика, хронология, нумизматика, геральдика, историческая география) и подвел итог: «Область исторической критики определяется кругом этих вспомогательных наук»⁸².

Это положение может быть понято двояко. Область исторической критики определяется кругом сопредельных наук в том смысле, что задачи, не входящие в перечисленный круг, и есть задачи исторической критики. Ключевский имел в виду не такое понимание. В его представлении область исторической критики определялась кругом вспомогательных наук, будучи решаема этими науками. Это подтверждается фактами распространения подобного взгляда. Так, С. Н. Быковский, подобно Ключевскому, утверждал, что историческая критика возможна «при помощи главным образом данных вспомогательных исторических дисциплин, как лингвистика, палеография... дипломатика, хронология, метрология, нумизматика, сфрагистика, генеалогия, историческая география и проч.»⁸³. Хотя надо было бы ставить вопрос не о дисциплинах, при помощи которых возможна историческая критика, а о предмете ее, отличном от предмета перечисленных и других сопредельных дисциплин..

Включение в историческую критику содержания других наук не раскрывало ее собственного лица, оно подавлялось используемыми знаниями. Подобных примеров много и в других отраслях. Так, проблему обозрения и классификации источников, относимую многими авторами к источниковедению — эвристике, считалось возможным включить в историографию. Большаков обосновал это следующими соображениями: «Мы предполагаем начать обзор русской историографии с обзора источников, так как развитие науки русской истории в значительной мере зависело от характера, качества и количества тех материалов, исторических источников, которые постепенно становились объектом изучения для наших историков»⁸⁴.

Любопытно, что и определение понятия «исторический источник» Большаков отнес к историографии, хотя к этой отрасли следовало бы отнести не определение, а историю совершенствования понятия об историческом источнике.

Обзор документальных публикаций включался в археографию, а обзор неопубликованных документов — в источниковедение. В этом отношении примечательна книга С. Н. Валка «Советская археография»⁸⁵, в которой дан обзор документальных публикаций и сделана попытка разобраться в теоретических вопросах археографии как научной дисциплины о принципах издания документов. Рецензент книги уже тогда подметил разноплановость этих двух моментов и высказал мысль о том, что советская историческая наука

⁸² Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 6, с. 479.

⁸³ Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 66.

⁸⁴ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины, с. 291.

⁸⁵ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948.

«нуждается в книге, посвященной теоретическим и практическим вопросам советской археографии, равно как испытывает потребность в квалифицированном обзоре документальных публикаций»⁸⁶. Обзор документальных публикаций, как и всякий обзор, надо бы включить в отрасль источниковедческой эвристики, которая ведает информацией об источниках. Задача подготовки рукописи к печати с выпуском книги заканчивается. Поиск опубликованных текстов с помощью описания, обзора, библиографии, иных средств — новая операция, другая отрасль знаний.

Собранные нами материалы позволяют заключить, что включение предметов различных отраслей друг в друга является одной из главных причин неустойчивости понятия «источниковедение». Это объясняет, почему не произошло ограничения понятия «источниковедение» проблемами эвристики, обзора источников, исторической критики, интерпретации.

Не способствовало этому и представление о вспомогательных науках истории как о знаниях, разрабатываемых практическим путем в отличие от наук, которые владеют всем арсеналом различных отраслей, теорий и гипотез⁸⁷. Такое мнение нашло отражение и в советской литературе, о чем свидетельствует передача теории из предметов отдельных наук «главной», «центральной», «комплексной» дисциплине источниковедения.

Подведем некоторые итоги.

Сложилось два типа определений источниковедения: по видам источников и по задачам их изучения. В разграничении источниковедения по видам источников объяснительные функции из их предметов передаются искусственно образованной отрасли наук. В дисциплинах, которые складываются из задач изучения памятников письменности, теоретическая и практическая части сохраняются в их предмете. Вследствие этого определение источниковедения как суммы дисциплин отражает реальные процессы дифференциации наук.

Понятие источниковедения в форме «главной», «центральной», «комплексной» дисциплины могло бы иметь место при синтетическом изучении теорий отдельных наук. В существующем же понятии речь идет об использовании данных одной отрасли для выполнения задач другой. Использование какой-либо отраслью данных различных наук есть не обобщение, а предварительное исследование перед решением собственных задач.

Компромиссные определения источниковедения, которые стремятся показать его многогранность и в то же время представить в рамках одной дисциплины, неудовлетворительны потому, что очерченная в них проблематика укладывается в рамки существующих отраслей наук.

⁸⁶ Кочаков Б. М. Рец. на кн.: Валк. С. Н. Советская археография. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, 291 с.— Вопр. истории, 1951, № 5, с. 100.

⁸⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1, с. 15.

В теории признается возможность существования комплексной науки, которая строится синтетически, интегрированно. На практике же, когда говорят о комплексной науке, подразумевают конгломерат разнoplановых научных знаний, а не целостную комплексную дисциплину⁸⁸. Так и источниковедение не стало комплексной научной дисциплиной. Оно продолжает быть конгломератом ряда отраслей наук. В той своей части, которая не укладывается в рамки существующих общепризнанных наук, источниковедение совпадает с исторической критикой. Другие его части дублируются информатикой, палеографией, дипломатикой, текстологией и другими дисциплинами. Рассмотрим, как это происходит.

---

⁸⁸ Быховский А. В. Экология как комплексная научная дисциплина.— Вопр. философии, 1979, № 8, с. 153.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ (ЭВРИСТИКА) И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ИНФОРМАТИКОЙ

Процесс отыскания, выявления сабирания необходимых источников закономерен в любой научной работе. Такого рода задача выполняется самими исследователями. Помощь в поиске информации оказывают специальные отрасли знаний, разрабатывающие научно-справочный аппарат для целенаправленного выявления необходимых данных. К их числу относятся библиография, архивоведение, археография, понимаемые в смысле описания рукописей и печатных изданий. Эту же задачу выполняет та часть источниковедения, которая занята созданием обзоров документов, обозрений свидетельств повествовательной литературы об исторических фактах и других указателей. Такого рода источниковедение есть «учение о нахождении материала»¹. Н. И. Кареев писал: «Многообразны те источники, из которых историческая наука черпает свой материал. Перечислить все роды их и виды, дать характеристику каждого, указать на второстепенные разновидности, соединить их по тем или иным признакам в какие-либо группы — дело совершенно невозможное в кратком изложении... Это может быть задачею особого отдела исторической науки, носящего название «источниковедения»... В источниковедении, называемом у некоторых немецких историцтв «эвристикой», главное не в методологии, т. е. не в формальной стороне, а в реальной, фактической, касательно того, какие существуют исторические источники, их редакции, издания, собрания, хранилища (архивы), библиотеки, музеи для вещественных памятников и т. д.»².

Термин «источниковедение» (эвристика) в значении сабирания и «приведения в известность исторического материала» был введен в русскую литературу первоначально в немецкой транскрипции в середине XIX в.³ В советской литературе источниковедение (эвристика) именуется по-разному: информацией⁴, «выявлением исторических источников»⁵ и т. д. Информационная работа — одна из

¹ Егоров Д. Н. Введение в изучение средних веков. Историография и источниковедение. М., 1916, ч. 1, с. 7.

² Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913, с. 88—99; Он же. Историка: (Теория исторического знания). Пг., 1916, с. 55—56.

³ Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии, Франции: Сравнительно-библиографический обзор. Харьков, 1861, с. 95.

⁴ Так, акад. А. П. Окладников в рецензии на книгу Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография» (М., 1973) писал, что первое и несомненное достоинство книги — «ее емкость, или, как принято говорить теперь, масса информации, которую несет она читателю. Второе достоинство уже не источниковедческого, а методологического порядка» (История СССР, 1973, № 5, с. 190).

⁵ Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 10.

важнейших задач современной науки. «В области источниковедения,— писал В. К. Яцунский,— необходимо широко развивать двойкого рода работу. С одной стороны, следует организовывать систематическую работу по выявлению и описанию источников по основным проблемам. Весьма полезным делом будет, кроме того, составление и публикация кратких, а в отдельных случаях и более подробных характеристик важнейших фондов. Стоит вспомнить работу Н. Н. Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» (т. 1—4. М., 1895—1902), чтобы оценить ту большую помощь, какую могут оказать историку подобного рода описания. Другим направлением источниковедческой работы является разработка приемов анализа исторических источников»⁶. Это высказывание раскрывает сложившееся понятие «источниковедение». Оно закреплено в ряде источниковедческих учебников по отечественной, в том числе советской, истории, в многочисленных обзорах документов (тематических, пофондовых) и другой литературе⁷.

Однако употреблять термин «источниковедение» в смысле эвристики (обзоры, описи, описания, библиографирование) весьма неудобно; так как он имеет и другие значения: им обозначается критика и интерпретация источников.

Многозначен и термин «эвристика». Так, термином «эвристика» именуются процессы мыслительной деятельности человека, в которых имеется элемент догадки⁸. Поскольку мыслительная деятельность человека — неизбежный компонент всех наук, то это привело к изучению проблем психологии мышления и вызвало к жизни особую науку, получившую наименование «эвристика»⁹. В данном случае термин «эвристика» «есть лишь новое наименование для психологии мышления»¹⁰. Он является также синонимом слова «исследование». Например, иногда говорят о практической значимости науки, которая «есть следствие ее эвристической, исследовательской функции»¹¹.

Эвристическую деятельность рассматривают «как процесс создания чего-то нового, неизвестного ранее»¹². Поэтому для более

⁶ Яцунский В. К. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки.— История СССР, 1959, № 3, с. 35.

⁷ Обстоятельная библиография дана в сборниках статей «Источниковедение истории советского общества» (М., 1964. [Вып. 1]; 1968. Вып. 2; 1978. Вып. 3). См. также: Проништейн А. П. К вопросу о задачах эвристики.— В кн.: Юбилейная научная конференция историков Северного Кавказа, посвященная 50-летию Великого Октября: Тез. докл. и сообщ. Нальчик, 1967; Петровская И. Ф. Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра. Л. 1971; Медушевская О. М. О понятиях «источниковедение» и «историческая критика».— Вопр. истории, 1974, № 4.

⁸ Бухштаб Б. Я. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста.— Рус. лит., 1965, № 3, с. 127.

⁹ Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении. М., 1967; Пушкин В. Н., Садовский В. Н. Эвристическое программирование и эвристика как наука.— Вопр. философии, 1967, № 7 и др.

¹⁰ Вахтомин Н. К. Генезис научного знания. М., 1973, с. 18.

¹¹ Тугаринов В. П. О методах общественных наук.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., 1968, с. 44.

¹² Пушкин В. Н. Эвристическая деятельность человека.— Наука и жизнь, 1964, № 10, с. 35.

точного обозначения информационного направления в исторической науке иногда применяют термины из двух слов: «источниковедение (эвристика)»¹³ или «источниковедческая эвристика»¹⁴. В широкой практике такое объединение в одном термине двух термино-элементов не всегда соблюдается. Оба они зачастую употребляются раздельно, что ведет к сбивчивости и неустойчивости понятий в силу множественности значений каждого из них. К тому же само понятие «источниковедение (эвристика)» разработано еще недостаточно отчетливо. Так, в одной из статей говорится: «...эвристика вообще составляет, по-видимому, раздел источниковедения, архивная эвристика — раздел той части источниковедения, которая занимается архивными документами»¹⁵. В чем суть эвристики? На этот вопрос отвечают по-разному.

«Задача эвристики состоит в том, чтобы выявить и взять на учет все, что может служить источником»¹⁶, — писал Э. Бернгейм. Такой подход означает, что указанная отрасль занимается поиском источников и разработкой научно-справочного аппарата. Если Бернгейм в Германии, Кареев в России и другие ученые включали в предмет источниковедения (эвристики) выявление и учет источников (обзор, описание, каталогизацию), то Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос во Франции оставляли за этой отраслью только функции выявления, а составление пособий по разысканиям относили к другой отрасли, называя ее «наукою каталогов» или «исторической библиографией». Они утверждали, что «библиографические указатели исторической литературы должны... рассматриваться как необходимые пособия по эвристике, наравне с инвентариями и каталогами исторических документов»¹⁷.

Проблема поиска информации отделена в этом высказывании от составления и совершенствования справочного аппарата.

В советской литературе мысль о разделении разысканий и составления пособий для таких разысканий выразил П. Н. Берков, который определил библиографическую эвристику как совокуп-

¹³ Bernheim E. Lehrbuch der Historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. Leipzig, 1903, S. 234.

¹⁴ Фарсобин В. В. Некоторые вопросы источниковедческой эвристики. — В кн.: Доклады и сообщения научной конференции архивных учреждений и вузов Сибири и Дальнего Востока, посвященной 50-летию ленинского декрета по архивному строительству. Томск, 1968; *Он же*. Опыт изучения приемов источниковедческой эвристики в трудах В. И. Ленина. — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1970. М. 1972.

¹⁵ Шепелев Л. Е. Проблемы архивной эвристики. — В кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX века. Л., 1967, с. 7.

¹⁶ Bernheim E. Lehrbuch der Historischen Methode..., S. 234.

¹⁷ Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899, с. 31. В отечественной литературе этот взгляд на эвристику ярко выразил Л. П. Карсавин: «Приступая к изучению какого-либо вопроса, прежде всего необходимо выявить круг нужных для этого источников, «найти» их, для чего надо ознакомиться с историческими сочинениями, касающимися данного вопроса, и со специальными указателями, перечисляющими эти сочинения (литературу вопроса и источника). Все такие операции обозначаются термином «эвристика» (Карсавин Л. П. Введение в историю. Теория истории. Пг., 1920, с. 44—45).

ность теоретических и практических знаний, относящихся к приемам нахождения какого-либо книжного материала или отдельных его элементов¹⁸. В то же время в его представлении библиографическая эвристика или разыскания — это теоретическая задача, а составление научно-справочного аппарата — практика. Библиографическая эвристика, хотя и называется теорией, в таком объяснении сводится лишь к вопросу, как искать. Чтобы выполнить роль теории при составлении справочных пособий, она должна отвечать на вопрос, что надо сделать для облегчения поиска, т. е. разрабатывать новые формы поискового аппарата, совершенствовать старые, раскрывать принципы построения поисковых пособий.

Таким образом, термин «эвристика» применительно к информационным проблемам источниковедения употреблялся в несовпадающих значениях. С одной стороны, он выполнял роль синонима источниковедения в смысле приведения в известность необходимых материалов. С другой стороны, это часть источниковедения, отвечающая на вопрос, как искать.

Проблемы разысканий — эвристика — не были превращены в теорию составления справочного аппарата. Такой аппарат существовал сам по себе, что не могло способствовать развитию информации, ее совершенствованию.

Были и другие помехи, тормозившие самоопределение наук и информации: включение в информационную отрасль элементов критического анализа и других отраслей смежных дисциплин. Рассмотрим это на конкретных примерах из прошлого данной научной области. Известно, что термин «источниковедение» применялся в России во второй половине XIX в. именно в смысле обозрения документов и материалов в сочетании с их критическим анализом. Наиболее выразительное определение источниковедения в таком качестве дано в работах профессора Дерптского университета, специалиста по русской истории XVIII в. А. Г. Брикнера, который относил к этой области знаний «обзор главных групп материалов для разработки истории»¹⁹. Брикнер, имея в виду массу исторических материалов и трудности их поиска, утверждал, что «историография лишь тогда с полным успехом будет пользоваться всею этою массою сырого материала, когда будут составлены историко-литературные и библиографические пособия, указатели разного рода, описания архивов, регесты изданных актов и пр.— словом, когда мы будем иметь под рукою и в отношении к разного рода историческим материалам, и в отношении к разным эпохам и предметам — источниковедение»²⁰. В этом определении источниковедение рассматривается главным образом как такая отрасль знаний, которая занимается разработкой справочных пособий для облегчения поис-

¹⁸ Берков П. Н. Библиографическая эвристика. М., 1960.

¹⁹ Брикнер А. Г. О практических упражнениях при преподавании новой русской истории в университетах.— ЖМНП, 1876, № 6, отд., 3, с. 23.

²⁰ Брикнер А. Г. Об учебных пособиях при изучении истории России.— ЖМНП, 1876, № 7, отд. 3, с. 7.

ковых работ. Однако Брикнер, намечая план издания 10—15-томного обзора критически проверенных источников по русской истории с древнейших времен до XVIII в., чрезвычайно расширил понимание источниковедения, включив в него архивоведение, библиографию, историографию и критику источников. Информационное направление в этом плане было главным, но не единственным.

План рассматривался IV Археологическим съездом и был рекомендован министерству народного просвещения для реализации, но выполнение его натолкнулось на большие трудности. Он был оставлен и многими забыт.

Идея соединения в предмете источниковедения обзора документов с их критикой продолжала жить, несмотря на попытки ограничить предмет источниковедения критикой и интерпретацией исторических памятников. Например, основное назначение обзора документов в представлении С. Н. Валка — «дать исследователю руководящие нити в его поисках нужного, но вместе с тем годного материала». При этом каждый из обозреваемых видов документов «имел бы в обзоре свое критическое обследование, которое вскрыло бы его значение как исторического источника»²¹.

Задача критического изучения обозреваемых материалов ставится не только перед архивными обзорами, но и перед библиографическими. Существует мнение, что и библиографический обзор должен носить «отнюдь не формальный, а критический и научно-исследовательский характер»²².

Однако критическая проверка — не отличительный признак обзора. Обзор имеет назначение довести до потребителя тот или иной материал, ту или иную информацию. Он может быть осуществлен и без критического изучения обозреваемых материалов, предоставляя возможность заинтересованному лицу самому разобраться, насколько достоверна та или другая информация. Если обозреватель сам будет решать задачу критического изучения документов и материалов, не отражая этого процесса в обзоре, а давая лишь готовые выводы без обоснований, то потребитель может выразить сомнение в справедливости произведенного отбора обозреваемых материалов. А поскольку обоснования могут быть громоздкими, то они отяготят обзор и лишат его основного назначения — информативности. Главное в обзоре — описание содержания групп или видов документов, раскрывающих архивный или библиотечный фонд, какое-то количество единиц хранения или коллекцию материалов. Обзор документов должен быть достоверен с точки зрения поисковых координат и указаний на то, что потребитель может найти в обозреваемом комплексе источников. Вопросы достоверности сведений, содержащихся в обозреваемых источниках, в его задачу не входят в силу дифференциации научных отраслей. Таким

²¹ Валк С. Н. Архивные обзоры.—Архивное дело, 1923, № 1, с. 62.

²² Никифоровская Н. А. Библиография в трудах М. П. Алексеева.—Вестн. ЛГУ: История, яз. и лит., 1972, № 14, вып. 3, с. 15.

образом, объединение обзора документов с критическим их изучением в одно понятие — еще один тормоз на пути дифференциации источниковедения и образования самостоятельной информационной отрасли.

Весьма серьезным недостатком сложившегося положения дел с научной информацией является распыление ее проблематики по различным отраслям наук. Если обзор как вид научной информации характерен для источниковедения, то другой ее вид — описание — относился и все еще относится к археографии. Основная же цель описания, как и обзора, — информация, подготовка пособия для поиска того или другого памятника. В отличие от обзора перед описанием ставится задача более полного представления документального материала, каков бы он ни был по значению и содержанию.

На первой конференции архивных деятелей РСФСР в 1921 г. В. И. Пичета говорил: «Научное описание должно быть объективным по своему характеру и содержанию, а обзоры субъективны, так как они определяются «научными интересами и потребностями того лица, который ими занимается... Для меня лично обзор является не заслуживающим внимания, и, мне кажется, прибегать к такому методу не стоит»²³. И тем не менее сам В. И. Пичета подготовил обстоятельный обзор источников по русской истории — учебное пособие для студентов.

Теперь правомерными признаются оба вида научно-поискового аппарата — обзор и описание документов. Обзор ценен именно как указатель для поиска. Описание же в известной мере может и заменить сам документ в зависимости от цели его использования.

До сих пор «обзор» и «описание» как формы информационной работы над источниками относятся к разным дисциплинам. И это явление сложилось исторически²⁴.

Описание документов включается в источниковедение, археографию, палеографию, библиографию, библиотековедение, архивоведение, музееведение. А теперь еще и кодикология претендует на ту же задачу. Точно так же и другие проблемы информационного характера не имели определенной научной отрасли: составление разного рода путеводителей, каталогов, тематических, пофондовых, именных, географических указателей, аннотирование, рефериование документов и другие виды работ. Все ими занимались и включали в свой предмет. Расчленение проблем информационного ха-

²³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, 1921 г., оп. 1, д. 272, л. 48, 49. Того же приблизительно мнения придерживался С. Б. Веселовский, предлагавший развивать пофондовые и тематические описания документов, которые охватывались бы полностью, а не произвольными выборками. См.: *Веселовский С. Б. Вопросы научного описания письменных, дозорных и переписных книг Московского государства XVI—XVII столетий.— Архивное дело, 1941, № 1, с. 34.*

²⁴ Так, И. А. Шляпкин определил археографию как науку, изучающую «памятники письменности с внешней стороны», в то же время научное описание рукописей с внешней стороны он отнес к палеографии. Он разработал перечень из 24 пунктов, определяющий правила описания рукописей. См.: *Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913, с. 3.*

рактера по различным отраслям — одно из существенных препятствий в деле образования единой информационной науки.

Больше того, расчленение информационных проблем произошло не только в плане разработки отдельных форм или видов научно-справочного аппарата различными отраслями. Делались даже попытки создания информационных дисциплин применительно к задачам тех или других наук: историческое источниковедение (эвристика), лингвистическое источниковедение, литературоведческое источниковедение и т. д. Вот что получилось из такого дробления. П. Н. Берков считал источникование введением в литературоведение, которое охватывает сведения о поиске источников и подготовке их к изданию: «...источниковедческий раздел „Введения“ должен показать начинающему исследователю, где и что он может найти по литературе XVIII в. в рукописной, печатной и вещественной форме в учреждениях разного типа, характера и назначения. В известной мере в этот раздел должны быть включены также сведения о том, как необходимо искать и готовить к печати материалы XVIII в.»²⁵. Главное в цитированной выдержке, помимо объединения информационного направления с подготовкой материалов к печати,— то обстоятельство, что источниковедческий раздел введения в литературоведение, позволяющий установить, где и что можно найти, закреплялся в предмете литературоведения. И не только закреплялся в предмете науки, у которой иные задачи, но и дробился на ряд отраслей. В другой работе автора содержится перечень литературоведческих вспомогательных дисциплин: 1. литературоведческое архивоведение; 2. литературоведческое библиотековедение; 3. литературоведческое музееведение; 4. литературоведческая библиография с библиографической эвристикой; 5. литературоведческая археография с археографической эвристикой; 6. палеография; 7. текстология; 8. критическая интерпретация (комментирование текста, истолкование памятника); 9. эдиционная техника (техника подготовки к печати научного издания текстов); 10. хронология и синхронистика; 11. литературоведческая историография. «Если всмотреться в этот перечень,— писал Берков,— можно легко заметить, что первые три дисциплины дают нам сведения о местах нахождения и хранения источников для нашей работы; поэтому удобно объединить их под общей рубрикой литературоведческого источникования (источниковедческий цикл). Четвертая и пятая дисциплины могут быть определены как эвристический цикл (с разделом библиографического и археографического источникования). Шестая, седьмая, восьмая и девятая дисциплины имеют дело с текстами источников, рукописными и печатными, которые нужно уметь прочесть, понять и правильно издать; их можно объединить в текстологический цикл. Десятая и одиннадцатая дисциплины на первый взгляд имеют мало общего между собой; однако объединяет их то, что они помогают понять литера-

²⁵ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века. Л., 1964, с. 7.

турный и литературоведческий процессы. По-видимому, для общего обозначения их правильно будет применить рубрику — историографический цикл»²⁶.

Определение вспомогательных дисциплин термином «литературоведческие» имело у Беркова тот смысл, что литературоведу не обязательно знать вспомогательные дисциплины во всем их объеме, а надо только освоить ту часть, которая относится к литературоведению. А к литературоведению может относиться практическая часть вспомогательных дисциплин. Вот эта-то мысль и позволяла именовать вспомогательными литературоведческими дисциплинами литературоведческую археографию (т. е. описание рукописей, позволяющее ориентироваться в них), литературоведческое архивоведение (изучение данных архивов по проблемам литературы с целью выявления нужных материалов) и т. д. Такой подход закреплен в справочной литературе. В 3-м издании БСЭ говорится, что существует множество вспомогательных литературоведческих дисциплин: «...архивоведение, библиография художественной и литературоведческой литературы, эвристика, палеография, текстология, комментирование текста, теория и практика эдионного дела и др.»²⁷.

Отнесение вспомогательных дисциплин к предмету науки, которая их использует, необоснованно расширяет этот предмет за счет них. Если историки создавали свою информационную науку в виде источниковедения (эвристики), а литературоведы пытались образовывать вспомогательные дисциплины применительно к своим задачам, то почему бы языкоznанию не поступать таким же образом? И это делалось. Весьма любопытные соображения привел лингвист С. И. Котков для обоснования особой науки — так называемого лингвистического источниковедения, в задачу которого включены все те же информационные проблемы. Говоря о «неразработанности вопросов источниковедения в лингвистическом аспекте», он отмечал, что по этой причине «остались в забвении, к примеру, огромные фонды деловой письменности XVI—XVII вв., лингвистическое значение которых неоценимо»²⁸. Совершенно ясно, что прокламирование новой дисциплины далеко не гарантирует разработку этих огромных фондов.

«Область науки, которую мы предлагаем назвать лингвистическим источниковедением,— писал Котков,— изучение упомянутого рода источников, однако не во всем объеме, а только со стороны их лингвистической содержательности и информационности. Если говорить точнее, предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация рассматриваемых в этом аспекте источников и разработка научных оснований их

²⁶ Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования: Источниковедение. Библиография. Рязыкание. Л., 1955, с. 49—50.

²⁷ БСЭ. 3-е изд., 1973, т. 14, с. 521.

²⁸ Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения.— В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 4.

эдиционного воспроизведения»²⁹. Перечисленные задачи укладываются в рамки существующих дисциплин. Не случайно сами языковеды сделали вывод, что «лингвистическое источниковедение, призванное выявить, изучить, классифицировать источники для исследования языковых проблем, в рамках отечественного языкоznания не представляет собой сформировавшейся научной дисциплины»³⁰.

Причина этого ясна. Разобщение проблем информационного порядка лишает расчлененные дисциплины теоретического обоснования. Ни литературоведение, ни лингвистика, ни отделы исторической науки по изучению исторического процесса не могут и не должны заниматься теорией информации. В результате информационными услугами пользуются многие науки, а разрабатывать теорию информации в полном объеме ни одна отрасль на себя не берет.

В этой связи становится понятным, почему вспомогательные дисциплины именуются техническими знаниями. «Задача данной книги,— писал Берков,— показать, где находятся и как отыскиваются материалы для работы, каким предварительным операциям надо подвергать их для дальнейшего использования. Короче говоря, книга посвящена *технике* литературоведческого исследования»³¹. Техническими эти знания называются потому, что они рассматриваются не в полном объеме, а только со стороны практики, нужной литературоведению, лингвистике или исторической науке. Если же посмотреть на вспомогательные дисциплины не с точки зрения литературоведения, истории, лингвистики, а в целом комплексе их собственных задач и функций, то можно заметить в них, помимо практики, и обобщения, т. е. теорию. В своей совокупности они перестают быть техническими или только предварительными знаниями.

В результате развития проблем информационного характера по различным научным отраслям терялись их общие перспективы, что, безусловно, нежелательно. Дело в том, что при таком порядке не только опускалось их теоретическое объяснение, но и сами эти проблемы оказывались не у дел в той или иной отрасли. Так, существует много промежуточных форм научно-справочного аппарата, не подлежащих ведению ни архивоведения, ни библиографии, ни музееведения, ни археографии. Например, важным подспорьем в деле поиска источников и информации являются исторические хроники. Однако для исторической науки — это только часть проблематики, которая среди других видов научной работы может представляться низшим или предварительным уровнем. В рамках единой информационной науки составление исторических хроник может найти достойное место. Не менее важны тематические об-

²⁹ Там же, с. 9.

³⁰ Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975, с. 15.

³¹ Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования..., с. 3.

зоры источников, составление которых нередко выходит за пределы той или иной отрасли. Настоятельной является потребность учета погибших или утерянных материалов в целях облегчения поиска сохранившихся³².

Кроме того, существует задача учета естественных пробелов в источниках³³. Их изучение производит историческая критика. Когда же они выявлены, то учесть их и превратить в систему доведения до сведения потенциальных потребителей — предмет информационной науки.

По-видимому, давно пора выделить проблемы информационного характера из многих наук в одну общую дисциплину и рассматривать создание информационных центров в различных отраслях как задачу одной дисциплины информационного характера. Какого бы характера ни была информация — палеографического, исторического, лингвистического, литературоведческого, организация ее в поисковую систему не есть решение задач науки, которая нуждается в информации, а особая область научных знаний.

Выделение проблем информационного характера из многих дисциплин практически может быть осуществлено следующим образом. Информацию ищут все дисциплины, нуждающиеся в ней. Но когда она найдена, приведение ее в систему для последующего использования — задача особой информационной науки.

Все это свидетельствует о том, что единая наука информации необходима. Эта мысль не нова. Она высказана еще в 20-х годах нашего века, когда возникла потребность осмыслиения места библиографии в общей системе научной работы. Мнения по этому поводу были самые различные. Некоторые историки включали библиографию в библиотековедение и относили ее к числу вспомогательных исторических дисциплин³⁴. Но библиография обслуживала не только исторические науки. Кроме того, уже в первые послереволюционные годы ощущалась искусственность отделения библиографических описаний печатных источников от пособий по архивным источникам. В связи с этим один из видных советских библиографов — Н. В. Здобнов высказался за создание единой науки информационного характера. «Библиография, археография

³² Попытку составить каталог погибших фондов предпринимал в нашей стране В. Д. Бонч-Бруевич. См. его статью «Об архивных фондах литературных деятелей» (Архивное дело, 1939, № 2, с. 19). Большое значение учету утрат придавал Л. В. Черепнин. Он пытался восполнить пробелы в дошедшем до нас собрании духовных и договорных грамот путем ссылок на архивные описи XVI—XVII вв., «в которых содержатся сведения об утраченных документах» (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 7).

³³ Д. Багалей доказал возможность более широких выводов по сравнению с наличным материалом при учете пробелов в источниках. Так, рассматривая заселение Украины, он обратил внимание, что этот процесс мало отражен в письменных памятниках (См.: Багалей Д. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887). Пробел есть та же информация. См.: Вопр. истории, 1965, № 6, с. 76—86.

³⁴ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924, с. 252—253.

и т. п. дисциплины,— писал Здобнов,— войдут как составные части в одну обобщающую их науку, исследующую всю совокупность знаний о графических памятниках мысли, которая будет называться библиологией, или источниковедением, или как-нибудь иначе, что в данном случае не имеет существенного значения»³⁵.

Примерно в то же время подобное предложение сделано и за рубежом. П. Отле рекомендовал объединить комплекс процессов по сбору, обработке, хранению, поиску и распространению научных документов под общим названием «документация», которая служит синонимом современного термина «информатика»³⁶. Под этим новым названием и утверждается в настоящее время новая дисциплина информационного характера³⁷. Сначала она обслуживала в основном естественные и точные науки, но вскоре была распространена на все отрасли знаний. Представители общественных наук обобщили это явление³⁸.

С. И. Кузнецова, И. А. Ходош, например, писали, что научная информация чаще всего подразумевает научно-техническую информацию, но «такое сужение понятия научной информации не оправдано теоретически и в реальной жизни наблюдается лишь временно. Наука едина, и система научной информации не может не включать все отрасли знания»³⁹.

Перед информатикой ставится теперь задача «доведения до каждого потребителя всей информации в сфере его тематики»⁴⁰.

Для информатики безразлично, каково «конкретное содержание научной информации, например, идет ли речь о новом виде насекомого или о прогрессивном методе обработки металла. Важно лишь то, что имеется какая-то научная информация, которая должна быть наиболее эффективным образом, в надлежащее время, а также в нужном объеме и форме доведена непосредственно до потенциального потребителя этой информации»⁴¹.

Информатика относится к общественным наукам. То обстоятельство, что в ней «разрабатываются методы использования технических средств для повышения эффективности научно-информационной деятельности, вовсе не отрицает принадлежности информатики к общественным наукам»⁴². А это означает, что с созданием

³⁵ Здобнов Н. В. Основы краевой библиографии. Л., 1925, с. 10.

³⁶ БСЭ. 3-е изд., 1972, т. 10, с. 348.

³⁷ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы научной информации, 1-е изд. М., 1965; Они же. Основы информатики, 2-е изд. М., 1968.

³⁸ Так, журнал «Научно-техническая информация», основной периодический орган информатики, стал печатать статьи по общественным наукам. См.: Иванов В. И., Юсупов С. Н. Некоторые вопросы разработки ИПС в области права.— НТИ. Сер. 2, 1962, № 6, с. 18—20 и др.

³⁹ Кузнецова С. И., Ходош И. А. Проблемы улучшения информации в области общественных наук.— Вопр. истории, 1968, № 10, с. 105.

⁴⁰ Шрейдер Ю. А. Информация и эффективность.— В кн.: Об эффективности научно-информационной деятельности: Сб. ст. М., 1976, с. 113.

⁴¹ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Информатика: ее предмет и методы.— В кн.: Теоретические проблемы информатики. М., 1968, с. 15.

⁴² Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Научно-информационная деятельность: ее содержание и место в науке.— В кн.: Международный фо-

информатики пришел конец распылению проблем информационного характера по разным отраслям — архивоведению, археографии, палеографии и т. д. Ненужными становятся и сепаратные информационные дисциплины в истории, лингвистике, литературоведении. Информатика, как и ее составная часть библиография, обслуживает всех потребителей.

Принципиальное отличие информатики от прежних дисциплин информационного характера состоит в том, что она сразу же стала формироваться как наука теоретическая. Объяснительная же сторона в источниковедении (эвристика) была крайне незначительна или отрицалась полностью. Попытка создать теорию обзора оказалась несостоятельной в силу соединения обзора материалов с их критическим изучением, т. е. с анализом содержания. В отличие от источниковедения информатика «не изучает конкретного содержания научной информации, которое является объектом исследования соответствующих наук (математики, физики, химии, биологии и т. д.). В задачи информатики не входит выработка критериев оценки истинности, новизны и полезности научной информации. Теоретические задачи информатики заканчиваются во вскрытии общих закономерностей создания, преобразования, передачи и использования научной информации в различных сферах общественной деятельности»⁴³. Иными словами, при обосновании информатики были использованы достижения исследовательской мысли об ограничении предметов различных отраслей, о выделении информационных задач из других операций по изучению документов и материалов.

Однако некоторые вопросы построения информатики становятся более или менее ясными в ходе обсуждения. На них мы и остановим внимание. Прежде всего разноречивые суждения вызывали основные принципы построения информатики, установление ее соотношения с традиционными отраслями информационного характера. Так, в литературе указывается на то обстоятельство, что «сложился целый комплекс наук, называемых информационными». При этом делается заключение что старые науки заменяются новыми. «На смену пришли во многом дублирующие их новые научные направления, стоящие на принципиально иных методологических позициях и более активно использующие новую технику»⁴⁴, — пишет Г. Г. Воробьев. Действительно, библиографии, каталоги,

---

рум по информатике. М., 1969, т. 1, с. 83. Попытки отрицать принадлежность информатики к общественным наукам были, но мы не будем их рассматривать, поскольку они опровергнуты самими же специалистами этой отрасли.

⁴³ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика. М., 1976, с. 23—24. Препринт.

⁴⁴ Воробьев Г. Г. Документалистика и научная информация.— В кн.: Информатика и ее проблемы. Новосибирск, 1970, вып. 1, с. 24. В то же время распространяется мнение, что «процессы создания, накопления, обработки различных документальных источников и информации изучаются и разрабатываются не одной какой-либо дисциплиной, а комплексом дисциплин, которые часто перекрещиваются, но не исключают, а дополняют друг друга» (Рудельсон К. И. Современные документальные классификации. М., 1973, с. 28).

хроники, различные указатели, описи, описания, обзоры и т. п. «суть информационно-поисковые системы»⁴⁵ старого типа. Перед информатикой ставится задача разработки новых информационно-поисковых систем.

Но новые системы не заменяют старые. Более точно сделано замечание о том, что дальнейшее развитие научной информации «может быть обеспечено только плодотворным сочетанием традиционных и нетрадиционных методов»⁴⁶. Больше того, традиционные системы информации в условиях внедрения вычислительной техники получают дальнейший импульс развития. «Несмотря на быстрое развитие механизированных информационно-поисковых систем, традиционные формы информационно-библиографического обслуживания (реферативно-библиографическая периодика, ретроспективные указатели, картотеки, каталоги библиотек и др.) остаются и сейчас, и в обозримом будущем главными средствами удовлетворения информационных потребностей специалистов»⁴⁷. Мысль о необходимости сочетания старых и новых систем информации ясна. Информатика, не пренебрегая традиционными формами информирования, стремится дополнить их⁴⁸. Правда, эта реальность не учтена в следующем определении: «Информатика — теория научной информации. Отрасль знания, изучающая закономерности сбора, преобразования, хранения, поиска и распространения документальной информации и определяющая оптимальную организацию информационной работы на базе современных технических средств»⁴⁹. Ограничение информатики базой современных технических средств не создает предпосылок для включения в ее предмет старых поисковых систем — библиографий, обозрений, описаний и т. д., которые остаются за пределами информатики. Информатика провозглашается теоретической наукой и делается вывод, что сама информационная деятельность не есть предмет информатики. А. И. Михайлов, В. А. Полушкин утверждали, что «часто у нас имеет место ошибочное отождествление понятий **научная и научно-**

⁴⁵ Вейс К. Л. Дескрипторные словари и методика их создания.— В кн.: Создание информационно-поисковых систем и информационно-поисковых языков для них. Л., 1965, ч. 1, с. 35.

⁴⁶ Бирзович В. Л., Лесокина Э. И. Опыт сопоставительного анализа методики предметизации литературы по общественным наукам (на примере литературы по истории и языкознанию).— В кн.: Теория и методика словарных информационно-поисковых языков по общественным наукам. М., 1975, с. 190.

⁴⁷ Теплов Д. Ю. Типология библиографических изданий по технике.— НТИ, Сер. 2, 1968, № 7, с. 12.

⁴⁸ Так, информатика разрабатывает указатели нового типа, которые по своему характеру дополняют традиционно-поисковые системы. К их числу относится указатель цитированной литературы. Подробнее см.: Мехтиев Д. М., Аракелов Р. К., Мелион С. П., Кульгавина О. Э. Использование указателя цитированной литературы для анализа состояния и тенденций развития информатики.— НТИ. Сер. 2, 1977, № 2, с. 9—18. О целесообразности развития в информатике традиционных и новых поисковых систем см. также: Черный А. И. Введение в теорию информационного поиска. М., 1975.

⁴⁹ Жданова Г. С., Колобродова Е. С., Полушкин В. А., Черный А. И. Словарь терминов по информатике на русском и английском языках. М., 1971, с. 21.

информационная деятельность. Научно-информационная деятельность (сбор, систематизация, аналитико-синтетическая обработка, хранение, поиск и выдача научной информации), т. е. то, что может быть охарактеризовано как информирование или как процесс передачи научных сведений, ни в коем случае не может входить в понятие научной информации»⁵⁰. Еще более выразительно такая мысль высказана в следующем определении: «...предметом информатики является изучение явлений и общих закономерностей научно-информационной деятельности, но не сама эта деятельность, которую могут и должны выполнять лишь специалисты в соответствующих отраслях науки и техники. Например, информатика занимается изучением внутренних механизмов реферирования документов на естественных языках человеком и разработкой общих методов такого реферирования. Но она не занимается самим реферированием»⁵¹. Такого рода объяснения предмета информатики ведут к тому, что теория зачисляется в одну науку, а практика расчленяется по другим отраслям. Объяснение информационной службы частью информатики, практической ее стороной способствовало бы распространению на эту отрасль общих принципов построения наук — соединению теории и практики в рамках данной отрасли. Важно иметь в виду и другое. Конечно, крайне желательно, чтобы библиограф, реферирующий научную книгу, статью, был специалистом в данной отрасли. Однако это обстоятельство не означает, что реферирование, составление указателей и других работ, связанных с введением в научный оборот результатов исследования или какого-либо документа,— предмет, скажем, физики или исторической науки и т. д. Если специалист по физике реферирует монографию по физике, то это значит, что он занят не разработкой проблем физики, а практикой информатики. Реферирование — предмет библиографии. Поскольку ставится вопрос о том, что информатика устанавливает внутренний механизм или принципы реферирования, то необходимо, чтобы и практика библиографии и реферирования отошла к информатике, а не только теоретическая часть этих видов работ.

С другой стороны, распространяется мысль о том, что информатика «не выполняет роли обобщающей дисциплины высшего уровня по отношению к библиотековедению, библиографированию, книгоизданию, архивоведению и другим дисциплинам данного цикла»⁵².

⁵⁰ Михайлов А. И., Полушкин В. А. Теория научной информации — новая самостоятельная научная дисциплина.— НТИ, 1963, № 3, с. 3.

⁵¹ Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Информатика: ее предмет и методы.— В кн.: Теоретические проблемы информатики, с. 15. В полном соответствии с вышеизведенными установками писали и историки, утверждая, что информатика основана на методах кибернетики и изучает «структурту и свойства (а не конкретное содержание) научной информации, а также закономерности научно-информационной деятельности» (Арапова Л. И., Рудельсон К. И. Новый этап развития советской археографии.— Вопр. истории, 1971, № 6, с. 63).

⁵² Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Научные коммуникации и информатика, с. 23.

Однако информатика, включая в свой предмет разработку внутреннего механизма реферирования или библиографирования, выполняет по отношению к перечисленным отраслям в целом или к отдельным их частям роль общего понятия⁵³. Если научно-информационная деятельность «имеет четко определенную цель, которая может достигаться разными путями»⁵⁴, то естественно, что в информационную науку должны быть включены все пути, все информационные системы с их теорией и практикой: разработка принципов реферирования с самим реферированием, совершенствование принципов библиографирования с библиографированием и т. д. При таком подходе никакой перекрещиваемости информационных проблем не было бы. Существовала бы одна информационная наука с различными видами и формами информации. Перекрещиваемость — это дублирование одних и тех же проблем разными науками, у которых есть и другие задачи. Например, архивоведение занимается сохранением документов и созданием путеводителей архивных описей. В источниковедении разрабатываются проблемы критики памятников и составления их обзоров. Археография наряду с подготовкой документов к опубликованию отягощается их описаниями и обзорами документальных публикаций. Сосредоточение информационной проблематики в одной информационной науке не есть дублирование или перекрещиваемость. Наоборот, различные системы поиска источников и информации становятся как бы параллельными друг другу. В то же время кибернетические системы информации не подменяют традиционные системы, как не подменяет, например, экскаватор во всех случаях лопату. Нет никакого ущерба для библиографии, источниковедческой эвристики, информационных проблем архивоведения, описательных проблем археографии, лингвистики, палеографии, литературоведения, если их информационные проблемы войдут в информатику как составные звенья, а информатика будет включать в свой предмет разработку новых и совершенствование старых информационно-поисковых систем.

Установление такого соотношения информатики и традиционных поисковых систем состоит в том, что отдельные понятия подводятся под общие категории⁵⁵. В этом случае предмет наук, ранее включавших информационные проблемы, получил бы более строго логическое обоснование, что важно в деле классификации наук, для построения систем справочного аппарата и для дальнейшего совершенствования тех и других отраслей.

⁵³ Библиотековедение, книговедение, архивоведение в полном объеме не могут быть включены в информатику. У них имеется ряд других задач, помимо информационных.

⁵⁴ Шрейдер Ю. А. Информация и эффективность, с. 113.

⁵⁵ Например, в информатике употребляется понятие «свертывание информации» как одна из областей «аналитико-синтетической обработки первичных научных документов» (Жданова Г. С. К проблеме свертывания информации.— НТИ, 1963, № 10, с. 17). Этот термин служит общим понятием для целого ряда традиционных видов работ: реферирования, описания, обозрения, аннотирования документов.

Пока же небесспорным является понятие «комплексная наука» применительно к информатике. «Информатика, родившаяся на стыке документалистики, лингвистики, вычислительной техники и математики, является и всегда будет оставаться (несмотря на ее самостоятельный характер) комплексной дисциплиной, требующей объединения усилий специалистов различных специальностей и профессий. Это является одной из причин, вызывающих необходимость в использовании методов, приемов и принципов исследования, выработанных практикой многих научных дисциплин»⁵⁶. В этом высказывании комплексный характер информатики рассматривается в плане использования приемов и методов различных наук. Конечно, информатика не может развиваться без технического, математического, лингвистического обеспечения, текстологического анализа. Однако задача ее — не разработка проблем техники, математики, лингвистики или текстологии. Предмет ее однороден — информирование, теория информирования, теория информационных систем. Информатика не становится комплексной наукой и при передаче в ее предмет старых систем разработки справочно-поискового аппарата, так как эти проблемы имеют одну и ту же цель — доведение до потребителя изучаемого материала, нужной информации. Комплексности нет и в том случае, когда информатика использует данные математики, физики, истории, лингвистики. Все науки взаимосвязаны и используют достижения других отраслей в своих целях.

Не решен вопрос о соотношении информатики и так называемой документалистики. С одной стороны, термин «документалистика» рассматривается как синоним информатики⁵⁷. С другой стороны, можно встретить суждение о том, что информатика «плодотворно взаимодействует с документалистикой в изучении информационного аспекта документов»⁵⁸. Таким образом, создается впечатление, что информатика и документалистика близки между собой, но имеют разные предметы. Документалистика рассматривается как самостоятельная ветвь кибернетики⁵⁹. Если сохранить термин «документалистика» за кибернетическими поисковыми системами, а информатику рассматривать как науку о всех системах приведения в известность информации, то между этими понятиями может быть закреплено отношение части и целого.

Отсутствие стабильности понятий и терминов в информатике не позволяет «уже сейчас дать точное определение понятия информа-

⁵⁶ Мельников Г. П., Муранинский Т. В. Системные методы в информатике и научно-информационной деятельности.— В кн.: Теория и практика научно-технической информации. М., 1973, с. 3.

⁵⁷ Брикман М. А. Библиография и документалистика (информатика).— НТИ. Сер. 2, 1968, № 1, с. 5; см. также определение документалистики как «науки об организации научной и технической информации» (Прикладная документалистика: Сб. ст. М., 1968, с. 3).

⁵⁸ Семенюк Э. П. Информационный подход к познанию в современной науке и информатике.— НТИ, сер. 2, 1977, № 5, с. 8.

⁵⁹ Воробьев Г. Г. Документалистика и научная информация.— В кн. Информатика и ее проблемы. Новосибирск, 1970, вып. 1, с. 24.

тиki, хотя таких попыток было много»⁶⁰. Это наблюдение чехословацкого специалиста сохраняет силу и в настоящее время.

Принципы формирования единой науки информационного характера еще не отработаны и находятся в стадии становления.

Пока информатика понимается в форме науки о новых поисковых системах. На выполнение этой же задачи претендует и документалистика. Объединение в информатике всех систем поискового аппарата, старых и новых, создаст предпосылку для освобождения предметов различных дисциплин от разноплановых задач, поможет документалистике определить свое место в структуре информатики. Объединение в информатике всех информационно-поисковых систем означало бы включение в эту отрасль теории и практики информирования, а не одной только теории, как это имеет место в существующих объяснениях.

Некоторые терминологические затруднения могли бы быть решены следующим образом: информатика — общее понятие для всех поисковых систем; термин «источниковедение» (эвристика) мог бы быть сохранен за старыми системами (обзорами, описаниями, каталогами и др.); термин «документалистика» обозначил бы кибернетические поисковые системы.

---

⁶⁰ Мерта А. Информатика как научная дисциплина.— В кн.: Теоретические проблемы информатики. М., 1968, с. 36.

ГЛАВА IV

РАЗВИТИЕ ПАЛЕОГРАФИИ

Отечественная наука имеет давние традиции в изучении проблем палеографии древнерусской и славянской письменности. Особенно интенсивно эта дисциплина разрабатывалась в нашей стране во второй половине XIX — начале XX в.¹ Обобщенные результаты исследований отражались преимущественно в лекционных курсах.

В учебных пособиях по палеографии этой дисциплине был придан дидактический характер, что сохранялось и в первые десятилетия советской эпохи. Известную роль в таком объяснении палеографии сыграло отношение к этой дисциплине М. Н. Покровского. Выступая в 1925 г. на I съезде архивных деятелей РСФСР, М. Н. Покровский обратил внимание на необходимость освоения исследовательского опыта прошлого, поскольку ученых старого времени, по его словам, «прежде всего обучали разным палеографиям и т. п. вещам, которые нужны для того, чтобы читать старые документы»². Говоря о дореволюционном времени, М. Н. Покровский подметил такую особенность: «Там очень часто все уходило в эту технику и, она была разработана действительно до мельчайших подробностей»³. В результате такой установки создавалось впечатление, что палеография и другие дисциплины, именовавшиеся вспомогательными, техническими, разработаны. Необходимо лишь их освоение. Предполагалось совершенствование не палеографии, а навыка в овладении техническими приемами. Но самым главным тормозом на пути развития палеографии из знания о практических задачах

¹ Сахаров И. П. Чтения из русской палеографии. М., 1854; Пыпин А. Н. Материалы для славянской палеографии.— Учен. зап. II Отд-ния имп. АН, СПб., 1856, кн. 2, вып. 2, с. 3—58; Тихонравов Н. С. Русская палеография. М., 1884; Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885; Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899; Карский Е. Ф. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901; Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908; Каринский Н. М. Славянская палеография. Пг., 1915; Брандт Р. Ф. Лекции по славяно-русской палеографии. М., 1909; Беляев И. С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII вв. М., 1911; 2-е изд. М., 1913; Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913, и др.

² Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР. М.; Л., 1926, с. 13.

³ Там же, с. 14. Сами палеографы имели другое суждение. В рецензии на «Славяно-русскую палеографию» И. И. Срезневского И. В. Ягич выражал надежду в том, что постепенно будет заменен «простой навык опытного глаза в определении времени точными признаками палеографическими. Пока их подобрано очень немного... В том-то и заключается главный недостаток славяно-русской палеографии. Палеографические приемы в ней мало разработаны» (Вестн. археологии и истории. СПб., 1885, вып. 3, с. 103). В последующие годы многое было сделано, но не все достижения нашли отражение в историографических трудах.

узнавания букв и знаков в научное были установки в самой этой дисциплине. Палеограф М. Н. Сперанский писал: «Палеография, как вспомогательная дисциплина для историка, филолога, историка литературы и археолога, преследует прежде всего цели практические — определение времени и места возникновения письменного памятника»⁴.

В данном случае автор имел в виду не практику палеографии, а ее прикладные задачи. Поскольку оба понятия не различались, то и получалось, что палеография была ориентирована на решение прикладных задач, названных практическими целями. Подобные установки были распространены весьма широко. Собственное развитие этой дисциплины не было целью историков и специалистов других отраслей, использовавших палеографию как прикладную техническую дисциплину. В основном она развивалась в лингвистике.

Учебные курсы по русской палеографии в общем балансе работ занимают почетное место и в советскую эпоху⁵. Некоторые из них подготовлены еще в дореволюционное время. В учебных курсах развитие палеографии опиралось на различные виды работ: описания рукописей, подготовку к печати документальных текстов, комментирование, составление вводных статей, рецензирование палеографических изданий⁶, историографические исследования, археологические раскопки и т. д. К числу наиболее заметных историографических обзоров накопившихся палеографических наблюдений в советской литературе можно отнести монографию Л. П. Жуковской и статью Л. В. Черепнина⁷. В них подведены итоги развития палеографии в России и в СССР, выявлены дискуссионные вопросы. Однако они не лишены и недостатков. Например, в них не дано информации о метрическом методе. За их пределами оказались весьма важные наблюдения И. И. Срезневского, И. В. Ягича, И. М. Каманина и других исследователей, разрабатывавших теорию и практику метрического метода в палеографии.

Попытка критического анализа советских работ по палеографии была предпринята также М. В. Кукушкой⁸. В ряде случаев

⁴ Сперанский М. Н. Палеографические труды П. А. Лаврова.— Изв. АН СССР. Отд-ние гуманит. наук. Сер. 7, 1930, № 8, с. 559.

⁵ Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1918; 2-е изд. М., 1967; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928; Приселков М. Д. Курс русской палеографии. Л., 1938; Часов Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1946; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956; Николаева А. Т. Русская палеография: (Конспект курса). М., 1956; Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1956; Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970, и др.

⁶ Информация о такого рода изданиях дана в кн.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. I. Кн. I.

⁷ Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии: (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963; Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины.— В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР: Сб. ст. М., 1974.

⁸ Кукушкина М. В. Советская палеография.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968, вып. I, с. 73—94.

ей удалось подметить некоторые положительные стороны и недостатки в палеографических обобщениях, например при определении хронологических границ палеографии. Она подвергла критике ограничение предмета палеографии изучением древних памятников письма, отнесла к палеографии и современные рукописи. Вместе с тем понятие палеографии сведено ею к исследованию начертаний на пергамене, бумаге и бересте, хотя отечественная традиция относила к палеографии все памятники письменности, независимо от материала, на котором они были написаны. Допущены и другие просчеты. Частично они отмечены в упомянутой статье Л. В. Чепренина. К их числу можно отнести объяснение палеографии в прикладном смысле. Так, без всяких оснований М. В. Кукушкина разразила Н. Н. Розову, выступившему против названия палеографии вспомогательной исторической дисциплиной⁹. Смысль замечания Н. Н. Розова заключался в том, что палеография, тесно связанная своим происхождением с предметом русского языкоznания, должна быть самостоятельной отраслью лингвистики. Это замечание ценно тем, что находится в русле наметившегося переосмыслинения задач палеографии — из прикладных в подлинно научные. Так, за самостоятельный характер палеографии выступил чешский палеограф П. Спунар, указавший на необходимость «выдвижения и решения в первую очередь теоретических проблем истории письма». «Не довольствоваться простой констатацией тех или иных графических изменений, но объяснить их причину — такова, по мнению Спунара, сущность нового, подлинно научного направления в палеографии»¹⁰. Замечания Н. Н. Розова о самостоятельном развитии палеографии и суждения чешского ученого объединяет общее стремление вывести палеографию из тупика устаревших представлений о ее прикладном характере.

В истории отечественной науки уделялось внимание изучению опыта палеографии латинской, греческой, готической и другой зарубежной письменности¹¹, а также письменности народов СССР¹².

Вероятно, многое из зарубежного опыта еще не изучено. Но может ли это обстоятельство служить поводом для отсрочки обобщений уже выявленного материала? Мысль о том, что установление каких-то общих положений в науке можно осуществить до полного

⁹ Розов Н. Н. Рец. на кн.: Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963.—Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1965, т. 24, вып. 6, с. 553.

¹⁰ Цит. по кн.: Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв. М., 1975, с. 33.

¹¹ Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Пг., 1923; 2-е изд. М.; Л., 1936. Эта работа цитируется далее по второму изданию; Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969; Гранстрем Е. Э. Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1969; Киселева Л. И. Готический курсив XIII—XV вв. Л., 1974; Малов В. Н. Происхождение современного письма: Палеография французских документов конца XV—XVIII вв. М., 1975; Романова В. Л. Указ. соч., и др.

¹² Подробная информация о палеографическом изучении письменности народов СССР дана в сборнике статей «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР».

изучения материала, сформулирована Ф. Энгельсом: «Если бы мы захотели ждать, пока материал будет готов в чистом виде для закона, то это значило бы приостановить до тех пор мыслящее исследование, и уже по одному этому мы никогда не получили бы закона»¹³. Этот вывод применим и к палеографии: Проверка обоснованности распространяемых в ней понятий на примере отечественной науки может дать материал для анализа теории палеографии. Что касается терминологии, то главное — в уточнении исходных понятий, а унификация терминов может быть достигнута в ходе согласования со специалистами различных отраслей палеографии.

Поскольку в истории нашей науки внимание уделялось в основном прикладным задачам палеографии, вопросы о ее принципах в послереволюционные годы редко подвергались рассмотрению. Все это привело к некоторому застою в области теории. В дореволюционной и советской исторической литературе накопилось много неясностей, противоречивых утверждений в объяснениях предмета палеографии, ее метода. Существует даже мнение, что развитие палеографии остановилось на уровне начала века¹⁴, несмотря на то что было выпущено много литературы. Вероятно, есть смысл выявить границы достоверности такого вывода. Это первый вопрос, который мы рассмотрим. С другой стороны, распространяется мысль о том, что славяно-русская палеография отстает от палеографии латинского письма. Отставание обосновывается тем, что будто бы в латинской палеографии «раньше всего завоевала право на существование новая методика, нашел отражение принцип историзма»¹⁵. В целях проверки этого вывода сопоставим новую методику, как она представляется в трудах наших латинистов, с данными отечественной науки.

Раскрытию предмета палеографии, ее способов, установлению взаимосвязи со смежными дисциплинами и выявлению нерешенных вопросов посвящено все остальное содержание настоящей главы.

Вывод о том, что отечественная палеография осталась на уровне начала века, нуждается в ограничении. Некоторые изменения в представлениях о палеографии все же произошли. Известно, например, что в первые десятилетия нашего века отрицалось само право палеографии быть наукой, поскольку «самое важное для палеографа — практика, навык, а не теория». «Наукой, в точном смысле этого слова, палеография называться не может»¹⁶, — писал И. А. Шляпкин, обосновывая это тем, что у нее нет точности, нет методов, это чисто практическая дисциплина. Однако в России уже

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 555.

¹⁴ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин. — Вестн. АН СССР, 1976, № 4, с. 65.

¹⁵ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1973, вып. 1, с. 43. Автор связывал принцип историзма с изучением палеографией истории письма. Между тем история письма — более широкая задача. Палеографические же проблемы — часть истории письма. См.: Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 8 и др.

¹⁶ Шляпкин А. И. Русская палеография, с. 3, 102.

в конце XIX — начале XX в. в палеографии наряду с визуальным способом стал разрабатываться и метрический метод. Видимо, И. А. Шляпкин не был информирован о нем. Суть метрического метода раскроем ниже. И все же цитированные обобщения И. А. Шляпкина отразили целую эпоху развития палеографии. Подобного же взгляда придерживались и другие ученые того периода. У Р. Ф. Брандта находим такое высказывание: «Палеография есть в известном смысле скорее искусство, чем наука: умение обращаться с рукописями — плод скорее не столько ученья, сколько навыка»¹⁷.

На подобных объяснениях наука не остановилась. Постепенно происходило переосмысливание места вспомогательных дисциплин в структуре исторической науки, включая палеографию. Из практического пособия для историков и других специалистов она превращается в особую самостоятельную дисциплину. Вспомним суждение О. А. Добиаш-Рождественской: «За палеографией обыкновенно отрицают имя науки и называют ее, как бы в отличие от последней, „дисциплиной“, притом „вспомогательной“ по отношению к истории... Нас прежде всего интересует, в каком отношении стоит она к истории, т. е. к изучению прошлого, на какой стадии исследования она вступает в такие отношения, в качестве ли „вспомогательной“ или, может быть, и точнее — составляющей»¹⁸. Здесь очень верно схвачена мысль о палеографии как частице истории, одной из отраслей, составляющих ее.

Мысль О. А. Добиаш-Рождественской обобщила сделанные ранее наблюдения. Издания палеографических снимков с рукописей и старопечатных книг, практиковавшиеся в XIX—XX вв. в нашей стране и за рубежом, преследовали не только вспомогательную цель для нужд истории, литературоведения, лингвистики, но и ставили задачу развития самой палеографии. И. В. Ягич писал о палеографическом труде И. И. Срезневского, сделавшего извлечения из изучаемых текстов «не только по содержанию, но и по характеру письма, он (Срезневский.— В. Ф.) изучал эти памятники не только для истории литературы, но и для палеографии»¹⁹. Изучение памятников письменности для палеографии — это уже не подсобная задача. Так шло переосмысление палеографии.

Признание права каждой дисциплины на свою собственную теорию — это новый сдвиг в понятиях и о палеографии. В советской науке подмечено «перерастание вспомогательной дисциплины в направление исторического исследования»²⁰. Таким образом, теперь уже каждая дисциплина, именуемая вспомогательной, специальной,

¹⁷ Брандт Р. Ф. Указ. соч., с. 3.

¹⁸ Добиаш-Рождественская О. А. Указ. соч., с. 14.

¹⁹ Ягич И. В. Рец. на кн.: Срезневский И. И. Славяно-русская палеография.— Вестн. археологии и истории, СПб., 1885, вып. 3, с. 103.

²⁰ Янин В. Л. К проблеме интеграции изучения вещественных и письменных источников по истории русского средневековья.— История СССР, 1973, № 3, 13.

включая палеографию,— отрасль исторической науки ²¹. Разница между пособием и отраслью состоит в том, что пособие не имеет теории ²², а отрасль не лишается этого важнейшего элемента. Из приведенных материалов можно заключить, что объяснение характера палеографии полностью не осталось на уровне начала века. Однако процесс переосмысливания палеографии еще не завершился созданием обобщающих трудов по ее теории. В этом смысле возможно говорить, что палеография осталась на уровне начала века, а в некоторых вопросах отодвинута на уровень своего зарождения. Созданию обобщенной теории палеографии препятствует не только проблема освоения всех национальных палеографий одним каким-либо специалистом, но и суждение о принципиальной невозможности общей, или теоретической, палеографии. «Общей палеографии не существует,— пишет Л. П. Жуковская.— В зависимости от системы буквенных знаков (алфавитов) и языка, на котором написаны изучаемые рукописи, палеография подразделяется на греческую, латинскую, арабскую, китайскую, индийскую, армянскую, грузинскую и др.» ²³. Тогда в этом смысле не должно существовать и общей истории, общего искусства, общей литературы и т. д. В то же время известно, что применяются общие принципы к изучению истории разных стран, различных литератур, искусства. Есть и общие принципы изучения графики письма, хотя они могут иметь и отличительные черты. Эти общие принципы и свидетельствуют о том, что общая палеография возможна и она формируется. Например, с момента возникновения палеографии, что относится к 1708 г.— времени издания во Франции труда Б. Монфокона под названием «Греческая палеография», понятие этой отрасли распространилось по всему миру. И во Франции и в России первоначально был распространен визуальный способ изучения и описания орудий и материала для письма у древних, начертаний букв, аббревиатур (сокращений) и специальных знаков. С конца XIX в. в России стал складываться более точный метрический метод изучения тех же проблем. Во Франции метрический метод возник позднее. Оба эти способа — визуальный и метрический — разрабатывались на материалах различной письменности — славяно-русской и латинской. Стало быть, речь должна идти не о том, что общей, теоретической палеографии не существует. Необходимо ее создавать или готовить материал для ее создания путем выявления наиболее характерных понятий и приемов, применимых к различным

²¹ В литературе можно встретить название палеографии филологической, историко-филологической, исторической, лингвистической дисциплиной. Вероятно, самое удачное — считать палеографию исторической отраслью, поскольку все другие перечисленные отрасли также историчны. Главное заключается в том, что палеография не только подсобное знание, но и самостоятельная отрасль.

²² Подробнее об отличительных признаках «пособия» см.: Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования: Источниковедение. Библиография. Рязьсканение. Л., 1955, с. 49—50.

²³ Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 7.

национальным палеографиям. Общая палеография — это теория палеографии, описание и объяснение ее принципов.

Изучение отечественной литературы показывает, что произошли и другие перемены: палеография в своем развитии, с одной стороны, расширяла свой предмет, а с другой — сужала его. Расширение происходило в хронологическом плане — от древних документов к материалам нового времени, а также путем распространения способов палеографии на познание различных видов памятников письма, печати, гравировки, вырубливания, нацарапывания, начертания и т. д. Сужение обусловливалось развитием смежных дисциплин от всеобъемлющего изучения текстов к изучению специфической для палеографии проблемы — графической формы письма. Рассмотрим оба этих процесса, как они отражены в нашей литературе.

Мысль о том, что равным образом нуждается в изучении графика старого и нового письма, была высказана в начале нашего века профессором Р. Ф. Брандтом. Именно он обратил внимание на условность обозначения данной науки термином «палеография», так как «Наука о письменных приемах захватывает и времена довольно новые», палеографическому исследованию «подвергают даже новейшие произведения пера». Взамен термина «палеография» он предложил для рассмотрения другие названия — «письмоведение» и «письмоводство». В то же время он ничего не имел против того, чтобы «помириться с ходячим термином „палеография“». Предложенные им термины не были правильно ориентирующими, поскольку сам же Брандт распространял палеографию на изучение графики печатных текстов²⁴. Кроме того, термин «письмоводство» подразумевает разнообразные проблемы письменности, а не только изучение форм графики письма. Менять один неправильно ориентирующий термин на неправильно ориентирующий другой термин не было смысла. Однако плодотворная мысль о распространении палеографии на изучение новейших памятников письма в советской литературе получила дальнейшее развитие. О. А. Добиаш-Рождественская, характеризуя палеографию как науку о «древнем» письме, подтвердила приложимость методов палеографии к изучению письма нового: «Принципиально и практически,— писала она,— изучение письма нового есть приложение того же метода к материалу, довольно мало отличному. Он представляется только (иногда притом по первому лишь впечатлению) более индивидуальным и потому менее закономерным, а также (наблюдение далеко не верное и вызванное близостью к нашему восприятию языка и содержания текста) более „легким“». Ограничивая свою книгу наблюдениями из истории средневекового письма, О. А. Добиаш-Рождественская объяснила во введении причины такого действия. «Делаем мы это как потому, что наиболее ценные и систематизированные наблюдения сделаны были и возведены в науку на письме „старом“, так и потому, что естественно, именно на этом основании, мы сами посвятим ему более

²⁴ Брандт Р. Ф. Указ. соч., с. 4—5.

всего времени и внимания. Во всяком случае письмо новое мы будем иметь в виду везде, где это нужно и возможно в данной книге». Высказываясь за изучение палеографией и старого и нового письма, автор излагает только то, что является непосредственным предметом рассмотрения. В книге О. А. Добиаш-Рождественской можно прочитать и следующие слова: палеография — комбинация знаний о древнем, «во всяком случае, ограничиваемом обычно датой изобретения книгопечатания — письме»²⁵. По аналогии с этим высказыванием А. Д. Люблинская отодвинула границу предмета палеографии к изобретению пишущей машинки²⁶. Для О. А. Добиаш-Рождественской хронологическое ограничение палеографии датой изобретения книгопечатания — это не теоретическая установка, а отражение процесса развития практики. Практика палеографии, например, во Франции до сего времени остается на рубеже XV в. По словам В. Н. Малова, «самые авторитетные французские палеографы призывают перейти рубежи XV в. и заняться систематическим изучением более позднего письма»²⁷. А пока национальная школа хартий во Франции, «на опыт которой равняются в других европейских странах, готовит только палеографов-медиевистов, т. е. теоретическое изучение письма здесь обрывается на конце XV в.»²⁸. Употребляя слова «теоретическое изучение», автор явно имеет в виду практику, так как теоретическое изучение предписывает распространить палеографическое изучение за рубежи XV в., а практика все еще остается на этих рубежах. Так, и О. А. Добиаш-Рождественская теоретически не отрицала возможность распространения палеографии на изучение нового письма, практически же ограничивала его датой изобретения книгопечатания.

В последующие годы в нашей стране сделаны более решительные шаги в деле распространения палеографии на изучение современного письма. В 1957 г. В. И. Шунков высказался за распространение палеографии на изучение советских источников²⁹, а в октябре 1959 г. М. Н. Тихомиров на собрании Археографической комиссии предложил создать проект учебника по палеографии источников советского общества³⁰.

Чтобы отличить палеографию нового времени от палеографии древнего и средневекового письма, было предложено «ввести в научный оборот термин „неография“, обозначая им вспомогательную дисциплину, изучающую внешние признаки рукописных памятни-

²⁵ Добиаш-Рождественская О. А. Указ. соч., с. 15, 16.

²⁶ См. доклад А. Д. Люблинской на конференции «Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин» (Ленинград, 9—11 июня 1969 г.). Материалы хранятся в фондах Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

²⁷ Малов В. Н. Указ. соч., с. 22.

²⁸ Там же, с. 21.

²⁹ Исторический архив, 1957, № 5, с. 284.

³⁰ Археологический ежегодник за 1959 год. М., 1960, с. 353.

ков с XIX примерно века, когда письменность приобретает ряд новых черт»³¹. Новый термин стал распространяться³².

П. Н. Берков предложил назвать палеографию нового времени «неотерография»³³. Между тем в новых терминах не было необходимости. Создавая иллюзию образования новой дисциплины, они не ограничивали способов изучения старого и нового письма.

Выделение «неографии» в особую дисциплину по изучению нового письма обосновывается мыслью о невозможности в новое время изучать эволюцию графики письма. Говоря о науке, которая изучает современное письмо, Л. П. Жуковская утверждала: «Главным здесь становится, поскольку речь идет о почерках деятелей недавнего прошлого, графологические исследования, не имеющие непосредственного отношения к изменениям начерков отдельных букв во времени»³⁴. Автор видит границу между палеографией и неографией в том, что неография изучает графику конкретных документов, или, иначе, проводит графологические исследования, а палеография прослеживает изменения начерков отдельных букв во времени. Такого рода разграничение несостоит потому, что палеография изучает сначала графику букв, знаков, их расположение, а затем уже развитие графики. Не изучив конкретных начерков в разные периоды, не проследишь и изменений. Метрический метод в палеографии, созданный в России в конце XIX в., свидетельствует о том, что графологические исследования были распространены и при изучении древнего письма. Стало быть, графологические исследования не являются характерным признаком лишь при изучении современного письма. Они в равной мере применяются в том и другом случае. Изучение букв и знаков посредством измерения их расположения и начертания объединяет графологические исследования, неографию и палеографию в одну цельную научную дисциплину, в рамках которой познается и эволюция графики.

³¹ Черепнин Л. В. Русская палеография, с. 574. В одной из последующих работ того же автора говорилось уже о необходимости обоснования разделения палеографии. «Конечно, вполне закономерно, чтобы палеография ограничила сферу своего действия каким-то определенным, обоснованно выделенным этапом» (Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 50). И все же более убедительным оказался вывод советской науки о том, что «необходимо изучать палеографически все документы нового времени, не устанавливая здесь какие-либо искусственные хронологические рубежи», «вполне закономерно (как это уже делает ряд авторов) сохранить закрепленное традицией название «палеография» и применительно к разделу этой дисциплины, посвященному более поздним памятникам письменности, сознавая при этом, конечно, условность термина» (Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины, с. 22).

³² Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963, с. 204; Алексеев М. П. По следам рукописей И. С. Тургенева во Франции.— Рус. лит., 1963, № 2, с. 64 и др.

³³ Берков П. Н. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию С. Н. Валка. М.; Л., 1964, с. 37.

³⁴ Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 103.

С. А. Рейсер, выступающий за создание единой науки по изучению старого и нового письма, пишет о трудностях «установления исторических путей эволюции русской графики» в новое время: «Было бы ошибочным механически переносить предмет и методы палеографии древней на новое время. Палеография древнерусских памятников стремится учесть и обработать данные по возможности всех старых памятников, число которых ограничено, чтобы яснее представить себе пути и способы эволюции письма.

Палеография нового времени испытывает противоположную трудность — обилие материала. Письменные памятники нового времени (приблизительно с начала XVIII в.) дошли до нас поистине в неисчислимом количестве. Именно в этом трудность установления исторических путей эволюции русской графики. Отсюда необходимость других методов изучения³⁵. Если бы речь шла о других методах, то тогда «неографию», может быть, и нужно было создавать. Между тем речь идет всего лишь об уточнении отдельных приемов. Например, теперь уже нет прежних выносных знаков для сокращения письма, но сама проблема сокращений существует и в старом и в новом письме, и т. д. Автор подменил вопрос о методах или приемах древней и новой палеографии вопросом о трудностях информации.

Поскольку всеми признается, что проблема изучения эволюции графики для палеографии основная, то при создании единой науки для изучения старого и нового письма она может быть поставлена в нескольких планах, а не только в рамках познания эволюции национальной графики. Во-первых, в плане выявления сходства форм в различных отраслях. В России уже в XIX в. делались сопоставления славяно-русского уставного письма с аналогичными формами латинского письма. Они показали аналогичность процессов — от вырисовывания букв к скорописи.

Во-вторых, эволюция национальной графики может быть прослежена путем детального изучения графики отдельных текстов в разное время. Для современного письма такую эволюцию возможно проследить по печатным изданиям. На III Международном совещании по палеографии (Париж, 1972) предложен «новый метод» определения дат недатированных древних рукописей. «Он заключается в том, что на основе анализа датированных рукописей вырабатывается искусственный „средний“ алфавит, сравнение особенностей которого с буквами недатированных рукописей определяет дату последних»³⁶. Этот способ еще не вышел из стадии эксперимента. Вероятно, он может быть опробован при изучении графики печатных текстов нового времени, но не для датирования, поскольку для современных текстов это не характерно, а в целях изучения эволюции графики печатных изданий если не всех, то отдельных видов. Несмотря на различие множества форм графики в один какой-либо момент истории, во всем этом разнообразии,

³⁵ Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени, с. 5—6.

³⁶ Киселева Л. И. Указ. соч., с. 36.

несомненно, могут быть выявлены общие закономерности. Создал же бельгийский ученый Г. Каллеверт «классификацию современных почерков, точнее, способов движения пера»³⁷. И это несмотря на обилие материалов.

И третий аспект — это изучение эволюции индивидуальной графики. Все это палеографические проблемы. Еще И. И. Срезневский указывал на палеографические выводы, касающиеся «постепенного изменения начертания письмен, каждого отдельно и в их взаимной связи»³⁸. Поэтому изучение эволюции графики не сводится только к познанию эволюции национальной графики, а состоит из ряда взаимозависимых проблем более общего и частного характера. Обилие материалов в новое время может быть благом, лишь бы они правильно были классифицированы, каждому из них найдено свое место.

В нашей литературе в связи с распространением этимологического обоснования предмета ссылками на термин «палеография»³⁹ обращено внимание на несостоительность этимологии при рассмотрении предмета науки⁴⁰. Опровергнуты ссылки на употребление бумаги с водяными знаками для определения хронологических границ палеографии⁴¹.

Таким образом, обоснования ограничения палеографии какими-либо хронологическими рамками весьма неубедительны. Распространение ее предмета на письменные памятники всех времен освобождает палеографию от многих противоречивых выводов. Не случайно поэтому Л. В. Черепнин, впервые применивший термин «неография», отказался от него в пользу единого термина «палеография» для старого и нового письма.

Наряду с распространением палеографии на изучение графики письма всех времен расширение предмета производилось и путем внедрения правил палеографии в изучение графики печатных текстов. В. П. Козлов установил, что уже в первой четверти XIX в. палеографический анализ применялся при изучении печатных изданий. По его наблюдениям, К. Ф. Калайдович первым в отечественной науке подверг палеографическому анализу старопечатные книги. Калайдович выделил основные формы шрифтов, характерные для определенного места и времени. При описании библиотеки

³⁷ Там же, с. 12.

³⁸ Срезневский И. И. Славяно-русская палеография.— ЖМНП, 1881, № 1, с. 5.

³⁹ Так, Л. П. Жуковская писала: «...палеография по самому существу своему (об этом свидетельствует ее название) ориентирована на изучение древнего письма» (Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 103).

⁴⁰ Гришунин А. Л. Рец. на кн.: Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени.— Изв. АН ССР. Сер. лит. и яз., 1971, т. 30, вып. 6, с. 556. Рецензент неточен, утверждая, что «С. А. Рейсер — инициатор и пионер палеографических разработок применительно к литературе и письменности нового времени» (там же.). Р. Ф. Брандт и И. Ф. Колесников, много раньше С. А. Рейсера констатировавшие факт изучения палеографией графики нового письма, сами себя не считали первыми в таком расширении предмета палеографии. Вопрос об инициаторе палеографических разработок применительно к новой литературе требует дальнейших изысканий.

⁴¹ Кукушкина М. В. Указ. соч., с. 84.

Н. П. Румянцева в 1822 г. Калайдович использовал сопоставление шрифтов, их расположение в известных книгах с изучаемыми печатными изданиями⁴². К этому можно добавить, что в середине XIX в. И. П. Сахаров уже безоговорочно относил к предмету палеографии изучение «древних письменных и печатных памятников Русской словесности»⁴³. Позже Р. Ф. Брандт подтвердил, что палеография позволяет изучать материалы «не только о писанье, но и о печатанье, ибо перепечатанные книги по своему письму примыкают к рукописным»⁴⁴, т. е. имеют свой почерк в том смысле, что расположение шрифта в разных текстах не одинаково, как и в рукописях. О палеографии шрифтов упоминал И. А. Шляпкин⁴⁵. Все эти исследователи осознавали наличие специфических черт в печатных и рукописных материалах. Речь шла лишь о том, чтобы распространить приемы изучения графики рукописей на произведения печати.

Несмотря на такой солидный опыт, палеографы, изучающие рукописные тексты, упорно продолжали настаивать на ограничении палеографии рукописными материалами. Например, М. В. Кукушкина в упомянутой статье утверждает: «Палеография изучает рукописные памятники, написанные на пергамене и на бумаге, а также на бересте (в связи с последними находками берестяных грамот)»⁴⁶. А. А. Введенский, соглашаясь с названием палеографии нового времени неографией, высказывался о ее предмете более решительно. Он считал, что неография должна изучать «современные почерки и машинописные тексты со штампами на них и вставками в эти тексты (писанные от руки)»⁴⁷.

Применительно к задачам исторического исследования советской эпохи о «палеографии машинописных текстов» пишет ученица М. Н. Тихомирова Р. В. Костиная⁴⁸. В отличие от А. А. Введенского она занимается практической стороной изучения графики

⁴² Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976, с. 15; *Он же. Колумбы российских древностей*. М., 1981.

⁴³ Сахаров И. П. Чтения из русской палеографии, с. 3.

⁴⁴ Брандт Р. Ф. Указ. соч., с. 4—5.

⁴⁵ Шляпкин И. А. Русская палеография, с. 4.

⁴⁶ Кукушкина М. В. Указ. соч., с. 79. Изучение берестяных грамот В. Л. Янин относит к эпиграфике. В датировке берестяных грамот, по его мнению, решающее значение имеет стратиграфия (см.: *Состояние и задачи изучения вспомогательных исторических дисциплин*. Л., 1969, с. 5).

Надо заметить, что изучение берестяных грамот включается в предмет палеографии «вследствие недостаточности письменных источников для древнейшего периода (до XIII в. включительно)» (*Жуковская Л. П. Указ. соч.*, с. 9). Однако графику берестяных грамот палеография изучает прежде всего потому, что это ее задача. Если относить познание берестяных грамот и к эпиграфике, то оно, по-видимому, должно осуществляться в целом, синтетически.

⁴⁷ Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР, с. 204.

⁴⁸ Костина Р. В. К вопросу об исследовании машинописных текстов первых лет Советской власти.— В кн.: *Новое о прошлом нашей страны: Сб. ст.* М., 1967, с. 381 и др.

машинописи, не вдаваясь в теоретическую сторону и не ставя вопрос, что должна изучать палеография. А. А. Введенский же теоретически ограничил круг ведения палеографии рукописями и машинописными текстами. Такое сужение предмета палеографии можно объяснить зарождением новой отрасли — книговедения. Известно, что отдельные специалисты относили изучение изменений графики типографских источников к книговедению⁴⁹. А. Г. Фомин возразил против такого понимания предмета книговедения в том плане, что содержание книговедения еще точно не определено и необходимо «установить отчетливо границы, отмежевывающие книговедение от других наук»⁵⁰. Такого рода работа еще не проведена. Палеографические задачи продолжают включаться в предмет книговедения. Об этом свидетельствует, например, следующее высказывание: «...сущность поэземплярного изучения книги как исторического источника должна состоять в применении к ней принципов и приемов, сложившихся в истории рукописной и первопечатной книги, в сочетании с методикой, выработанной на материалах письменных источников в источниковедении, археографии, палеографии, текстологии и других вспомогательных историко-филологических дисциплинах»⁵¹.

На западе книговедение получило название кодикологии. Предмет этой отрасли и там еще не сформировался. Он включает в свой состав палеографические проблемы⁵². И там ученые высказываются против подчинения палеографии кодикологии, например чешский палеограф П. Слунар. Такое переплетение предметов характерно и для других отраслей. Оно связано с неумением определить проблематику комплексной науки, какой, несомненно, должно быть книговедение. Комплексная наука строится синтетически, интегрированно. На практике же комплексность реализуется лишь в сумму существующих уже знаний. Так строятся книговедение, источниковедение, палеография, эпиграфика и другие отрасли. Ведь не случайно же О. А. Добиаш-Рождественская определила палеографию комбинацией знаний, представлений и методов, которые дают возможность: «1) безошибочно читать старое письмо, 2) устанавливать его время и происхождение, 3) понимать и устранять ошибки, вкравшиеся в текст и утвердившиеся преданием»⁵³.

Такие задачи не всегда могут быть решены изучением одной лишь графики вырубленных, нацарапанных или отлитых текстов. Поскольку изучение графики рукописных, машинописных и типографских текстов осуществляется на основе одних и тех же принципов, то нет необходимости разделять такое изучение по разным наукам. Например, применение изучения графики в кри-

⁴⁹ Ловягин А. М. Основы книговедения. Л., 1926.

⁵⁰ Фомин А. Г. Книговедение как наука. История и современное состояние. Л., 1931, с. 114.

⁵¹ Мильников А. С. Книга как объект источниковедения.— В кн.: Источникование отечественной истории: Сб. ст. 1975. М., 1976, с. 63.

⁵² Романова В. Л. Указ. соч., с. 32–33.

⁵³ Добиаш-Рождественская О. А. Указ. соч., с. 16.

миналистике не означает, что оно является ее предметом. В частности, Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз совершенствует изучение графики письма, печати и машинописи⁵⁴. Некоторые палеографы не считают это палеографическим изучением. На самом деле изучение графики в криминалистике — предмет палеографии, для которой это прикладная задача, как и применение такого изучения в различных отраслях исторической науки. То есть для криминалистики основной задачей является раскрытие преступления, а палеографическое изучение способствует этому. Точно так историческая наука решает свои задачи, а палеография — свои, помогая тем самым общеисторическому исследованию.

Предмет палеографии расширялся от изучения графики шрифтов к познанию графики надписей, вырубленных на камне, вырезанных, выплеченных, вылитых, написанных на других твердых предметах. Так, редактор «Отечественных записок» писал по поводу латинской надписи в Успенском соборе Московского Кремля вокруг изображения Георгия Победоносца: «Желательно, чтобы наши Палеографы обратили свое внимание на надпись⁵⁵ и объяснили бы ее». И это не случайное мнение. Известный в отечественной науке специалист по изучению древних памятников И. П. Сахаров несколько позже разделял палеографию на четыре вида: литературную, юридическую, археологическую, нумизматическую⁵⁶, т. е. изучающую памятники литературы, юридические акты, надписи на твердых предметах, надписи на монетах. Разбор надписей на твердых предметах относил к палеографии акад. И. И. Срезневский, высоко оценивший работы А. Н. Оленина⁵⁷ по изучению надписи на Тмутараканском камне. Он считал их «первым шагом в палеографии»⁵⁸.

⁵⁴ Белов В. Язык твой — друг мой.— Неделя, 1969, 26 янв., № 4, с. 22—23; Яблоков Н. П. Исследование машинописных текстов.— В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1960, сб. 4.

⁵⁵ Свинин П. П. Прогулка по Московскому Кремлю.— Отечественные записки, 1821, № 18, с. 19.

⁵⁶ Сахаров И. П. Чтения из русской палеографии, с. 3.

⁵⁷ Оленин А. Н. Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном в Тамане в 1792 году. СПб., 1806.

⁵⁸ Срезневский И. И. Славяно-русская палеография, с. 9. Вопрос о зарождении русской палеографии решался по-разному. М. Д. Приселков начало палеографических исследований в России связывал с описанием рукописей А. Х. Востоковым (1842 г.). И. Ф. Колесников называл И. И. Срезневского «родонаучальником русской палеографии» (Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности.— Архивное дело, 1939, № 4, с. 16). В. Н. Перетц относил зарождение палеографии к началу XIX в.: «В области славяно-русской палеографии до А. И. Соболевского существовали отдельные наблюдения над письмом древних славяно-русских памятников с XI по XVII в. Таковы труды Востокова, Срезневского. Но только А. И. Соболевскому обязана своим созданием наука славяно-русской палеографии, как история способов письма...» (Перетц В. Н. Академик А. И. Соболевский: Некролог и очерки научной деятельности.— Изв. АН ССР, Отд-ние гуманит. наук, сер. 7, 1930, № 1, с. 21). Вероятно, противоречий в этих высказываниях нет, если учесть то обстоятельство, что ученые связывали появление палеографии с разными стадиями ее развития.

В связи с развитием эпиграфики и нумизматики суждения учеников разделились. Одни из них продолжали относить к палеографии изучение надписей на любых материалах, другие — только рукописей на бумаге, пергамене и — позднее — на бересте. Вот два высказывания, отражающие такое состояние:

«Под палеографией разумеют вспомогательную историческую дисциплину, изучающую *внешнюю* сторону памятников письменности. Но не все памятники письменности в настоящее время входят в круг ведения палеографии: памятники письменности нарезные или чеканные составляют область эпиграфики, так что под палеографией разумеют изучение внешней стороны рукописей (книг и грамот)»⁵⁹.

«Русская палеография помимо рукописей изучает также и *надписи* — письмена на твердом материале. Русской *эпиграфики* — науки о надписях — пока еще нет»⁶⁰.

Различие в приведенных высказываниях обусловлено тем, что в мировой науке эпиграфика стала складываться ко времени написания цитированных трудов, а в СССР тогда еще не было сколько-нибудь значимых работ в этой области. Однако оно не было принципиальным. Речь шла лишь о временном отставании эпиграфики, в результате которого палеография согласно таким представлениям и охватывала изучение надписей на твердых предметах. В настоящее время, когда эпиграфика благодаря усилиям Б. А. Рыбакова и других специалистов развила в нашей стране, произошло переосмысление предметов той и другой отрасли. Палеография изучает теперь, как и прежде, наряду с рукописями надписи на твердых предметах со стороны формы начертаний букв и знаков письма⁶¹. Причины же распространения палеографии на познание эпиграфических надписей иные, чем прежде. Если раньше, например в 40-х годах нашего века, как о том свидетельствует приведенное выше высказывание И. Ф. Колесникова, палеография изучала надписи на твердых предметах потому, что не было эпиграфики, то теперь она делает это вследствие наличия у эпиграфики других задач. Б. А. Рыбаков высказал такое соображение: «Отличие палеографии от эпиграфики состоит в том, что первая исследует лишь форму начертаний, не вникая по существу в содержание написанного, тогда как вторая имеет дело не только с характером надписей на разном материале, но и с содержанием их»⁶². Итак, в размежевании предметов палеографии и эпиграфики достигнут значительный прогресс. Он заключается в установлении разных задач той и другой отрасли. Однако предмет эпиграфики все еще нуждается в уточнении. Дело в том, что отнесение к эпиграфике познания содержания надписей не является бесспорным. На изучение содержания

⁵⁹ Приселков М. Д. Курс русской палеографии. Л., 1938, с. 1.

⁶⁰ Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы. — Архивное дело, 1940, № 2, с. 20.

⁶¹ Подробнее см.: Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.

⁶² Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. (состояние, возможности, задачи). — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов: Докл. сов. делегации. Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, с. 35.

любых текстов претендует текстология. Видимо, эпиграфика должна строиться синтетически, используя данные различных наук для решения каких-то своих задач. Каковы они, предстоит еще определить. Учитывая опыт других наук, вопрос этот не прост, и решаться он будет с учетом развития целого ряда отраслей гуманистических и естественных дисциплин.

Таким образом, палеография расширялась в сторону изучения графики письма на любом материале. Особенности рукописного, машинописного, печатного, вырубленного, вылепленного, отлитого и вырезанного текста не являются помехой для выявления примет формы букв и знаков их расположения. Выявление палеографических примет и является тем общим моментом, который создает единство палеографии как науки, хотя и не исключает необходимости подразделения ее на палеографию письма, машинописи, типографской печати, гравирования, рисования, вылепливания, вырезывания и т. д.

Таков извилистый путь расширения предмета палеографии — от текстов древности на каком-то одном материале к изучению любых текстов всех времен на любых материалах.

Возражения против такого расширения не основательны: они сводятся к противопоставлению познания графики индивидуальных текстов изучению эволюции графики письма. Обе эти проблемы — единый комплекс палеографических исследований.

Рассмотрим теперь вопрос о сужении предмета этой отрасли и выделении из него других дисциплин. Из предыдущих материалов видно, что в предмет палеографии наряду с познанием графики включали и анализ содержания текстов и другие проблемы. Охват палеографией разнообразных знаний сложился исторически. Как произошло объединение в палеографии множества знаний, объяснил И. И. Срезневский: «Содержание надписи на камне заставило Оленина обратиться и к другим памятникам более или менее древним за фактами не только чисто палеографическими, но и лингвистическими, историческими, географическими»⁶³. Учитывая необходимость знаний различных наук для прочтения надписи на Тмутараканском камне, установления ее смысла, времени создания, все они стали включаться в предмет палеографии.

Сам И. И. Срезневский заметил неправомерность объединения в палеографии разнообразных знаний и разделил палеографические выводы на прямые и непрямые. Прямые палеографические выводы, по Срезневскому, касаются: «1. постепенного изменения начертания письмен, каждого отдельно и в их взаимной связи, а равно и разных принадлежностей написания; 2. постепенного изменения правописания. Непрямые палеографические выводы могут быть лингвистические, литературные и т. п.»⁶⁴. Но понятия эти очень неясны. В самом деле, в прямые палеографические выводы включалось правописание, т. е. один из разделов лингвисти-

⁶³ Срезневский И. И. Славяно-русская палеография.— ЖМНП, 1881, № 1, с. 10.

⁶⁴ Там же, с. 5.

ки, и другие разделы лингвистики включались в палеографию как «непрямые палеографические выводы».

В середине XIX в. палеограф И. П. Сахаров выражал сложившийся взгляд более определенно. Он писал: «В состав палеографии входят история, география, археология, дипломатика, законоведение, филология и критика. В XVIII столетии палеографию заменила одна Дипломатика...». Российский палеограф включал в предмет своей науки все, что могло оказать помощь в решении ее задач: «Без критики, истории, географии и археологии невозможно палеографу объяснить достоверность акта, определить его историческое значение. Без филологического взгляда можно ли безошибочно определить время написания акта?»⁶⁵. Соответственно такому взгляду П. И. Мельников-Печерский, писатель и исследователь раскола, высоко оценил разбор двух церковных книг, произведенный в 1719 г. монахом Александром (в миру Андрей Денисов). В «Записке о расколе» П. И. Мельников писал: «Александр диакон так разработал это деяние, что критический разбор его сделал бы честь и современному археологу»⁶⁶. Позднее специалист в области отечественной палеографии В. Г. Дружинин после цитирования этих слов добавил: «Исправим термин автора — палеографу». Замена вполне соответствовала понятиям того времени. Указав на труд А. Денисова как на образцовое палеографическое сочинение, В. Г. Дружинин отмечал, что «автор применяет прием внутренней и внешней критики текста памятников»⁶⁷, т. е. изучение формы, времени, места создания памятника, его графики, содержания, смысла и т. д. Изучение графики в этом разборе — одна из операций. Подобные установки разделяли и другие исследователи.

В России долгое время не существовало сфрагистики. Ее задачи выполнялись так называемой «археологической палеографией»⁶⁸. Выделение изучения печатей в конце XIX в. в самостоятельную научную дисциплину⁶⁹ освобождало палеографию от исследования печатей и штампов, хотя изучение графики букв оставалось в ее предмете.

Недостаточная обоснованность информационной науки предопределяла включение в палеографию описание рукописей, разработку форм таких описаний. Так, изданный в 1879—1881 гг. в четырех томах труд Амфилохия (П. И. Сергиевского) «Палеографическое описание греческих рукописей определенных лет с IX по XVII век» имел эвристическую цель. Подобные описания включались в палеографию. В упомянутой книге А. И. Соболевского один из разделов называется «Описания рукописных собраний». Точно

⁶⁵ Сахаров И. П. Чтения из русской палеографии, с. 2—3.

⁶⁶ Цитируем по кн.: Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия.— Летопись занятий археографической комиссии за 1918 г. Пг., 1923, вып. 31, с. 4, 25.

⁶⁷ Там же, с. 48.

⁶⁸ Сахаров И. П. Обозрение русской археологии. СПб., 1851, с. 79.

⁶⁹ Родзевич Ф. И. О русской сфрагистике.— Вестн. археологии и истории, СПб., 1886, вып. 6.

так же В. Н. Щепкин включил в учебник палеографии большой раздел «Описание рукописей», в котором изложил принципы этого вида исследовательской работы. Подобным же образом поступал И. А. Шляпкин, относивший к палеографии научное описание рукописей и т. д. То же самое происходит и теперь. Однако введение в научный оборот рукописей, подробное их описание, хотя бы и по палеографическим признакам,— это проблематика информационной отрасли.

В палеографию включалось изучение миниатюрного искусства. Но уже в XIX в. подмечено его самостоятельное значение. Говоря о превосходном издании в 1862—1865 гг. в трех выпусках труда «Фотографические снимки с миниатюрами греческих рукописей, находящихся в московской синодальной бывшей патриаршой библиотеке», И. В. Ягич писал: «...цель его не палеография, а история миниатюрного искусства»⁷⁰. То же самое можно сказать об изучении орнамента. В советской литературе самоопределение познания миниатюр и орнамента книг и рукописей продолжено⁷¹. Высказано суждение о разности задач палеографии и изучения украшений рукописей⁷².

В составе палеографии развивалось и филиграноведение. Однако наметилось выделение его в область истории техники⁷³, а затем было внесено предложение об ограничении филигранологии в самостоятельную научную дисциплину⁷⁴. На конференции по вспомогательным историческим дисциплинам в Ленинграде (9—11 июня 1969 г.) его повторили В. В. Панащенко (Институт истории АН УССР) и Р. Патаридзе (Институт рукописей АН ГССР). Однако это не встретило единодушной поддержки, хотя ясно, что изучение графики текстов и водяных знаков на бумаге — разные проблемы.

Палеография долгое время выполняла функции лингвистики и истории языка. Учитывая такого рода факты, В. В. Виноградов отмечал, что до А. А. Шахматова «палеография подавляла историю языка»⁷⁵. Включение в палеографию языкоznания и текстологи-

⁷⁰ Ягич И. В. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, с. 8.

⁷¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. В новейшей литературе понятие «миниатюра» ограничено от понятий «орнамент» и «иллюстрация». См: Розов Н. Н. Книга в России в XV веке, Л., 1981.

⁷² М. Н. Сперанский, говоря о палеографических трудах П. А. Лаврова, отмечал, что рядом со строчным письмом он давал образцы орнамента, «старался на своих снимках дать такую ее страницу, где есть заставки, вязь, концовка. Но, не будучи специалистом по истории орнамента ивязи, близко уже соприкасающейся с историей искусства, к тому же еще недостаточно разработанной, П. А. [Лавров] ограничивается тем, что дает только материал для будущего исследователя орнамента в приложении к палеографии» (Сперанский М. Н. Указ. соч., с. 567).

⁷³ Участкина З. В. Водяные знаки русской бумаги.— В кн.: Труды Ин-та естествознания и техники. М.; Л., 1956, т. 12, с. 312—337.

⁷⁴ Клепиков С. А. Новые работы в области филигранологии.— Проблемы источниковедения. М., 1961, вып. 10.

⁷⁵ Виноградов В. В. Алексей Александрович Шахматов. Пг., 1922, с. 33.

ческих проблем имело место и позднее. Так, А. М. Большаков относил к палеографии установление текста памятника путем сличения списков или на основании анализа данных языка и содержания рукописи⁷⁶. Еще в 1940 г. И. Ф. Колесников причислял к палеографии изучение «языка и общей терминологии эпохи»⁷⁷. Делал он это на том основании, что «изучение языка — фонетики, морфологии, синтаксиса и словарного материала — является необходимою предпосылкою чтения текста рукописи»⁷⁸. При этом палеографическое прочтение рукописи, по Колесникову, предусматривало и умение «правильно понимать прочитанное»⁷⁹. Два с небольшим десятилетия спустя Л. П. Жуковская обратила внимание на необоснованные расширения предмета палеографии. «Некоторые ученые, — писала Жуковская, — относят к палеографии само умение читать древние рукописи. Это не совсем правильно, так как под чтением нельзя понимать только узнавание буквы, но непременно нужно включать и фактор понимания текста. Последнее же невозможно без знания основных явлений истории того языка, на котором написан исследуемый текст. Таким образом, поскольку палеография не может без помощи лингвистики выполнить задачу обучения чтению древних текстов, эту задачу нельзя считать специфической и тем более основной в палеографии»⁸⁰. Эта мысль восходит к более ранним высказываниям Л. В. Черепнина, обратившего внимание на то обстоятельство, что «хорошее знание графики рукописных текстов разных времен важно для их прочтения и понимания». Но графика не охватывает всего, что нужно для прочтения и понимания. Естественно, что при чтении и установлении текстов «приходится руководствоваться данными не только палеографии, но и других вспомогательных исторических дисциплин»⁸¹. В целом мысль о целесообразности ограничения палеографии изучением графики прокладывает путь к очищению предмета палеографии от несвойственных этой отрасли задач. Однако в других высказываниях Жуковская фактически свела ее на нет следующим утверждением: палеограф «изучает также в известной степени содержание памятника и особенности его языка»⁸². В силу развития многих отраслей палеография ни в какой мере не изучает содержание и язык памятников.

Цитированные высказывания Л. В. Черепнина и Л. П. Жуковской об опоре на лингвистику и вспомогательные исторические дисциплины при прочтении текстов лишь частично отражают круг необходимых знаний в деле установления их смысла и содержа-

⁷⁶ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924, с. 116.

⁷⁷ Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы, с. 17.

⁷⁸ Колесников И. Ф. Палеография документальной (архивной) письменности, с. 19.

⁷⁹ Там же, с. 15.

⁸⁰ Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 4—5.

⁸¹ Черепнин В. Л. Русская палеография, с. 6, 10.

⁸² Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 8.

ния. Знаниями, на которые указали эти исследователи, прочтение не исчерпывается. Оно может охватывать и другие науки, опираться на самые разнообразные знания, а не только на лингвистику и вспомогательные исторические дисциплины.

К предмету палеографии относились и способы старинного тайнописания⁸³, т. е. история, теория и практика криптографии. Теперь это проблематика истории письма⁸⁴. Отождествление палеографии с познанием истории письма было связано с комплексным пониманием ее предмета. По мере отхода от комплексного объяснения палеографии термин «история письма» в ее аппарате стал анахронизмом, так как, несмотря на его употребление в палеографии, «при изучении письма основное внимание уделялось характеристике внешних форм букв»⁸⁵. Поэтому не случайно Д. С. Лихачев предложил «выделить как особую дисциплину в палеографии на равных правах с филиграноведением именно историю почерков, а не историю письма в целом»⁸⁶.

Таким образом, палеография подчиняла себе все смежные науки и неопределенности отрасли. В том же плане строилось объяснение дипломатики, археографии и других отраслей в более позднее время. В результате не было стабильности в понятиях. Если дипломатика, по И. П. Сахарову, входила составной частью в палеографию⁸⁷, то, согласно представлениям Н. П. Лихачева, устанавливавшая обратная связь: «...в дипломатику входит как составная часть — палеография...»⁸⁸. С другой стороны, Г. М. Котляров, анализируя книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк дипломатики частных актов», употребил понятие «общая археография» и включил в него «требование знакомства с начертанием букв»⁸⁹, т. е. палеографические наблюдения. Такая неустойчивость (то палеография — часть дипломатики, то дипломатика — отдел палеографии, то палеография включалась в археографию, археологию и другие отрасли) — следствие включения одного знания в другое.

Сужение предмета палеографии от всеобъемлющего изучения памятников письменности к изучению их графики неизбежно в силу развития смежных отраслей. Однако эту мысль принимают не все исследователи. Л. В. Черепнин писал: «Я не понимаю, например, почему Фарсобин считает прогрессом изъятие из сферы ведения

⁸³ Пыпин А. Н. Указ. соч., с. 53. Эта проблема относилась к палеографии и в советской литературе. См.: *Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования*. Баку, 1930, с. 54.

⁸⁴ Истрик В. А. Указ. соч., с. 8.

⁸⁵ Романова В. Л. Указ. соч., с. 16.

⁸⁶ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин, с. 65.

⁸⁷ Дипломатика включалась в палеографию в том смысле, что палеографическому изучению подвергались актовые материалы. В этом плане А. С. Уваров подразделял палеографию «на эпиграфику и дипломатику». См.: *Уваров А. С. Сборник. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам*. М., 1910, т. 3, с. 187.

⁸⁸ Лихачев Н. П. Дипломатика. СПб., 1901, с. 9.

⁸⁹ Русский исторический журнал, 1922, № 8, с. 262.

палеографии материала и орудий письма, поскольку это „предметы материальной культуры“, „область техники“. Но как может палеограф исключиться из данной области и изучать в изоляции графику, эволюция которой в значительной мере определяется техническими возможностями? Это один из примеров ломки традиций, не оправданной потребностями самой науки»⁹⁰. На это можно ответить следующими соображениями. Речь не идет об изолированном изучении графики письма. Графику письма возможно и необходимо изучать во взаимной связи с историей техники, языкоznания и другими науками, как история изучается, например, с использованием математики. Только стоит ли проблемы истории техники, языкоznания, истории искусств и других наук включать в предмет палеографии? Изучение филиграней, водяных знаков, свойств бумаги, рисунков, орудий письма — это самостоятельные области исследований. В условиях, когда создано много новых наук, отнесение к палеографии изучения орудий, бумаги, в том числе и водяных знаков, является излишним.

Между тем снова и снова делаются попытки повернуть палеографию вспять. «Палеография изучает не только графику, но и другие внешние признаки — писчий материал со всеми его особенностями, украшения, а также орудия письма, влиявшие на графику»⁹¹, — говорят Е. И. Каменцева и А. Т. Николаева. Если подходить к предмету палеографии с позиций различных влияний на графику письма, то прежде всего необходимо было бы включить в него изучение физиологии, анатомии, психологии самого человека. Ведь в первую очередь на графику влиял человек. Но поскольку отрасли по изучению человека самоопределились, то нет нужды включать их в палеографию. Точно так же обстоит дело с материалом письма, украшением-орнаментом, миниатюрами. Если бы не было наук, которые могли взять на себя это изучение, то был бы смысл временно, до самоопределения, оставить эти проблемы в палеографии. Однако сейчас уже многие науки занимаются изучением бумаги. Поверхность бумаги, например, изучается спектрографически с помощью ультрафиолетовых лучей. Широко используются химические методы. Степень белезны определяется теперь не визуально, а с помощью фотоэлектрического фотометра, светонепроницаемость — диафанометром. Для выявления степени лоска также есть особый прибор. Не случайно международные конгрессы по изучению бумаги проводятся независимо от изучения графики букв. Изучение бумаги может взять на себя история науки и техники. В рамках же палеографии бумага изучается в основном только с точки зрения филиграней визуально. А если учсть, что традиционно в палеографию включается изучение графики букв на твердых предметах, то это влечет за собой изучение палеографией свойств бе-

⁹⁰ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 39.

⁹¹ Каменцева Е. И., Николаева А. Т. Проблемы палеографии и кодикологии в СССР.— Сов. архивы, 1976, № 2, с. 107.

ресты, металлов, камней, цемента, известки и т. д. В палеографии оказались бы объединенными проблемы биологии, химии, металлургии, минералогии.

Однако известно, что разделение труда было уже в средневековых мастерских. Одни специалисты делали тогда пергамен, бумагу, другие — рисовали, третья — писали. И несмотря на то что возможно совмещение в одном лице изготовителя бумаги, художника и писца, все эти области человеческих знаний нет необходимости в настоящее время объединять в палеографии. И тем не менее предмет палеографии отягощается проблемами отпочковавшихся дисциплин. Например, А. И. Гуковский назвал палеографию вспомогательной исторической дисциплиной, которая, «по-прежнему исследуя всю совокупность внешних свойств документов, должна теперь изучать типы и системы множительных аппаратов, шрифты пишущих машинок, свойства красок, особенности типографских лент и т. д.»⁹². В таком же плане расширяет предмет палеографии другой автор. «В современных исследованиях по палеографии,— читаем в учебном пособии,— необходимо учесть и такие новые приемы воспроизведения и анализа документов, как микро- и макрофотография, магнитофон, запись на перфорированной ленте и т. п.»⁹³ Учесть, конечно, необходимо все новейшие достижения техники, но отягощать предмет палеографии изучением магнитофонных записей, перфорированных лент, микро- и макрофотографии, типов и систем множительных аппаратов, свойств красок, особенностей машинописных лент вряд ли целесообразно.

Вполне возможно, что палеограф может столкнуться с фактом неразработанности историей техники вопроса о бумаге: где, когда и кем она производилась, какие знаки на ней ставились. Или могут отсутствовать соответствующие исследования о красках, о лентах, системах пишущих машинок. Не исключено, что специалистами по истории искусства не будет изучен рисунок на тех или других рукописях и произведениях печати. Тогда палеограф может предпринять самостоятельные изыскания, если он достаточно подготовлен, чтобы привлечь к своей работе нужные сведения из области истории техники и других смежных наук, но предмет палеографии из-за таких изысканий не может расшириться. В этом случае исследователь выступает уже специалистом других отраслей знаний.

Принципу традиции складывания дисциплин придается большое значение. И это справедливо. Традиция — важная категория, с ней необходимо считаться. Однако следует помнить и о принципе дифференциации научных знаний. Он также стал традицией. Сравнение этих принципов позволяет выявить преимущество объективной дифференциации и отдать ей предпочтение перед традицией включения одной отрасли в другую. Пренебрежение принципом дифференциации наук ведет к неустойчивости понятий, к сдержи-

⁹² Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины.— Вопр. истории, 1964, № 2, с. 52.

⁹³ Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени, с. 6.

ванию развития науки. В этой связи вопрос об ограничении предмета палеографии проблемой изучения графики, весьма важен не только для упорядочения языка научной литературы, но прежде всего для уточнения понятий целого ряда отраслей.

Необходимость выделения из палеографии филиграноведения, истории искусств, истории языка, текстологии иногда ставится под сомнение на том основании, что книга — единый организм. Именно поэтому, считают сторонники такой точки зрения, традиция включает комплексное изучение ее разделов. Специалист, изучающий книгу, должен обязательно владеть всей суммой знаний о книге. Они говорят, что еще не скоро настанет время, когда настолько продвинутся знания о филиграях, переплете, почерках, орнаментике, миниатюре, принципах описания, что позволят одной из этих отраслей безошибочно анализировать книгу. Поскольку такие мнения еще существуют, надо подчеркнуть, что изучение всех элементов книги — не дело палеографии. Книговедение или кодикология зарождается именно для этой цели. Палеография не может подменить собой все книговедение. Конечно, специалист, изучающий книгу, обязан владеть всей суммой знаний о ней. Однако предмет палеографии не зависит от знаний специалиста-книжника, а обусловлен рамками смежных дисциплин. У предмета науки иные законы формирования — решать то, что не входит в задачи других отраслей наук. Если предметы разных отраслей включать в палеографию, то и образуется конгломерат знаний, а не научная отрасль. Вопрос сводится к тому, как построить книговедение или кодикологию, чтобы эта отрасль не превращалась в сумму существующих уже дисциплин. Но это не предмет нашего рассмотрения. Пока можно лишь заметить, что положение книговедения аналогично положению эпиграфики, которая использует палеографию ⁹⁴. Отграничение эпиграфики и книговедения от предмета палеографии возможно в том случае, если палеографические наблюдения не будут включаться в задачи использующих их дисциплин.

В условиях понимания предмета палеографии в форме комбинации знаний есть смысл продолжить обзор подобных определений и раскрыть их значение. О палеографии как о комбинации знаний писала О. А. Добиаш-Рождественская в связи с постановкой перед ней задач безошибочного чтения старого письма, установления его времени, происхождения, понимания и устранения ошибок, вкравшихся в текст ⁹⁵.

По определению А. Д. Люблинской, задачи палеографии состоят, «с одной стороны, в исследовании истории письма, с другой — в овладении суммой практических навыков, дающих возможность безошибочно читать древние и средневековые рукописи и правильно их датировать и локализовать» ⁹⁶. Однако история

⁹⁴ Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М., 1978.

⁹⁵ Добиаш-Рождественская О. А. Указ. соч., с. 16.

⁹⁶ Люблинская А. Д. Латинская палеография, с. 7.

письма не относится теперь к задаче палеографии. Чтение рукописей — задача палеографии только в смысле распознания букв и знаков. Локализация и датировка текстов также имеют к палеографии лишь частичное отношение, поскольку решаются не одной только ею. В науке отмечалось, что палеографическая датировка не имеет абсолютной точности⁹⁷. Это же относится и к установлению места создания памятников письма, если нет прямых указаний. Таким образом, чтение письма, его понимание, установление места и времени решаются не одной палеографией, а рядом отраслей наук. В основном они решаются текстологией. Палеография же оказывает в их решении лишь некоторую помощь.

Расширение предмета палеографии происходит за счет все новых и новых отраслей наук. А. Т. Николаева пишет: «На внешние признаки оказывает влияние содержание памятников. Поэтому палеография изучает внешние признаки рукописных документов с учетом содержания последних. Итак, все внешние признаки письменных памятников нужно изучать в их взаимной связи, в связи с экономическим, политическим и культурным развитием страны и не изолированно от содержания документа. В этом суть метода советской палеографии»⁹⁸. То, что названо в этом определении методом советской палеографии, по существу есть всестороннее изучение документа. Палеография же не изучает весь документ или письменный памятник в целом, если признавать объективные критерии ограничения палеографии рамками смежных дисциплин. Эти рамки, как отмечено выше, свидетельствуют о том, что палеография исследует лишь форму начертаний, не вникая по существу в содержание написанного. Конечно, при изучении конкретного текста для распознания букв и знаков приходится иногда прибегать к самым разнообразным знаниям. Известно, например, что неоконченная поэма А. С. Пушкина «Гасуб» более 100 лет называлась «Галуб» из-за неверного прочтения одной буквы. Для уточнения ее потребовались изучение истории фольклора, истории культуры, религии, обстоятельный анализ содержания поэмы, всех черновиков и других источников текста⁹⁹.

И еще один пример. А. С. Пушкин во время сбора материалов в 1833 г. для «Истории Пугачева» записал рассказ о казачке Разиной, долго искавшей своего сына среди погибших пугачевцев в сражении 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью: «Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала пешнею к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет? Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала»¹⁰⁰. Слово «пешнею» в цитированном тексте до издания работы Р. В. Овчинникова чи-

⁹⁷ Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии, 1-е изд., с. 5, 145.

⁹⁸ Николаева А. Т. Русская палеография, с. 6.

⁹⁹ Бонди С. М. Черновики Пушкина. М., 1978, с. 54—57.

¹⁰⁰ Овчинников Р. В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 54.

талось «палкою»¹⁰¹. Известный пушкиновед Н. В. Измайлов подметил неразборчивость написания этого слова и сделал следующее примечание: «В подлиннике неясно: может быть, не палкою, а „пешкою“»¹⁰².

Изучение индивидуальной графики наряду с использованием данных по истории языка, этнографии и лингвистической семантики позволило Р. В. Овчинникову уточнить неясно написанное слово и правильно прочитать его — «пешнею», т. е. палкой с металлическим наконечником. Это слово есть в словаре В. И. Даля — спутника А. С. Пушкина во время сбора материалов о пугачевском восстании. Такое чтение косвенно подтверждается окончательным текстом эпизода о казачке Разиной в «Истории Пугачева». В нем А. С. Пушкин заменил слово «пешня» «ключкой». Оба они схожи между собой в том смысле, что имеют деревянные рукояти.

В приведенных примерах для уточнения неясно написанных слов и букв использовались данные различных наук. Однако это обстоятельство не означает, что сведения из этнографии, текстологии (познание содержания текста), истории культуры, религии, фольклористики, языкоznания — предмет палеографии. Точно так обстоит дело с использованием данных об экономическом, политическом развитии страны. Палеография опирается на результаты исследований нужных ей отраслей для распознания букв и знаков. Используемые знания являются вспомогательными по отношению к ее задачам.

Палеография как комбинация знаний нужна была в условиях деления наук по эпохам, когда другие дисциплины не были еще развиты. Теперь же, когда палеография охватывает изучение древних средневековых и новых материалов, назрело время пересмотреть устаревшие определения и оставить в предмете палеографии только специфически ей присущую часть. Уже нет необходимости включать в ее предмет проблемы истории языка, текста и другие знания, поскольку для этого существуют особые науки. Понимание палеографии комплексным знанием, сложившееся до революции, мешает развитию этой науки, и прежде всего совершенствованию ее понятийного аппарата.

Но методика палеографии развивается. Современные исследователи латинского письма обратили внимание на приемы палеографического анализа, выработанные французской школой. Так, Л. И. Киселева и А. Д. Люблинская в совместной статье информировали научную общественность еще в 1970 г. о том, что французский палеограф Поль Канар «выработал тонкую и очень эффективную методику исследования». «По его мнению, к общим характеристикам (палеографии). — В. Ф.) относятся материал письма (пергамент, бумага, формат, филигрань); расположение на листе (число строк, размер полей, расположение заголовков, абзацев); орнаментация (заголовки, заставки, инициалы); цвет чернил; письмо.

¹⁰¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. Л., 1938, т. 9, кн. 2, с. 497.

¹⁰² Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 295.

При изучении письма главное внимание было обращено на высоту и ширину букв, на соотношение между ними, на расстояние между буквами и строками, на толщину черточек, характер изломов и закруглений, наклон вправо или влево». Авторы указали далее, что подобные работы «дают в руки палеографов новые и весьма плодотворные методы исследования»¹⁰³.

Сотрудница Института всеобщей истории АН СССР В. Л. Романова при изучении эволюции французского готического книжного письма XIII—XIV вв. использовала на практике современную методику палеографического исследования. Ее анализ такого письма основан на «применении современной методики палеографического исследования: учитываются форма букв, их размер (модуль), дукт (последовательность начертания элементов букв), вес (толщина линий), материал письма и содержание рукописи»¹⁰⁴. Вопрос об изучении палеографией материала письма и содержания рукописей оставил в стороне. Он разобран выше. Обращает на себя внимание новая методика, учитывающая форму букв, их размер, толщину линий, последовательность начертаний. Она привлекла внимание и других исследователей. «В своем палеографическом анализе мы будем учитывать новую методику исследования, разработанную Ж. Маллоном», — пишет В. Н. Малов и далее так ее представляет: «Эта методика уделяет особое внимание технической стороне письма, дополняет традиционный анализ форм букв наблюдениями за их дуктом, корректирует субъективную зрительную характеристику письма многочисленными измерениями: размера букв, их пропорций, ширины утолщений, расстояний между строками и т. п.»¹⁰⁵ Все эти наблюдения имеют большое значение в деле изучения русской историографии палеографического анализа. Известно, что в России палеография стала развиваться под влиянием работ А. Л. Шлецера, который требовал составления алфавитов для каждого столетия. Такое требование исходило из того, что в каждом столетии имело место свое начертание букв. Однако во второй половине XIX в.. стали появляться ростки нового направления, которое основывалось на более тонких наблюдениях. Было подмечено, что одни и те же буквы в пределах одного века пишутся по-разному. Говоря о курсе лекций И. И. Срезневского по славяно-русской палеографии, акад. И. В. Ягич оценил использованные им приемы критически. «Скажу прежде всего, — писал Ягич, — что я вообще считаю трудноисполнимой задачей вынуть из какой-либо рукописи алфавит ее таким образом, чтобы он мог дать понятие о палеографическом характере памятника. Изманл Иванович сознавал и сам неудовлетворенность этого приема. Он старался лучше

¹⁰³ Киселева Л. И., Люблинская А. Д. О современном состоянии зарубежной латинской палеографии. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970, вып. 3, с. 332.

¹⁰⁴ Романова В. Л. Рукописная книга и готическое письмо во Франции в XIII—XIV вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1970, с. 14.

¹⁰⁵ Малов В. Н. Происхождение современного письма. Палеография французских документов конца XV—XVIII в. М., 1975, с. 16.

обосновать его тем, что приводил для одних букв рядом по несколько образцов. Но эти прибавки без оговорок, без точных указаний, где и когда пишется то, где и когда другое начертание буквы, помогают очень мало. Внимательное палеографическое изучение памятников доказывает, что различные начертания одной буквы в том же памятнике всегда стоят в зависимости от особых условий; не указать их, а нарисовать только все различные почерки — это еще не значит объяснить, в чем дело. Алфавитные образчики представляют, кроме того, еще одно существенное неудобство: они не обнаруживают некоторых в палеографическом отношении важных обстоятельств, так, например, не выясняют взаимного расстояния букв, одной от другой в строке, не дают понятия о соразмерности между величиной букв и страницы или столбца, устраняют знаки препинания и знаки подстрочные, исключают из рассуждения столь важные приемы сокращения букв»¹⁰⁶.

На основе приведенного высказывания и его сравнения с предыдущими материалами неверно было бы думать, что Ягич начал разработку новой методики палеографического анализа, учитывающую взаимные расстояния между буквами, величину букв, соразмерность букв и страницы. Дело в том, что курс лекций Срезневского, рецензировавшийся Ягичем, был издан посмертно. В нем не учтены все достижения ученого. В других работах по палеографии Срезневский обращал внимание при изучении письма и на размер букв (высоту, ширину, плотность, крючковатость), на толщину линий и на угол их наклона, на последовательность начертаний отдельных элементов букв¹⁰⁷. Ягич продолжил разработку новой методики, начатую Срезневским.

Высота букв, их расположение в строке (плотность, растянутость, особенности выхода линий в отдельных буквах под строку), наклоны линий, угловатости, закругления и другие особенности учитывались Ягичем при изучении глаголического письма¹⁰⁸. Новая методика получила признание в исследованиях других ученых. Так, на высоту и толщину начертаний обращалось внимание при изучении греческого письма¹⁰⁹. Увеличение размера отдельных букв в зависимости от их расположения, употребление надстрочных знаков, размещение письма принимались во внимание при исследовании новгородских грамот XIII—XIV вв.¹¹⁰

В начале XX в. палеографические исследования обогатились новыми деталями. Был подведен итог предыдущим исследованиям. Так, на XIII общероссийском археологическом съезде в г. Екате-

¹⁰⁶ Ягич И. В. Рец. на кн.: Срезневский И. И. Славяно-русская палеография, с. 104.

¹⁰⁷ Срезневский И. И. Древние русские книги: Палеографический очерк.— В кн.: Христианские древности и археология. СПб., 1864, кн. 2, с. 27.

¹⁰⁸ Ягич И. В. Глаголическое письмо.— В кн.: Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1911. Вып. 3. Графика у славян, с. 51—229.

¹⁰⁹ Гардтгаузен В. Греческое письмо IX—Х столетий.— Там же, с. 47.

¹¹⁰ Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV вв.— В кн.: Исследования по русскому языку. СПб., 1886, т. 1, с 133—134.

ринославе (15—22 августа 1905 г.) в секции археографии и архивоведения был заслушан реферат профессора И. М. Каманина «Метрический метод в палеографии и результаты его приложения к изучению южнорусского устава и полуустава XVI—XVIII вв.» Продолжительные занятия палеографией убедили докладчика в том, что между широтой и высотой букв, расстоянием между ними и между строками существует всегда определенное отношение, которое в известный период времени изменяется, и эти изменения могут служить показателями возраста рукописей¹¹¹. Поэтому Каманин высказался за переход от визуального наблюдения над графикой письма к более точной фиксации его параметров с помощью измерительной техники. Он продемонстрировал ряд приборов и приспособлений к ним для измерения букв, их расположения и угла наклона. Эти приборы Каманин назвал графометрами. В их числе была стеклянная линейка с миллиметровым и полумиллиметровым делением. Для больших измерений употреблялся циркуль, на конце одной из ножек которого закреплялась миллиметровая шкала. Угол наклонов букв измерялся обыкновенным транспортиром с прикрепленной к нему ниткой. В прениях отмечалось, что метод Каманина «имеет значение не только для определения времени и места памятника, но и его восстановления»¹¹².

Все перечисленные данные свидетельствуют о том, что новая методика палеографического анализа в России разрабатывалась начиная со второй половины XIX в. Требуется дополнительное исследование для выяснения вопроса, в полной ли мере французские палеографы повторили опыт русской науки, или есть еще детали, которые должны быть доведены до мировой научной общественности.

К сожалению, метрический метод был забыт и не получил отражения в учебниках по палеографии и в другой научной литературе. «Обыкновенно мы мало знаем и мало ценим труды наших русских ученых...»¹¹³ — подметил известный эллинист В. П. Бузескул. Это наблюдение целиком и полностью относится к истории развития палеографии в России.

В нашей литературе распространен вывод, что «практическая сторона истории письменности преобладает в трудах славянских палеографов, редко становясь предметом научных обобщений»¹¹⁴. Такой вывод не способствовал поиску научных обобщений в области палеографии. Недостаток же заключался в другом. И он подменен самими палеографами. Например, И. И. Срезневский писал о

¹¹¹ Маркевич А. XIII Археологический съезд в г. Екатеринославе.— Изв. Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь, 1906, № 39, с. 120.

¹¹² Каманин И. М. Метрический метод в палеографии и результаты его приложения к изучению южно-русского устава и полуустава XVI—XVIII вв.— Труды Тринадцатого археологического съезда в Екатеринославе, 1905 г. М., 1908, т. 2, разд. 4, с. 207—209; Известия XIII археологического съезда в Екатеринославе 15—27 августа 1905 года. Харьков, 1905, с. 44—46.

¹¹³ Бузескул В. П. Разработка древнегреческой истории в России.—Анналы. Л., 1924, с. 139.

¹¹⁴ Сперанский М. Н. Палеографические труды П. А. Лаврова, с. 559—560.

работах А. Х. Востокова: «Палеографическая система его не была, однако, объяснена им вполне в специальном сочинении и является разбросанною в описаниях разных рукописей»¹¹⁵. То же самое можно сказать и о трудах самого И. И. Срезневского, А. А. Шахматова и других исследователей. Таким образом, обобщения имели место, но они распылены по многим работам, не сведены в одно целое. Их можно найти в рецензиях, описаниях рукописей, протокольных записях, научных отчетах и конференциях, записках о выдвижении тех или других кандидатов в академики, некрологах и других видах работ, общее направление которых не всегда палеографическое.

Выявлению палеографических наблюдений не способствуют и другие высказывания. В. Н. Малов, после того как ему было указано на исследование И. М. Каманина, заявил на одной из дискуссий: «Метод Каманина — это не исследование, а протокол его выступления, поэтому может рассматриваться лишь как заявка на научный метод»¹¹⁶. Это неверно. Труды археологического съезда, в которых опубликовано выступление Каманина, хотя и являются протокольной записью, в то же время представляют собой набор рефератов участников съезда. Не вина ученого, что ему не предоставилась возможность опубликовать свою работу в более подробном виде. Разработка подобной же методики во Франции также свидетельствует о ее экспериментальном характере. Если такая методика возникла независимо от трудов русских ученых, то это обстоятельство выводит результаты исследований Каманина и других специалистов из состояния «заявки» на метод. Их методика получает объективную значимость.

В силу распыленности конкретных трудов и обобщений историография палеографических исследований в отечественной науке изучена далеко не полно и в области теории, и в области практики. Специалисты по славяно-русской палеографии не пропагандируют достижений своих предшественников, а латинисты, естественно, не обращаются к их опыту, поскольку он не выявлен и не сопоставлен с данными современной науки.

Метрический метод позволяет четко разграничить понятия «практика палеографии» и «приложение палеографии». В силу распространенности представлений о палеографии как о комбинации знаний для чтения письма, установления его времени, происхождения и понимания разница между практикой науки и приложением практики стирается, вернее, понятие практики палеографии вообще выпадает. Вот примеры: «Палеография является специальной дисциплиной истории, филологии и ряда других гуманитарных наук,— утверждает Л. М. Костюхина.— Основываясь на изучении внешних признаков памятников письменности, она дает также рекомендации для дальнейшего источниковедческого анализа самих этих памятни-

¹¹⁵ Срезневский И. И. Предисловие редактора к описаниям рукописей А. Х. Востокова.— Учен. зап. второго отд-ния имп. Академии наук, 1856, кн. 2, вып. 2, с. 1.

¹¹⁶ Институт истории СССР АН СССР, протокол заседания сектора источниковедения истории СССР дооктябрьского периода от 12 июня 1979 г.

ков. Собственно палеография включает в себя теоретические обобщения, наблюдения и определения основных признаков почерков, материала и принадлежностей письма, водяных знаков бумаги, а также украшений рукописей и книг в их историческом развитии. Прикладное же значение этой дисциплины состоит в применении палеографических примет для прочтения, датировки, локализации, определения подлинности того или иного памятника письменности, что принято называть палеографическим описанием»¹¹⁷. Автор цитированного отрывка вслед за другими учеными употребил применительно к палеографии термин «специальная дисциплина», чтобы избежать названия «прикладная дисциплина». Использовано и другое усовершенствование, заключающееся в употреблении понятия «теоретические обобщения». Но теоретические обобщения сочетаются не с практикой палеографии, а с прикладным ее значением. Однако если распространять на палеографию принципы построения естественных и точных наук, то теорию науки надлежит сочетать с ее практикой, а не с прикладным характером. Таким образом, исключив термин «прикладная дисциплина» из наименования палеографии, Л. М. Костюхина сохранила ее прикладной характер по существу. Поскольку понятия «практика палеографии» и «приложение палеографии» не расчленены, представляется полезным обосновать их разделение с использованием пояснительных примеров из личной практики и других материалов.

В литературе известна резолюция Режицкого Совета, неоднократно публиковавшаяся в сборниках документов под датой 21 октября 1917 г.¹¹⁸ Исследование этой резолюции и других событий в Режице приобретает особую значимость в связи с тем, что в этом городе были задержаны значительные силы карательных войск Керенского, посланные на подавление Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Кроме того, резолюция связана с историей подготовки II Всероссийского съезда Советов, установившего Советскую власть в нашей стране.

Немного позже выяснилось, что в основу публикации этой резолюции была положена газетная вырезка, присланная в адрес ВЦИК и хранящаяся ныне в ЦГАОР СССР¹¹⁹. Секретарь Режицкого Совета В. Никитин вырезал ее из местной газеты, наклеил на белый лист бумаги, написал: «Верно», расписался и поставил дату отсылки в Петроград — 21 октября 1917 г. С этой датой резолюция Режицкого Совета стала известна по последующим ее перепечаткам, однако она не отражает времени утверждения резолюции.

¹¹⁷ Костюхина Л. М. О некоторых вопросах развития русской палеографии.— В кн.: Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971, с. 209.

¹¹⁸ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Сб. док. М., 1957, с. 194—196; Октябрьская революция в Латвии: Док. и материалы. Рига, 1957, с. 223—224; Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1—24 октября 1917 г.): Док. и материалы. М., 1962, с. 188—189; Великая Октябрьская социалистическая революция: Хроника событий. М., 1961, т. 4, с. 534.

¹¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 19, л. 57.

Надо было найти газету, из которой произведена вырезка. У автора этой резолюции, делегата II Всероссийского съезда Советов П. Н. Солонко, сохранился экземпляр газеты «Известия Режицкого Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов». Сличение вырезки с газетой показало идентичность содержания текста, размера, конфигурации шрифтов, расстановки букв, слов, предложений, строк и абзацев. Таким образом, удалось установить настоящую дату утверждения названной резолюции — 15 октября 1917 г.¹²⁰ Разница в неделю — слишком большой срок в тех исторических условиях. Кроме того, удалось уточнить и вид документа. В вырезке он представлялся резолюцией, а в полном тексте газеты оказался наказом делегату, избранному на II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В установлении правильной даты помогло палеографическое изучение шрифта, его размера и расположения. Оно заключалось в сличении отпечатков шрифта вырезки и полного текста газеты, в измерении расстояний между буквами, словами, строками. Результаты такого изучения прилагались к установлению идентичности текстов, к истории возникновения резолюции, к уточнению её датировки. Стало быть, имели место практика палеографического изучения и ее приложение для решения непалеографических задач.

И еще пример. До 1956 г. в нашей литературе было принято датировать Манифест ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России» 26 февраля 1917 г. Источником такой датировки служила публикация Манифеста в «Правде» за 5 марта 1917 г., где указана эта дата. Но содержание Манифеста противоречит такой датировке. В нем, в частности, говорится: «Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа...»¹²¹. Известно, что 26 февраля Петроград еще не находился в руках восставшего народа. Полностью он был захвачен 27 февраля 1917 г. Э. Н. Бурджалов, В. А. Черных и многие другие историки заметили это обстоятельство. Эти исследователи на основе воспоминаний А. Г. Шляпникова, не принимавшего непосредственного участия в публикации Манифеста, и использования воспоминаний В. Н. Каюрова¹²² сделали вывод о составлении Манифеста 27 февраля, а о его редактировании и публикации 28 февраля 1917 г. По их данным получалось, что Манифест был опубликован лишь вечером 28 февраля в прибавлении к

¹²⁰ Фарсобин В. В. Большевизация Режицкого Совета: (К истории установления Советской власти в Латгалии). — История СССР, 1967, № 5, с. 44.

¹²¹ Правда, 5 марта 1917 г.; Революционное движение в России после свержения самодержавия: Док. и материалы М., 1957, с. 3—4.

¹²² Используя воспоминания В. Н. Каюрова, как одного из составителей Манифеста, Э. Н. Бурджалов опустил весьма важный момент из них, где говорится о том, что после утверждения Манифеста на заседании Бюро ЦК РСДРП(б) 27 февраля 1917 г. были приняты меры к немедленному его опубликованию, что Манифест был напечатан в виде листовки и в тот же день расклеен на улицах. Ср.: Бурджалов Э. Н. Еще о тактике большевиков в марте-апреле 1917 г.— Вопр. истории, 1956, № 8, с. 110—114; Каюров В. Н. Шесть дней Февральской революции.— Пролетарская революция, 1923, № 1/13, с. 167.

№ 1 «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и отпечатан затем в типографии «Известий» в виде листовки, один экземпляр которой хранится теперь в Центральном музее революции в Москве. Факт публикации листовки с текстом Манифеста в типографии «Известий» 28 февраля 1917 г. подтверждался воспоминаниями В. Д. Бонч-Бруевича¹²³, а также проведенным исследованием — сличением шрифтов этой листовки с типографским шрифтом газеты «Известия», произведенным В. А. Черныхом. Однако публикация листовки в типографии «Известий» не была первой. Вопрос о времени утверждения и первой публикации Манифеста не был решен окончательно. Имелись воспоминания М. Агеева, в которых первая публикация Манифеста была отнесена к 27 февраля 1917 г. в типографии газеты «День»¹²⁴. Встал вопрос о проверке достоверности этих воспоминаний о публикации Манифеста. Но прежде надо было уточнить время его утверждения¹²⁵. Используя протокольные записи заседаний Бюро ЦК РСДРП(б), в которых отмечались неточности при издании Манифеста, удалось окончательно опровергнуть датировку Манифеста в «Правде» 26 февраля 1917 г. Новое прочтение воспоминаний В. Н. Каюрова и свидетельство В. М. Молотова позволили уточнить дату утверждения Манифеста — 27 февраля 1917 г.

В 1964 г. Х. М. Астрахан¹²⁶ нашел в фондах Государственного музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде новую листовку с текстом упомянутого Манифеста. Эта листовка отличалась от той, которая была напечатана в типографии «Известий» 28 февраля 1917 г. Сличение начертаний шрифтов позволило Астрахану установить, что шрифт найденной им листовки идентичен со шрифтом газеты «День». В то же время известно, что типография газеты «День» была захвачена большевиками 27 февраля 1917 г. Следовательно, нет сомнения в том, что правы и те авторы воспоминаний, которые считали днем публикации Манифеста в типографии газеты «День» 27 февраля 1917 г. Точность датировки подтверждается сопоставлением различных данных. Например, один из участников публикации Манифеста в типографии «День» — М. Агеев был освобожден из тюрьмы 27 февраля 1917 г. и не мог спутать этот день с каким-либо другим днем своей жизни. Но од-

Бонч-Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. 2-е изд. М., 1931, с. 10.

²⁴ Например, большевик-печатник М. Агеев, освобожденный 27 февраля 1917 г. из петроградской тюрьмы «Кресты», писал: «В тот же вечер в типографии «День», захваченной нами, был набран и отпечатан Манифест Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков)» (Агеев М. От ареста до освобождения.— Печатник, М., 1927, № 7/8, с. 11).

Фарсобин В. В. О дате Манифеста ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России».— Исторический архив, 1956, № 5, с. 148. Эта публикация была использована позднее редакцией журнала «Коммунист» для ответа французской газете «Монд», настаивавшей на датировке Манифеста 26 февраля 1917 г. См.: Коммунист, 1957, № 6, с. 128.

²⁶ Астрахан Х. М. О первом издании Манифеста ЦК РСДРП(б) «Ко всем гражданам России».— Вопр. истории КПСС, 1964, № 6, с. 64—65.

ногого утверждения Агеева было бы недостаточно, если бы шрифт найденной в Ленинградском музее листовки не совпадал со шрифтом газеты «День».

И этот пример позволяет различать два понятия — изучение графики письма (практика палеографии) и приложение такого изучения для решения непалеографических задач: установления времени первой публикации, достоверности воспоминаний и т. д.

Палеографическое изучение помогает решению многих других непалеографических задач: установлению партийности того или другого лица, масштабов деятельности его или организации. Так, царская полиция произвела обыск в ночь на 10 января 1905 г. в квартире учителя женской гимназии в г. Ашхабаде Людвига Стабровского. При обыске были обнаружены гектограф со всеми принадлежностями и воспроизведившееся на нем противоправительственное воззвание. Почерк, которым испаны трафаретки воззвания, был схож с почерком размноженных листовок воззваний, распространявшихся с осени 1904 г. «Ашхабадским комитетом социалистов-революционеров». Полиция установила идентичность почерка всех накопившихся у нее документов. Так был определен масштаб деятельности организации и переписчика¹²⁷. И здесь также различаются понятия изучения графики и приложения этого изучения для практических нужд полиции.

Если иметь в виду тексты более древних эпох, то изучение их графики может иметь специфические особенности. Несколько отличен и характер использования результатов палеографического анализа. Поскольку древние тексты в значительной части не датированы, нередко не привязаны к определенному месту, то изучение графики направлено на оказание помощи в датировке и локализации текстов, т. е. в решении задач текстологии. Выше было упомянуто о возможности использования метрического метода при восстановлении памятников письма, что также не является практикой самой палеографии.

Из изложенного ясно, что практика палеографии заключается в изучении букв и знаков, их расположения либо визуально, либо с помощью измерений. Понятие «приложение палеографии» состоит в употреблении данных палеографического изучения для решения непалеографических задач. Приложение — не забота палеографии. Использовать данные палеографии может и полицейский, и судебный эксперт, и историк, и литературовед, и текстолог, и т. д. В прикладном своем значении палеографию нельзя сужать до уровня потребностей гуманитарных наук. Представители разных профессий могут заниматься и палеографическими исследованиями, но от этого те не перестают быть предметом палеографии. В этом плане палеография ничем не отличается от математики, используемой в различных областях.

¹²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102 (Особый отдел департамента полиции), 1905 г., д. 975, т. 2, ч. 1, л. 51 об. Из записки департамента полиции (№ 123) от 3 февраля 1905 г.

Отождествление палеографии с датировкой и локализацией рукописей равносильно, например, приравниванию целей математики измерению посевных площадей. Датировка и локализация рукописей — одно из возможных приложений практики палеографии.

Из изложенного видно, что расширение хронологических рамок палеографии и распространение ее предмета на изучение письменных памятников на различных материалах не являются субъективным действием какого-либо лица. Такое расширение объясняется общностью исследовательских приемов, что нашло отражение в метрическом методе, применимом к изучению памятников письма любых эпох на любом материале. Точно так же и сужение предмета палеографии от всеобъемлющего изучения памятников письма к изучению лишь графики вызвано не субъективными побуждениями, а развитием смежных знаний. Сужение предмета палеографии не является отказом от комплексного изучения памятников письма посредством использования различных отраслей. Если какой-либо проблеме, изучавшейся ранее палеографией, нет места в ряду существующих уже дисциплин, например исследованию переплета книг, то такую проблему временно можно оставить в палеографии, впредь до того времени, пока не сложится книговедение или кодикология. Так и в других случаях, если они возникнут.

Таким образом, с одной стороны, палеография рассматривалась как «дисциплина, которая разбирается в технике древних письмен»¹²⁸, т. е. считалась техническим знанием, «суммой практических навыков», а с другой — ее называли одним из «деликатнейших отделов истории культуры», частью исторической науки, а не только вспомогательной к ней техникой¹²⁹.

В первом случае палеография рассматривалась как знание, которое лишено объяснений, т. е. теоретического элемента. В другом — с помощью формулы изучения палеографией «истории письма» палеография сливалась с другими отделами наук о языке и истории культуры. Оба эти представления оказали влияние на литературу, включая и современную. Однако их недостатки преодолеваются путем расчленения истории письма на составные части. Традиционная характеристика палеографии как прикладной дисциплины, хотя и проникла в современную литературу, столкнулась с общей теорией познания, согласно которой каждая дисциплина — прикладная и теоретическая. Использованные в настоящей главе материалы подтверждают эту мысль и позволяют сделать вывод о том, что в ходе дальнейшего развития преимущество имеет не характеристика палеографии как прикладного знания, а рассмотрение ее в полном объеме сочетания теоретической (объяснительной) и эмпирической (практической) частей. Лишено перспектив и продолжающееся включение в предмет палеографии проблем, ставших ей несвойственными в силу дифференциации наук (изучение принадлежностей письма,водяных знаков на бумаге, рисунков, украшений и др.).

¹²⁸ Шляпкин И. А. Русская палеография, с. 3.

¹²⁹ Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. München, 1909, Bd 1, с. 3; Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века, с. 15, 16.

Разнобой в понятиях о предмете палеографии, способах его ограничения, установления взаимосвязей со смежными и более отдаленными науками может быть значительно сокращен в процессе дальнейшего изучения ее историографии. Об этом свидетельствуют собранные здесь материалы. Они показывают также настоятельную потребность рассмотрения нерешенных вопросов палеографии на основе данных различных наук, в которых использовались, в той или иной мере развивались палеографические наблюдения. Некоторые выводы, помимо вышеизложенных, можно сделать уже сейчас.

Поскольку распространено мнение о том, что «знание основных палеографических наблюдений и палеографических методов... входит в первую задачу всякого источниковедческого анализа»¹³⁰, палеография — часть источниковедения. Как все источниковедение, так и его части входят в понятие исторической науки. Часть не может быть методом целого. Палеография, будучи наукой о начертаниях букв и знаков, является методом изучения их строения, расположения и изменяемости.

Принимая во внимание то обстоятельство, что анализ понятийного аппарата невозможно проводить, замыкаясь в рамках данной конкретной науки, рассмотрим далее смежные с палеографией части источниковедения.

---

¹³⁰ Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография, с. 3.

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ДИПЛОМАТИКИ

Дипломатику принято рассматривать как раздел источниковедения, изучающий актовые материалы¹. Однако в оценке этой отрасли наблюдаются разногласия. С одной стороны, существует мнение, что дипломатика и генеалогия «окончательно оформились как узкосправочные дисциплины, навсегда обреченные на второстепенную роль вспомогательных»². С другой — считается возможным утверждать, что дипломатика «приобрела большое самостоятельное значение»³. Наличие различных оценок требует выяснения причин их возникновения и возможностей преодоления. Этого можно достичь, рассмотрев нерешенные вопросы дипломатики: определение ее предмета, критериев так называемого формулярного, или дипломатического, анализа документов, признаков понятия «акт», выявление взаимосвязей дипломатики и источниковедения.

В первых обобщающих работах дипломатика, как и палеография, понималась в форме целого ряда исследовательских операций, т. е. комплексно. «Она должна,— писал М. Гастев,— с помощью известных дипломатических условий рассматривать памятники, во-первых, графически, т. е. рассматривать бумагу или пергамен, на чем и как они написаны, какими буквами и с какими знаками, или, если рукопись напечатана, исправить, очистить и отнести ее к тому времени, обстоятельствам, к каким она должна показать внешние и внутренние причины достоверности фактов, выводя первые из свойств повествуемых происшествий, вторые — из свойств источников»⁴. В этом высказывании одного из учеников М. Т Каченовского ярко отражено понимание дипломатии как комплексного знания. Дипломатика, по Гастеву, помогала «правильно читать и понимать памятники, познавать их невредимость, ценить их и пользоваться ими».

¹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.— В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы, М., 1969; Кащенов С. М. Предмет, задачи и методы дипломатики.— Там же.

² Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. (состояние, возможности, задачи).— В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов: Докл. сов. делегаций. Междунар. съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963, с. 35.

³ Черепнин Л. В. Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины.— В кн.: Проблема палеографии и кодикологии в СССР: Сб. ст. М., 1974, с. 26.

⁴ Гастев М. О вспомогательных науках для истории.— Вестник Европы, 1830, № 19/20, с. 201—202. Комплексный характер дипломатики отражен в других работах. См.: Лаптев И. Опыт в старинной русской дипломатике, или способы узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков. СПб., 1824; Данилевич И. Н. О русской дипломатике.— Московский вестник, 1829, № 3.

Решение перечисленных задач предполагало включение в дипломатику проблем палеографии, исторической критики (обоснование достоверности фактов), критики текста, его интерпретации, установления времени, места происхождения документа, лингвистики, истории языка и других отраслей.

Объединение в дипломатике самых различных проблем продолжалось много лет спустя после первых обобщений. «Сфрагистика, учение о печатях, должна составлять часть дипломатики, так как печати преимущественно прикладывались к актам»⁵, — писал К. Н. Бестужев-Рюмин. Понимание дипломатики как комплексного знания стало как бы хрестоматийной истиной в обобщающих трудах разного назначения⁶. Характерно, что дипломатика отождествлялась с решением комплексных задач даже тогда, когда некоторые отрасли уже выделились в самостоятельные науки, в том числе палеография, лингвистика⁷ и др. Что же касается отраслей, которые к числу особых наук еще не относились, а рассредоточивались по многим дисциплинам, то их поглощение дипломатикой также не вызывало сомнений. В числе таких отраслей находились проблемы информации, например обзор документов и даже способы восстановления полинявших и стершихся чернил в древних рукописях, т. е. реставрационные работы⁸.

Называя дипломатику наукой, которая занималась «определением степени достоверности исторических документов»⁹, историки подразумевали, что историческая критика определяет достоверность всех памятников, а дипломатика распространяет свое право лишь на документальные, актовые материалы. Включение исторической критики в предмет источниковедения предопределяло сохранение тех же связей между источниковедением и дипломатикой. По М. Д. Приселкову, источниковедение изучает историю всех источников, а дипломатика — только дипломов и актов¹⁰. Такое объяснение в условиях дифференциации наук теряет силу, поскольку история текстов — предмет текстологии, история графики — предмет палеографии, история письма — предмет истории языка и т. д. В этой связи и дипломатика изучает не всю историю памят-

⁵ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872, т. 1 с. 16. |

⁶ Лихачев Н. П. Дипломатика. СПб., 1901; Ардашев Н. Н. Дипломатика. М., 1908. Литография; Добиаш-Рождественская О. Д. Дипломатика.— В кн.: Новый энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон. СПб., б. г., т. 16, стб. 207—210.

⁷ Об этом свидетельствует, например, стенограмма доклада Д. Н. Егорова «Заграничная археография и создание дипломентария» и резолюция по докладу на конференции архивных деятелей (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 1, д. 270, л. 13—31; Пичета В. И. Первая Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва, 29 сент.—3 окт. 1921 г.— Архивное дело, 1923, № 1, с. 126—127). Речь шла о создании словаря терминов, употреблявшихся в русских исторических памятниках XV—XX вв., включая летописи, акты и другие материалы. Такой словарь докладчик назвал дипломатическим, или дипломентарием.

⁸ Коробков Н. Н. Русская дипломатика.— Архивное дело, 1940, № 1, с. 21—22.

⁹ Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913, с. 108; Смирнов М. Н. Некоторые замечания о дипломатическом анализе частного документа.— В кн.: Историческое обозрение. Пг., 1916, т. 21, с. 23 и др.

¹⁰ Приселков М. Д. Курс русской палеографии. М., 1938.

ников, а какую-то часть этой истории. Вот эту-то часть и надлежит определить. Однако если источниковедение изучает историю всех памятников, а дипломатика — историю дипломов и актов, то правомерность дипломатики ставится под сомнение, поскольку она дублирует задачи источниковедения. В этом плане ограничения дипломатики и источниковедения по существу нет. Во-первых, потому, что задачи той и другой отрасли одни и те же, во-вторых, потому, что объекты изучения невозможно ограничить. Дело в том, что в России в старину не употреблялись слова «дипломы» и «частные акты». Вместо них в ходу был термин «грамота». Естественно, что дипломатике надлежало изучать именно грамоты. Понятие же «грамота» было столь широко, что оно означало просто «письмена»¹¹. Термин «дипломатический памятник» означал официальный документ, который совпадал с категорией «остаток» действительности. «Неоспоримое основание достоверности есть очевидная подлинность памятников,— писал Н. И. Надеждин.— А это свойство принадлежит исключительно дипломатическим памятникам минувшего, грамотам, актам и другим бумагам, скрепленным и зарученным по всем формам современной официальности»¹². Подлинными могут быть и воспоминания, и летописи, и различные авторские произведения наряду с грамотами канцелярского делопроизводства. Потому-то в первой трети XIX в. и было подмечено, что в «обширнейшем смысле она (дипломатика.— В. Ф.) объемлет всю письменность»¹³.

Подобное наблюдение подтверждено и в советской литературе. Только вместо термина «грамота» стали чаще употребляться слова «акты» и «документы», которые между собой так же не ограничены, как и от других категорий письменности. В этой связи надо отметить попытки установить отличительные признаки актов: «Отличительной чертой актового материала в противоположность, например, памятникам повествовательного характера является то, что его отдельные разновидности пишутся обычно по определенной уставной для данного времени и места форме, которая в дальнейшем иногда закрепляется законом»¹⁴. Различия между дипломатикой и источниковедением в этом плане установлены очень зыбкие. Повествовательный элемент присутствует иногда и в узаконенных формах (постановления, манифесты, тексты международных и других договоров). При неопределенности толкования слова «документ», которое, по мнению А. А. Введенского, «объемлет едва ли

¹¹ Брандт Р. Ф. Лекции по славяно-русской палеографии. М., 1909, с. 1—5.
См. также: Саларев С. Г. Описание разного рода российских грамот.— Вестник Европы, 1819, № 4, с. 272.

¹² Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России.— В кн.: Библиотека для чтения, 1837, т. 20. Отд. науки и художества, с. 115—116.

¹³ Гастев М. Указ. соч., с. 191.

¹⁴ Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1950, с. 21—22. Э. Бернгейм еще в прошлом веке утверждал, что дипломатика изучает грамоты «определенных узаконенных форм» (Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908, с. 48).

не все письменные источники¹⁵, дипломатика — всеобъемлющая наука о письменности.

Главной особенностью многих определений предмета дипломатики является нечеткая характеристика его границ. Н. Н. Ардашев относил жития святых к разделу повествовательных источников и в то же время сочинение В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых, как исторический источник» именовал образцовым дипломатическим исследованием¹⁶. Подобным же образом Я. И. Трусевич, говоря о ненадежности мемуаров и противопоставляя их документальным источникам, все же не отрицал возможности изучения их дипломатикой¹⁷. Он определял дипломатику как науку об актах и документах, а причислял к ее предмету источники повествовательного характера, мемуары, повести, жития святых.

Отождествление задач дипломатики и источниковедения продолжено в советской литературе. В начале 20-х годов А. М. Большаков считал, что «письма лежат вне сферы ведения дипломатики», которая занимается грамотами-документами. Однако в то же время он относил к дипломатии манифесты и реляции о ходе военных действий, т. е. по существу те же письма¹⁸. Противоречивость высказываний Большакова о дипломатике этим не ограничивается. «Задача науки, именуемой дипломатикой,— писал он,— сводится к тому, чтобы изучить документы и акты»¹⁹. С другой стороны, им сделано чрезвычайно важное примечание: «Употребляя в настоящем очерке термины «документ», «акт», «грамота», мы не делаем между ними никакого различия, термины эти обозначают для нас письменные исторические источники»²⁰. Подобная расплывчатость в определениях дипломатики повторена и в более позднее время. Так, А. А. Введенский утверждал, что «дипломатика изучает акты с юридическим, нормативным содержанием»²¹. И несмотря на это, писал о методах дипломатического анализа, применимых к изучению писем²².

Чем же объяснить такое явление, когда предмет дипломатики ограничивался какими-то группами памятников, а метод распространялся на все письменные источники?

¹⁵ Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963, с. 3. На «большой произвол» в употреблении термина «документ» обращалось внимание и в дореволюционной литературе. См.: Кареев Н. И. Историка. Пг., 1916, с. 49.

¹⁶ Ардашев Н. Н. Указ. соч., с. 82.

¹⁷ Трусевич Я. И. Западная и русская дипломатика и сфрагистика Древнего Востока. СПб., 1907, с. 7.

¹⁸ Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. М., 1924, с. 252—253.

¹⁹ Там же, с. 244.

²⁰ Там же, с. 245.

²¹ Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР, с. 3.

²² Примером удачного дипломатического анализа А. А. Введенский называл аргументированное доказательство подложности «писем Коминтерна», сфабрикованных белогвардейцами в 1924 г.; оно использовалось в антисоветских целях английской пропагандой. См.: Введенский А. А. Лекции по документальному источниковедению истории СССР, с. 206.

нялся на безграничное море источников? Видимо, объяснение надо искать в неотвратимой необходимости расширения предмета дипломатики в сторону изучения всех памятников письма — актовых и повествовательных. Этот процесс подобен ранее отмеченному нами в истории палеографии.

В советскую эпоху наряду с некоторой недооценкой дипломатики как средства изучения памятников письма можно наблюдать и такое ее развитие, которое отличает дипломатику от зарубежных стандартов. Это прежде всего относится к расширению охвата дипломатикой документов нового времени. Так, уже в начальный период развития советской науки перед дипломатикой была поставлена задача изучения различных категорий памятников, включая и современные. Наиболее выразительно писал об этом Г. П. Саар²³. Позднее А. И. Гуковский полагал, что при «исследовании истории советского общества дипломатика анализирует материалы различных видов делопроизводства...»²⁴. Понятие «материалы различных видов делопроизводства» не имеет четких отличительных признаков.

Мысль о расширении предмета дипломатики в сторону изучения современных памятников письма содержится и в упомянутой работе А. А. Введенского и других. Между тем за рубежом до сих пор «в большинстве стран объектом исследования современной дипломатики являются документальные источники с древнейших времен до конца 18 в. с преимущественным вниманием к раннесредневековым актам»²⁵.

Нет сомнения в том, что советские историки расширяют предмет дипломатики в полном соответствии с общим направлением развития наук. Об этом свидетельствуют факты расширения предметов палеографии и текстологии. Дипломатика не может изолироваться от этого процесса.

В дипломатике, как и в палеографии, наметился процесс выделения задач других наук. Уже в середине XIX в. в числе проблем, которые подлежали исследованию, наряду с другими вопросами назывались формы документов. Так, при описании купчих грамот рассматривалась их внутренняя форма²⁶. Эта проблема и стала определять предмет дипломатики. Процесс ограничения предмета дипломатики познанием формы документов особенно стал заметен в начале нашего века. «Дипломатика есть дисциплина, изучающая форму древних документов»²⁷, — писал профессор Казанского университета М. М. Хвостов. Автор изъял из предмета дипломатики задачи других наук. Вопрос о распространении дипломатики на

²³ Саар Г. П. Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930, с. 55.

²⁴ Гуковский А. И. Научная разработка истории советского общества и вспомогательные исторические дисциплины.— Вопр. истории, 1964, № 2, с. 53.

²⁵ Каштанов С. М. Дипломатика.— В кн.: БСЭ. 3-е изд., 1972, т. 8, с. 288.

²⁶ Киндяков К. Опыт ученой разработки купчих грамот. Казань, 1855.

²⁷ Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Казань, 1913, с. 92.

изучение материалов нового времени он не рассматривал. В этой части его вывод устарел.

Познание формы памятников совершенствовалось, чему способствовало обобщение итогов разработки так называемого дипломатического, или формулярного, способа исследования материалов²⁸. Определение понятия «формулярный анализ» даже в условиях комплексного изучения памятников уточняло специфическую задачу дипломатики, ее собственное лицо. Комплексность дипломатики заключалась в том, что все известные науки по мере необходимости дублировались дипломатикой, в том числе и смежные проблемы исторической науки²⁹. Разработка формулярного анализа создала условия для освобождения предмета дипломатики от задач других наук. Стало возможно по-иному взглянуть и на классификацию дисциплин, изучающих памятники письма. Известно, что из определения дипломатики как актового источниковедения исходит классификация дисциплин по видам источников: актоведение (дипломатика), изучение летописей, мемуаров и т. д. Такого рода классификация не удовлетворяет в силу дублирования каждой такой отраслью одних и тех же проблем — палеографических, эвристических, формулярных и др.

Итак, дипломатика понималась комплексной наукой то о всех древних памятниках письменности, то об отдельных видах. Наметилось распространение ее на изучение некоторых современных материалов при сохранении комплексного изучения, в котором познание формы — составная часть.

Другое объяснение предмета дипломатики берет за основу вычленение ее задач, с тем чтобы оставить в нем только специфически ей присущую функцию формулярного (дипломатического) анализа, распространив последний на все памятники письма всех времен, включая современные. Но такой подход встречает возражения. Так, С. М. Каштанов выступает против того, чтобы считать дипломатику наукой формулярного анализа, приложимого ко всем видам письменных источников: «...все дело в пределах применения формулярного анализа, а эти пределы определяются спецификой объекта исследования. Даже если элементы формулярного анализа могут быть использованы при изучении, например, художественной прозы, от этого формулярный анализ не станет господствующим методом в литературоведении, ибо сам источник диктует другие способы его изучения. Только в применении к актам формулярный анализ является основным, решающим методом»³⁰.

Найти сильные и слабые стороны в обосновании спорных вопросов, как нам представляется, поможет обращение к работам таких специалистов, как А. С. Лаппо-Данилевский, являющийся основным дореволюционным теоретиком дипломатики и источниковедения. Его положения могут быть сопоставлены с мыслями других

²⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

²⁹ Например, перед дипломатикой стояла задача изучения общих условий возникновения документов. См.: Коробков Н. Н. Русская дипломатика, с. 19.

³⁰ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970, с. 13—14.

исследователей, в результате можно будет выяснить истоки различных точек зрения по интересующим нас вопросам.

Одним из доказательств ограничения предмета дипломатики изучением актов является утверждение, что «Лаппо-Данилевский ограничил предмет дипломатики актами»³¹. Между тем одна из глав книги этого ученого называется «Предмет дипломатики: изучение документов и актов». К документам он относил всякое письмо, все грамоты. «Называя письменные остатки культуры «документами», мы часто причисляем к ним письма и т. п... Кроме писем, к документам или грамотам можно причислить и публичные и частные акты»³². Следовательно, в предмет дипломатики Лаппо-Данилевский включал все памятники письма. Он привел перечень материалов с четко выраженным формуляром: приходо-расходные, записные книги, счета, письмовники (образцы типовых писем), духовные, отпускные грамоты³³. Правда, в другом месте его книги говорится, что дипломатика «выясняет принципы и методы исследования не столько документов, сколько актов»³⁴. Однако такая непоследовательность Лаппо-Данилевского вряд ли может иметь особое значение в условиях разделения научных дисциплин по видам источников на основе приложения к ним всевозможных способов исследования: палеографического, текстологического, лингвистического, юридического, формулярного, определения достоверности нарративной части актов и т. д.

Попытка добиться большей точности привела С. М. Каштанова к утверждению: «Предметом дипломатики являются только акты»³⁵. Одним из наиболее уязвимых мест в этом утверждении является сужение понятия «акт» (актами могут называться «только документы договорного, сделочного характера»³⁶). Лаппо-Данилевский в этом вопросе занимал более гибкую позицию и включал в число актов «документы или «грамоты» с правозначающим содержанием»³⁷, правительственные постановления, памятники законодательства, юридические сделки и подобные им материалы. Оправдание этого распространенного понятия покоится на выводе, что «есть серьезные основания для ограничения круга «актов» документами договорного, сделочного характера». «Принцип ограничения круга «актов» документами сделочного характера,— продолжает С. М. Каштанов,— имеет этимологические, социологические и методические основания». «Термин „акт“ восходит к глаголу „аго“ («действую»). Поэтому понятие „акт“ этимологически правомернее применять к источникам сделочного, договорного содержания»³⁸. Но ведь если

³¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии, с. 6.

³² Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 5, 10, 11.

³³ Там же, с. 157.

³⁴ Там же, с. 49—50.

³⁵ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии, с. 13.

³⁶ Каштанов С. М. Дипломатический состав древнерусского акта.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969, вып. 2, с. 144; Он же. Акты.— В кн.: Сов. ист. энцикл. М., 1961, т. 1, стб. 313—314 и др.

³⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 13.

³⁸ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии, с. 7—8.

слово «акт» происходит от глагола «действовать», то этимологически правильнее не ограничивать понятие «акт» договорными документами, а считать актом результаты действия, т. е. всякий документ, ибо все документы являются остатками деятельности человека.

Ограничение понятия «акт» договорами Каштанов подкреплял ссылкой на работу К. Г. Митяева³⁹. Однако на указанной странице К. Г. Митяев отмечал, что в дореволюционной России под «актами (актовый материал) понимались письменные засвидетельствования прежде всего частноправового характера (договоры, соглашения, сделки, купчие, завещания, кабалы, закладные и т. д.), а также дипломатические акты»⁴⁰. Дипломатические акты шире понятия документов сделочного, договорного содержания, например у Брокгауза и Ефроня понятие акта охватывало все письменные документы, имеющие историческое значение.

Из приведенного высказывания Митяева видно, что своего отношения к пониманию акта он не выразил, а сослался на существовавшее ранее суждение, которое вовсе не ограничивало акты сделками или договорами.

В изданных до революции энциклопедических словарях акты — официальные и частные документы, остатки какой-либо деятельности. Нет необходимости суживать это определение и приравнивать понятие «акт» понятию «договор». Акты включают договоры в свой состав, а не ограничиваются ими.

Неубедителен и другой аргумент Каштанова в пользу ограничения понятия «акт» договорными документами. «С социологической точки зрения необходимость выделения источников договорного характера из общей массы «документов» обусловлена фактом существования в системе общественных и политических связей таких групп отношений, которые получают оформление в виде юридических сделок и договоров; следовательно,— заключает С. М. Каштанов,— выделение это не искусственно. Будучи естественным, оно позволяет исследовать определенные специфические особенности общества на том или ином этапе его развития»⁴¹. Никто не будет спорить, что договоры и сделки — особые разряды документов. Только зачем же к ним, уже имеющим свои наименования, прикреплять термин «акт» и таким путем исключить из понятия «акт» другие материалы не меньшего социологического значения? Совершенно очевидно, что такие категории документов, как законы, постановления, директивы, манифесты и многие другие,

³⁹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии, с. 9.

⁴⁰ Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учебное пособие. М., 1959, с. 19. В понятие «акт» некоторые исследователи включали и документы гражданского судопроизводства. См.: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860—1863. Т. 1—2. Все это отражено в обобщении, которое подразумевало под актами «собрание всех письменных документов, относящихся к одному и тому же имеющему юридическое значение предмету» (Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1890, т. 1, с. 313.)

⁴¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии, с. 8—9.

тоже отражают общественные, политические и экономические отношения.

Наконец, еще один вывод. «Без отделения договорных документов от просительных, процессуальных, указных, законодательных и т. п. невозможно разработать методику дипломатического анализа. Все документы, в том числе и договорные, имеют некоторые общие признаки построения вступительной и заключительной частей. Однако если в договорных документах основное содержание представляет собой комбинацию готовых формул, каждая из которых выражает определенное условие договора и повторяется из документа в документ, то в других видах документов содержание, не будучи основано на устоявшихся юридических принципах договора известной разновидности, является более непосредственным «снимком» с действительности и поэтому находит выражение в относительных формулировках, носящих черты индивидуализации каждого отдельного случая или объясняющих новые общие юридические принципы. Отсюда разница в методике анализа договорных и недоговорных документов: готовые формулы требуют принципиально иных приемов исследования, чем описательные формулировки»⁴². Утверждая, что без выделения договорных документов в особую группу под названием «акты» невозможно разработать методику дипломатического анализа, Каштанов в то же время пишет «об отсутствии непроходимой грани между актами и неактами»⁴³. Если это так, то нужно ли отделять одно от другого с точки зрения формулярного, дипломатического анализа?

Несмотря на критические замечания, высказанные на источниковедческом симпозиуме в Таллине в 1972 г. по поводу этимологического, социологического и методического аргументов в пользу ограничения предмета дипломатики, эти аргументы снова появились в печати: «Нельзя согласиться с критикой... выдвинутых в моих работах (С. М. Каштана.— В. Ф.) трех аргументов (этимологического, социологического и методического) в пользу понимания дипломатики как науки об актах. Этимологическое значение термина «акт» следует противопоставлять не глаголу «аго» (действую), как полагает В. В. Фарсобин, а глаголу «доцео» (учу, извещаю), поскольку он есть основание термина «документ». В социологическом аспекте выделение «актов» как вида источников, созданных в процессе их определенного социального функционирования, обусловлено общественной структурой, например в период феодальной раздробленности наличием политически независимых лиц, заключающих между собой контракты. В методическом плане надо иметь в виду, что в „акте“ содержатся не просто какие-то формулы или штампы, но комбинации повторяющихся готовых формул, выражающих основное содержание, диспозицию документов»⁴⁴.

⁴² Там же, с. 9.

⁴³ Там же, с. 10.

⁴⁴ Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 2—6 октября 1972 г.).— В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1976. М., 1977, с. 232.

Прежде всего возведение термина «акт» к глаголу «действовать» было произведено самим Каштановым. Теперь, опровергнув свое собственное предложение, он применил другой глагол — «доцео», который также не имеет доказательной силы. Этимология терминов обоснованию предмета науки не помогает. Это мы видели на примере палеографии.

Ставить в зависимость предмет дипломатики от «социологического аспекта» нет смысла прежде всего потому, что исследовать специфические особенности общества на том или ином этапе его развития — не задача дипломатики. Тот факт, что договоры одной социальной структуры не равнозначны договорам другой или договоры между социальными антиподами одного периода не соответствуют подобным же договорам предыдущего или последующего этапов, означает изменение общественных отношений. Оно может сопровождаться переменами и в форме договоров. Однако с изменением общественного строя перемены в построении формы можно наблюдать не только на примере договоров. Они характерны для всех документов.

В заключение несколько замечаний о так называемом методическом аргументе. Не только договоры и сделки имеют общий формуляр, готовые формулы и комбинации повторяющихся готовых формул — все это характерно и для других видов документов. Еще в середине XIX в. М. И. Семевский писал о подробностях «формулярного списка» полицейского допроса в делопроизводстве начала XVIII в.: «...вероисповедание допрашиваемого, происхождение, где родился, чем занимался, был ли наказан, пол»⁴⁶. В том же веке А. Г. Брикнер, разъясняя сущность повторяемых фраз в письмах, привел многочисленные примеры формуляров писем: матери к сыну, сына к отцу, жены к мужу, женщины к любимому и т. д. «Письма всех этих лиц,— писал Брикнер,— отличаются многословным введением, множеством фраз, свидетельствующих о какой-то условной нежности; деловые сообщения испещрены выражениями любви и уважения, соответствующими как бы некоторому формуляру»⁴⁷. Брикнер отмечал далее, что расширение кругозора людей, разнообразие их деятельности влияют на изменение «форм эпистолярного слога»⁴⁸. Формы писем изменялись, число их росло. Такое изменение свидетельствовало о наступлении новой эпохи. Подобные же наблюдения опубликовал В. Н. Щепкин на примере других повествовательных памятников. Он подтвердил, что известные формулы вырабатывались «как в дипломатических и государственных актах,

⁴⁶ Семевский М. И. Царница Прасковья. 1664—1723: Очерк из русской истории.— Время, СПб., 1861, т. 2, с. 94, 101. Тогда же публиковались формулярники различных материалов. См.: Бычков А. Ф., Калачев Н. В. Старинные «формулярники».— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1862, вып. 1, с. 34—49; «Формулы писем и просьб» (Там же. СПб., 1862, вып. 2, отдел 2, с. 96—97) и т. д.

⁴⁷ Брикнер А. Г. Частные письма в эпоху преобразования (1675—1725).— Новь, СПб., 1884—1885, т. 1, № 4, с. 598.

⁴⁸ Там же, т. 2, № 5, с. 57.

так точно в *летописях* и иных записях, читаемых в памятниках письменности»⁴⁸.

В 1898 г. был опубликован очерк Е. В. Тарле «Дело Бабефа», в котором определен формуляр публицистических статей французского революционера: «...сначала ряд восклицаний, потом горячие насмешки, потом гневные выходки, обильно снабженные ругательствами, наконец обращение негодования на себя: «Не в этом негодяе дело, а как мы, мы допустили» и проч. Бабеф писал свои передовицы так, как ложноклассические поэты писали свои оды — по установленной программе...»⁴⁹. Число подобных примеров по определению формуляров в различных видах литературных произведений можно было бы значительно увеличить.

Приведенные факты показывают, что суждения Лаппо-Данилевского не выпадают из общего потока мнений о возможности распространения дипломатического анализа на все виды письма.

Об этом свидетельствуют и заключения учеников Лаппо-Данилевского. Так, А. И. Андреев, не подразделяя источники на виды, утверждал, что «дипломатисты будут изучать форму и стиль, а филологи — правописание, с течением времени явятся иные исследователи, которые к этому тексту будут предъявлять иные требования»⁵⁰. Другой ученик Лаппо-Данилевского — С. Н. Валк подтвердил мысль своего учителя, установив формуляр листовок: «надзаголовочные обозначения, заголовок, подзаголовок, обращение, текст». Формулы Валка не имеют характера субъективного описания, а вытекают из объективных данных обследованной им группы листовок, их типических черт, которые «обнажают дипломатический состав листовки»⁵¹.

Мысль о распространении формулярного анализа на все виды письменности была в 1930 г. отражена в учебном пособии по источниковедению Саара. Включая в дипломатику акты и частную переписку, он обосновал это тем, что в них применялись специальные формулы и обороты речи. «Эти формулы, как особенно ярко показывают нам последние десятилетия,— писал он,— изменялись не только в том смысле, что менялись названия должностных лиц и их титулы (великий князь, царь, ваше благородие, товарищ и т. п.), но и по существу. Например, в официальных отношениях и заявлениях в настоящее время в СССР никто, кроме Наркоминдела и Наркомторга и их агентов, не употребляет формулу: «честь имею довести до сведения», «остаюсь вашим покорным слугой», «милостивый государь» и т. п. Зато употребляются формулы: „в ответ на ваше отношение“, „с товарищеским приветом“, „уважаемый товарищ“ и т. п.»⁵² Выступая в 1957 г. на совещании по проблемам исторической критики, В. И. Шунков говорил: «Прошло то время,

⁴⁸ Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии, 1-е изд. М., 1918, с. 146.

⁴⁹ Цит. по кн.: Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981, с. 26.

⁵⁰ Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР. 14—19 марта 1925 г. М.; Л., 1926, с. 279.

⁵¹ Валк С. Н. О приемах описания нелегальной листовки.— Библиография, 1929, № 2/3, с. 18.

⁵² Саар Г. П. Указ. соч., с. 55.

когда изучающих формуляры зачисляли в „последователей“ Лаппо-Данилевского, формуляры свойственны не только актовым материалам, но и другим видам источников»⁵³.

Таким образом, еще в русской дореволюционной литературе дипломатический анализ стал распространяться на все виды источников. В советское время это правило получило новые подтверждения. Распространение приемов дипломатики на изучение документов новейшего времени укрепило межвидовой характер этой отрасли: проблема изучения формуляров в предмете дипломатики имеет значение для познания документов всех периодов различных видов.

Дальнейшее развитие дипломатики требует учета, систематизации, описания опыта исследования формуляров всех памятников письма — древних и современных. Однако такого рода направление исследовательской деятельности может встретить затруднение в связи с отрицанием существа формулярного анализа и попыткой подменить его новым недоказанным объяснением. Несмотря на справедливое замечание о том, что «специфическим методом и одновременно главным отличительным признаком дипломатики как науки является формулярный анализ»⁵⁴, единого понимания формулярного анализа пока нет.

Существуют определения формулярного анализа, разработанные в дореволюционной и современной литературе. Прежде чем перейти к конкретному рассмотрению отличных друг от друга определений, отметим основные причины появления мнений, направленных против изучения формы. Отрицание необходимости формулярного анализа основано на противопоставлении его диалектическому, историческому исследованию. Однако противопоставлять одно изучение другому нельзя: изучение формы — часть диалектического познания, так как развитие не может быть познано без изучения структуры предмета в какой-то момент его истории, а форма — часть структуры.

Отрицание приемов исследования формы поконится также на убеждении, что невозможно раздельно изучать форму и содержание, форму и смысл предмета или явления. Но исследователь в целях более глубокого и всестороннего познания структуры предмета изучает последовательно его форму и содержание, что вовсе не означает отделения формы от содержания.

На необходимость раздельного изучения формы и содержания на примере математики указывал Ф. Энгельс: для того чтобы изучить «формы и отношения в чистом виде, необходимо совершенно отделять их от содержания, оставить это последнее в стороне...»⁵⁵. Эти наблюдения соответствуют опыту дипломатики, изучающей форму и содержание раздельно. Так делал, в частности, уже Лаппо-Данилевский.

⁵³ Исторический архив, 1957, № 5, с. 284.

⁵⁴ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики, с. 14.

⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 37.

Известно, что наиболее четкое определение формулярного анализа было дано А. С. Лаппо-Данилевским. Относительно его научного наследия Л. В. Черепнин заметил: «Нелепо было бы просто перечеркнуть всю методику Лаппо-Данилевского... следует отличать идеалистическую чепуху от реальных достижений этого исследователя»⁵⁶. Однако раздельное изучение документов, которое производилось им, вызвало упрек в том смысле, что для него «первоочередное значение имела форма документа, которую он отрывал от содержания акта», что «конкретно-историческая действительность очень часто оставалась за пределами исследования этого ученого»⁵⁷. Это замечание требует пояснения. Дело в том, что при формализации текста, т. е. при расчленении его на клаузулы⁵⁸, действительно происходит как бы отрыв формы от содержания. Формулярный анализ становится возможным, когда он осуществляется с учетом содержания, но независимо от него. Это происходит следующим образом. Определяя формуляр, подсчитывая клаузулы, отдельные выражения, исследователь имеет в виду прежде всего части текста, а смысл его в целом как бы остается в стороне. Точно так же поступают и палеографы, производя измерения букв, их толщины, высоты, учитывая наклоны, угловатости, закругления и т. д. В момент подсчетов отдельных признаков палеографа не интересует содержание и смысл. Так и в дипломатике. Из этого, однако, не вытекает, что специалист, изучающий текст какого-либо документа, не исследует содержание, не определяет смысл.

Лаппо-Данилевский включал в предмет дипломатики набор ряда операций: интерпретацию актов, их критику — установление места, времени, автора, дипломатический, формулярный, юридический анализ. Постановка Лаппо-Данилевским на первое место интерпретации, т. е. познания смысла памятника, свидетельствует о неточности обобщений, согласно которым «буржуазная дипломатика занимается в основном лишь описанием внешних особенностей актов, изучение содержания актов — т. н. герменевтика текста — официально не входит в ее задачи»⁵⁹. В таких обобщениях не учитывается то обстоятельство, что «герменевтика текста» и «интерпретация текста» — равнозначные понятия. Их приравнивал друг к другу и Лаппо-Данилевский⁶⁰. Кроме того, в приведенном высказывании по-

⁵⁶ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1973, вып. 1 с. 51.

⁵⁷ Зимин А. А. Трудные вопросы методики источниковедения древней Руси.— В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы, с. 435.

⁵⁸ Клаузулой называется каждая мысль, «выраженная в акте отдельно от других». Это определение А. С. Лаппо-Данилевского можно распространить на все памятники, так как они состоят из отдельных мыслей.

⁵⁹ Кастанов С. М. Дипломатика, с. 288.

⁶⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии истории, читанным студентам Петербургского университета в 1906—1907 учебном году. Б. м., б. г. Ч. 2. Методы исторического изучения, с. 105. Гектограф. Лаппо-Данилевский совершенно определенно заявлял, что «интерпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника»,

нятие «герменевтика (интерпретация)» слито с понятием «содержание». Между тем герменевтика (интерпретация) памятника — это объяснение его смысла. Раскрытие же содержания происходит на уровне учета отдельных мыслей (клаузул) или частей памятника. В этой связи, вероятно, и следовало бы разграничивать понятия «смысл» и «содержание». Смысл текста или памятника — понятие синтетическое, объясняющее текст или памятник в целом. Содержание памятника — набор составных частей его, клаузул.

Включение в предмет дипломатики и источниковедения изучения смысла и содержания текстов — один из принципов Лаппо-Данилевского. Однако если разграничивать задачи отдельных отраслей, то изучение содержания и смысла текста независимо от того, о каком тексте идет речь — об акте, письме, мемуарах, летописи, челобитной и т. д., надо отнести не к дипломатике, а к текстологии. Хотя это не бесспорно, а нуждается в дальнейшем изучении путем сопоставления ряда отраслей.

После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению формулярного анализа, относимого к дипломатике. «Дипломатический анализ акта,— писал Лаппо-Данилевский,— устанавливает типический формуляр данной группы актов и состоит из следующих операций: а) расчленения каждого из них на составные части — клаузулы; б) определения более или менее общих у него с другими актами той же группы или более или менее частных присущих ему клаузул; с) выяснения типического соотношения в сосуществовании или преемстве клаузул данной группы актов»⁶¹. Перечень клаузул или частей текста в определенной последовательности составляет его формуляр. Если первые две операции как будто получили признание, то третья вызывает сомнения⁶².

Средний формуляр данной группы документов или актов позволяет проследить обычай эпохи, литературного кружка или учреждения с точки зрения распространения того или другого литературного штампа. Благодаря среднему формуляру, т. е. такому, в котором встречается около половины всех клаузул, имеющихся в рассматриваемых документах, можно проследить нарастание, пик, убывание принятой в определенное время схемы письма. Подобное использование статистики можно наблюдать и в палеографии⁶³. Произведя соответствующие подсчеты, палеограф может установить средние показатели, а затем отклонения от них. Эти средние показатели являются горудием палеографического изучения. Точно так же и средний формуляр в дипломатике.

что истолкователь интересуется главным образом «смыслом исторического источника и устанавливает его путем интерпретации» (Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913, вып. 2, с. 408). Другое дело, можно ли согласиться с интерпретацией текстов учеными различных мировоззрений.

⁶¹ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов, с. 135—136.

⁶² См., например: Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед.— Вопр. истории, 1949, с. 50. В более поздних работах автор не так категоричен в отрицании понятия «типический формуляр».

⁶³ Киселева Л. И., Люблинская А. Д. О современном состоянии зарубежной латинской палеографии, с. 332.

Однако нельзя и преуменьшать трудности в использовании среднего формуляра. Воссоздать средний формуляр «не всегда удается, так как для этого недостаточно совпадения клаузул, а необходима и установившаяся последовательность их расположения, а она часто оказывается неустойчивой»⁶⁴.

Установив средний формуляр актов той или другой эпохи или группы документов, можно приблизенно датировать акты или проверять их датировку и подлинность, которая известна на основе других признаков. Подобный прием может долгое время не встретиться в конкретной практике, поскольку историки используют точно датированные материалы. Однако исключать возможность проверки времени и места возникновения документов с помощью среднего формуляра вряд ли целесообразно. Надо только иметь в виду, что датировка или проверка датировки с помощью формулярного анализа документов не цель дипломатики, а одно из возможных приложений ее метода. То же самое относится и к установлению подлинности документов⁶⁵. Цель дипломатики — изучение формы различных памятников письменности, ее изменений. Дипломатика складывается из практики установления формуляров и обобщения этой практики, теоретических наблюдений. Однако не все обобщения в дипломатике удовлетворяют исследователей. Так, если Лаппо-Данилевский, как показано выше, разбивал дипломатический, формулярный, анализ на три этапа, то Каштанов предлагает четыре типа схем построения документов: «...1) наиболее общая схема построения документов в целом (назовем ее «условный формуляр»); 2) общая схема построения документов определенной разновидности (назовем ее «абстрактный формуляр»); 3) схема построения определенных небольших групп документов внутри разновидности (назовем ее «конкретный формуляр»); 4) схема построения отдельно взятого текста (назовем ее «индивидуальный формуляр»)»⁶⁶. При таком расчленении нельзя выяснить, что же собой представляет общая схема построения документов в целом, на какие документы какой эпохи она распространяется; чем отличается понятие среднего формуляра изучаемой группы актов Лаппо-Данилевского от понятия «абстрактный формуляр»; где проходит граница между понятиями «документы в целом», «документы определенной разновидности», «небольшая группа документов». Естественно, что после опубликования этого предложения последовало замечание о том, что еще «не вполне ясно, в какой мере методика этого анализа расширяет возможности исторического исследования»⁶⁷.

⁶⁴ Коробков Н. Н. Указ. соч., с. 33.

⁶⁵ Например, можно встретить утверждение о том, что дипломатика изучает «памятники письменности с их внешней и внутренней стороны в целях определения их подлинности» (Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы.— Архивное дело, 1940, № 2, с. 21).

⁶⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики, с. 26.

⁶⁷ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 54.

Сравнение приведенной схемы с положениями Лаппо-Данилевского показывает, что его формулярный анализ пока не опровергнут. Об этом свидетельствует и воспроизведение методики формулярного анализа на материалах палеографии. Например, идея образования среднего формуляра, способствующего изучению форм конкретных документов, возникла в понятии «средний алфавит» для изучения эволюции графики.

Изучение форм письменности рассредоточивается по многим наукам. Поиск места дипломатического, или формулярного, анализа в их ряду — одна из необходимых задач.

Ограничение дипломатики изучением форм письменности может встретить и то возражение, что формулярный анализ не охватывает памятника в полном его объеме. Известно, что дипломатика рассматривается как «наука об актах, изучающая их форму и содержание»⁶⁸.

Против подобного толкования предмета дипломатики может быть выставлен тот довод, что содержание актов, как и любых других письменных памятников, изучает текстология. Поэтому нет нужды, чтобы науки дублировали друг друга. Кроме того, надо иметь в виду, что отнесение к предмету дипломатики изучения содержания актов восходит к теории дипломатики Лаппо-Данилевского. По Лаппо-Данилевскому, дипломатика исследует акты как источники и как явление исторической действительности, т. е. как объекты самостоятельного значения. При таком подходе изучение содержания актов было необходимо. Однако ясности эта теория не внесла. Вопрос об изучении дипломатикой памятников как явлений действительности не был разработан Лаппо-Данилевским. Вот некоторые факты.

Изучение памятников как явлений Лаппо-Данилевский назвал «построением», в которое включал выяснение происхождения памятников, их состава, разновидностей формуляров, выработанных в разных канцеляриях, способов удостоверения. Изучение памятников как источников, по мнению Лаппо-Данилевского, означает выявление принципов и приемов их интерпретации и критики. Такое разграничение понятий первым подверг критике Г. М. Котляров. «Выделение одной части дипломатики в отдел источниковедения,— писал он,— как бы подчеркивает, что остальная часть ее, с нашей точки зрения основная, не относится к источниковедению. Мы полагаем, наоборот, что изучение вопросов о происхождении актов, их составе, разновидностях их формуляров и т. п. есть лишь углубленное изучение актов, именно как источников, ибо только после детального выяснения этих вопросов, после точного испомещения акта в его культурную среду возможно правильное, научное пользование содержанием данного акта для исторических, юридических, экономических и иных построений»⁶⁹.

⁶⁸ Дербов Л. А. Введение в изучение истории. М., 1981, с. 82.

⁶⁹ Русский исторический журнал, 1922, № 8, с. 260.

Возражение Котлярова было справедливым. Об этом говорят все последующее развитие источниковедения и полное забвение самого термина «построение». Разделив изучение актов и документов между источниковедением и документальным построением, сам Лаппо-Данилевский нарушил это деление⁷⁰. В разделах, которые отнесены им к источниковедению, он рассматривал вопросы, принадлежащие, по его же делению, к документальному построению, и наоборот, что свидетельствовало об искусственности разделения изучения источников таким образом. Не случайно поэтому разделенные части были соединены. Это сделал, например, Н. Н. Коробков, исходивший из всестороннего изучения дипломатикой документов как источников и как памятников действительности⁷¹. Но развитие научных отраслей неуклонно продолжается. Всестороннее изучение дипломатикой актов уже не может быть признано особой наукой. Рассмотрение актов в разрезе существующих наук создает возможность преобразования дипломатики в отрасль исторической науки со своей специфической частью формулярного анализа.

Отрицание советской историографией разделения изучения документов на «источниковедение» и «построение» нашло выражение в создании текстологии, которая стала охватывать изучение происхождения памятников письма, их состава и интерпретации. Понятие «построение» в этих условиях потеряло всякий смысл, а понятие «источниковедение» претерпело существенные изменения.

Все это, однако, не снимает проблемы изучения памятников как явлений исторической действительности. Изучение памятников письма как явлений опирается, конечно, на текстологию в смысле установления исходных позиций: времени, места, автора памятника. Основное же направление в этом исследовании, по-видимому, состоит в определении места памятника среди других памятников, его влияния на них.

Нерешенным остается вопрос: к какой отрасли следует отнести такое изучение? Пока мы можем высказать лишь рабочую гипотезу. Прежде всего предстоит еще уточнить круг вопросов, определяющих изучение памятников как явлений. Если окажется, что эти вопросы однотипны с теми, которые стоят перед литературоведением, то, может быть, целесообразно будет отнести проблему взаимных влияний памятников именно к нему, невзирая на то что речь идет совсем не о художественных произведениях. Это освободило бы дипломатику от решения задачи, которая выходит из ее круга. Она причислялась к ней в условиях слабой дифференциации знаний и в силу неупорядоченности понятий.

Все это не означает, что и при изъятии проблемы изучения памятников как явлений обоснование предмета дипломатики будет завершено. Некоторые другие вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. Например, на очередь выступает задача разграничения

⁷⁰ Примеры нарушения Лаппо-Данилевским своих теоретических положений приведены Котляровым.

⁷¹ Коробков Н. Н. Указ. соч., с. 24—25.

дипломатики с литературоведением и рядом лингвистических дисциплин (фразеология, стилистика). Однако незавершенность обоснования предмета дипломатики как проблемы изучения формы памятников письма не может быть выставлена аргументом в пользу понятия дипломатики как актоведения. Если даже окажется, что изучение формы памятников независимо от их вида целесообразно отнести к литературоведению или к одной из лингвистических дисциплин, то актоведение в этом случае лишится своей специфической задачи по изучению формуляра.

Распространенное мнение считать дипломатику «частью источниковедения, которая изучает акты»⁷² нельзя считать обоснованным. Складывание понятий дипломатики и смежных отраслей свидетельствует об эволюции их в сторону разделения изучения памятников по различным способам независимо от вида.

Приведенные материалы свидетельствуют и о том, что источниковедение стало включать в свой предмет то, что раньше охватывала дипломатика. Чем объяснить такое изменение понятий?

Немаловажная роль принадлежит здесь мнению о том, что в ту или иную науку следует включать все знания, которые в ней используются. Например, если дипломатист изучает документы палеографически, то из этого будто бы вытекает необходимость включения палеографического изучения в предмет дипломатики, и т. д. Включение одной науки в предмет другой — одна из главных причин неустойчивости понятий дипломатики и источниковедения. Понимание дипломатики как формулярного анализа памятников может способствовать стабилизации ее понятий и связей со смежными отраслями.

Возвращаясь к вопросу о расхождениях в оценке дипломатики, можно сказать, что рассмотрение дипломатики то вспомогательной, то самостоятельной наукой не противоречит друг другу. Если дипломатика используется при решении проблем других наук (при датировке, установлении подлинности и т. д.) — она вспомогательна. При изучении формы она выступает в самостоятельной роли.

Дипломатика, изучающая формы памятников, может иметь перспективу, если ее предмет найдет устойчивое место в ряду лингвистических дисциплин и литературоведения. Все будет зависеть от интенсивности и качества разработки теории дипломатики, проверяемой сопоставлением ее предмета и предметов развивающихся дисциплин со схожими задачами.

⁷² Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 659.

ТЕКСТОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ

Опыт развития текстологии обобщен в работах Д. С. Лихачева¹, изложен в коллективных трудах², статьях, журнальных дискуссиях³, докладах на конференциях по основным проблемам науки⁴. В разработке текстологических проблем много сделали литературоведы. Однако литературоведы-текстологи сами признают, что на «протяжении всех советских лет литературоведческая текстология развивалась параллельно с текстологией археографической, используя ее достижения и обогащая ее своим опытом»⁵.

Сложилось несколько ведущих научных центров, которые координируют и направляют текстологическую работу в нашей стране. Главные из них — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде и Институт мировой литературы им. А. М. Горького в Москве. Оба эти научные учреждения Академии наук СССР ставили перед собой задачу наряду с подготовкой литературных произведений к изданию развивать и теоретическую текстологию. Проблемы конкретной текстологии разрабатываются также во многих других городах страны.

Большие достижения дореволюционной русской и советской текстологии выдвинули ее на «первое место в мире»⁶. Однако, по

¹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962; Он же. Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964.

² Вопросы текстологии. М., 1957—1967. Вып. 1—4; Основы текстологии. М., 1962. В этом сборнике дана выборочная библиография литературоведческой текстологии. Библиография текстологии источниковедческой или археографической опубликована в сборниках «Источниковедение истории советского общества» (М., 1964—1968. Вып. 1—2).

³ См., например, обсуждение названных книг Д. С. Лихачева: Берков П. Н. Проблемы современной текстологии. — Вопр. лит., 1963, № 12, с. 78—95; Бухштаб Б. Я. Что же такое текстология? — Рус. лит., 1965, № 1; Лихачев Д. С. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба. — Там же; Бухштаб Б. Я. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста. — Рус. лит., 1965, № 3; Прохоров Е. И. Предмет, метод и объем текстологии как науки. — Там же; Лихачев Д. С. Ответ Б. Я. Бухштабу и Е. И. Прохорову. — Там же; Гришунин А. К спорам о текстологии. — Там же; Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. — История СССР, 1966, № 4, с. 81—106; Лихачев Д. С. По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина». — История СССР, 1967, № 2, с. 230—235.

⁴ Так, в 1954 г. в Институте мировой литературы состоялось совещание по общим вопросам текстологии, в 1956 г.— по проблемам атрибуции текстов. В 1960 г. такое же совещание провел в Ленинграде Институт русской литературы. В мае 1971 г. там же работало совещание международной текстологической комиссии славистов и т. д. См.: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 92.

Гришунин А. Л. Очерк истории текстологии новой русской литературы. — В кн.: Основы текстологии: Сб. ст. М., 1962, с. 132.

⁶ Лихачев Д. С. О некоторых неотложных задачах специальных филологических дисциплин. — Вестн. АН СССР, 1976, № 4, с. 69.

словам Д. С. Лихачева, источникование, палеография и текстология находятся «сейчас в некотором застое»⁷. Это состояние объясняется организационными и иными причинами. Д. С. Лихачев предложил возобновить деятельность группы по теоретической текстологии в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, накапливать опыт по древнерусской текстологии в институтах русского языка, русской литературы, возобновить выпуск сборников по теории текстологии, возобновить работы текстологической комиссии при Советском комитете славистов, шире привлекать историков к этой работе.

К числу нерешенных вопросов относятся: определение предмета текстологии, текстологической интерпретации, их соотношение со смежными дисциплинами. Рассмотрим эти вопросы.

Но прежде о времени зарождения текстологии. Среди литераторов нового времени существует мнение, что текстология в России зародилась из библиографии XVIII в.⁸ Действительно, лица, занимавшиеся библиографическими описаниями литературных памятников, считали необходимым писать о критическом изучении текста, что и сейчас принято. Однако такое положение не означает, что критика текста, или текстология, происходит из библиографии.

Соединение в библиографическом описании сведений из многих научных знаний свидетельствует об информационном характере библиографии, а не о том, что текстология происходит из библиографии. Лицо, занимающееся библиографическими описаниями, может сделать ценные текстологические наблюдения. Но эти наблюдения не перестают быть текстологическими от того, что они включены в библиографическое описание.

Б. М. Эйхенбаум считал, что «начало русской текстологической практики надо относить к концу XVIII и началу XIX века — ко времени первых изданий сочинений Кантемира, Державина, Фонвизина, Радищева и др.»⁹.

Если иметь в виду текстологию в мировом масштабе, то ее зарождение отодвигается в глубь веков. Хотя надо сказать, что определение истоков науки осложняется иногда впечатлением, которое произвел на общественность тот или другой специалист. Например, в свое время сильное воздействие оказали труды немецких историков Б. Г. Нибура и Л. Ранке, которые использовали приемы критики памятников. На этом основании считалось возможным утверждать, что этот метод ими создан. Однако такое субъективное мнение было отвергнуто и зарождение критики отнесено к античности¹⁰.

⁷ Там же, с. 65.

⁸ Основы текстологии: Сб. ст., с. 8.

⁹ Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии.— В кн.: Редактор и книга: Сб. ст. М., 1962, вып. 3, с. 48.

¹⁰ Отделение исторических наук и филологии АН СССР 19 мая 1926 г. заслушало доклад В. П. Бузескула о развитии критического метода. Он опроверг мнение, что «историко-критический метод создан Нибуром и Ранке, от них он ведет свое начало; они совершили переворот в исторической науке...» (Бузескул В. П.

В России же зарождение текстологии возможно отнести к началу XVIII в. В трудах исследователя религиозных текстов А. Денисова, который еще не подразделял исторические значения на отрасли, содержатся ценные текстологические наблюдения. В разное время позднейшие ученые называли его труды то археологическими, то палеографическими¹¹. Он занимался критикой текста, изучением его истории.

Изучением текстов летописей занимался и В. Н. Татищев. Весьма ценные критические наблюдения содержатся и в работах таких историков XVIII в., как М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Ф. О. Туманский и др. Текстология зарождалась в ходе исторических и историко-литературных исследований по мере внедрения критического метода в исследовательскую практику. Библиография и публикация текстов лишь отражали эти изыскания.

Термин «текстология» был введен в научный оборот сравнительно недавно¹² для обозначения проблемы применения филологических знаний к практической деятельности «по установлению литературных текстов нового времени»¹³. Та же самая проблема применительно к изучению литературных текстов древности называлась филологической критикой, критикой текстов, герменевтикой. Объяснение и установление теологических текстов именовались экзегетикой или просто библейской критикой. Определение подлинности памятников письменности, их достоверности историки относили к исторической критике. С внедрением термина «источникование» познание подлинности текстов исторических источников включено в эту отрасль. Тот же вид исследовательской работы, но при подготовке памятников к изданию, называют археографией

Из истории критического метода. Ранке и Штенцель.— Изв. АН СССР, Сер. 6, 1926, т. 20, с. 1121). Им сделан вывод о том, что «филолого-критический или историко-критический метод обязан своим развитием не одному лицу, а совокупным трудам многих. Его зародыши относятся еще ко времени античности (вспомни Фукидida)» (Бузескул В. П. Из истории критического метода. Георген.— Изв. АН СССР. Сер. 6, 1927, т. 21, с. 313).

¹¹ Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия.— Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 г. Пг., 1923, вып. 31.
Самое раннее употребление слова «текстология» отнесено к 1923 г., когда Б. В. Томашевский использовал его в статье «Новое о Пушкине» (Литературная мысль. Пг., 1923, вып. 1, с. 171); см. также: Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970, с. 85; Он же. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978, с. 3). В форме прилагательного этого термин можно обнаружить и в более ранней литературе: см., например, «текстуальное изучение», «текстуальные особенности» (Евлахов А. Введение в философию художественного творчества. Ростов н/Д, 1917, т. 3, с. 4—7 и др.).

¹² Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии, Л., 1928; 2-е изд. М., 1959, с. 272—273. На текстологическом совещании в 1954 г. такое объяснение текстологии не нашло поддержки. Некоторые специалисты считали, что текстология — не комплекс практических навыков, а литературоведческая наука. Однако суждение Б. В. Томашевского о прикладном характере текстологии, как и отнесение ее к числу литературоведческих наук, еще не преодолено, хотя четко поставлена проблема разграничения «между текстологией и литературоведением, между текстологией и источниковедением» (Лихачев Д. С. По поводу статьи С. Н. Азбелева..., с. 232). Эти задачи все же нуждаются в реализации.

и т. д. «Филологическая критика, критика текстов, археография, герменевтика, экзегетика,— подводит итог С. А. Рейсер,— слова, покрывающие примерно одно понятие, но в применении к разным областям знаний: истории, древней литературе, источниковедению, библии»¹⁴. Термин «текстология» признан в советской науке лучшим среди имеющихся и стал употребляться применительно к изучению любых текстов — литературных и исторических, древних и современных, так как «и в древней и в новой текстологии речь идет об одних и тех же явлениях»¹⁵. Однако единство мнений еще не достигнуто даже в определении границ науки. «Текстология — вспомогательная историко-филологическая дисциплина, главная задача которой заключается в установлении точного текста литературных памятников и исторических документов для их научного издания»¹⁶, — говорится в справочных изданиях. С другой стороны, продолжают распространяться дефиниции, отождествляющие текстологию с приемами анализа только литературных текстов¹⁷. При этом речь идет не просто о литературных произведениях, а о классике. «Текстология — практическая область литературоведения, теснейшим образом связанная с делом издания классиков, — писал в свое время Б. Эйхенбаум. — Основная цель и задача текстологической работы — подготовить к печати проверенный по первоисточникам и очищенный от всякого рода искажений и погрешностей авторский текст»¹⁸.

Мысль о двух подходах к изучению текста не нова. В прошлом веке французские историки Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос писали, что выяснение смысла каждого слова исторического документа — очень кропотливая работа, которую многие ученые «решились выполнить только в применении к некоторым произведениям древности, представляющим собою в высшей степени ценные литературные памятники; что же касается массы исторических документов, то по отношению к ним на практике придерживаются сокращенного приема»¹⁹.

Из этого следует, что для избранных памятников предназначалась одна наука, а для обычных — другая. При таком подходе к изучению текстов трудно провести линию разграничения: что за-

¹⁴ Рейсер С. А. Палеография и текстология..., с. 85.

¹⁵ Там же, с. 90.

¹⁶ БСЭ. 2-е изд., 1956, т. 42, с. 114; МСЭ. 3-е изд., 1960, т. 9, с. 170. Слабое звено в этом определении — непременная связь текстологии с издательским делом. Несмотря на то что Д. С. Лихачев неоднократно выступал за самостоятельную текстологию, до сих пор даже в справочных изданиях текстология определяется прикладной наукой при издании литературных произведений.

¹⁷ Словарь литературоведческих терминов. М., 1974, с. 400.

¹⁸ Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии.— В кн. Редактор и книга, вып. 3, с. 42. Подобным же образом и современные авторы ограничивают предмет текстологии изучением тех произведений писателей, которые «заслуживают текстологического исследования» (Гришунин А. К спорам о текстологии, с. 143). Текстология направляется на решение задач «подготовки изданий произведений писателей-классиков» (Прохоров Е. И. Текстология. Принципы издания классической литературы. М., 1966, с. 9 и т. д.).

¹⁹ Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899, с. 120.

служивает и что не заслуживает текстологического изучения²⁰. Как бы предвидя увлечение классикой, Б. В. Томашевский предупреждал, что «повышать книжную культуру было бы желательно не на одних классиках»²¹.

Таким образом, ограничение текстологии изучением классических произведений тормозило распространение идеи о ее всеобщности.

Другим препятствием на этом пути было включение текстологических задач в различные научные отрасли, и, наоборот, объединение в текстологии многих знаний. Так, долгое время вопросы изучения и издания памятников древнерусской литературы возлагались на палеографию. Об этом писал в упомянутой работе Б. М. Эйхенбаум. Подобное разграничение имело место и в исторической литературе. Известно, что А. М. Большаков, например, относил к палеографии установление текста памятника путем сличения списков или на основе анализа данных языка и содержания рукописи²², т. е. включал в палеографию функции, свойственные критике текста, или текстологии. Сравнительно недавно А. И. Гуковский, развивая подобные мысли о взаимосвязях палеографии и текстологии, назвал текстологию «одной из вспомогательных (прикладных) дисциплин литературоведения», а ее задачи в историческом изучении возложил на палеографию. «В самом деле,— писал он,— любой исторический документ советской эпохи может нуждаться в палеографическом изучении для установления его авторства, подлинности, точной датировки, места составления, интерполяции, иногда и для прочтения». Перечисленные задачи решаются комплексно с помощью текстологии и других отраслей. Палеография лишь в какой-то степени может оказать помощь в их изучении. Отнеся задачи текстологии к палеографии, А. И. Гуковский вместе с тем утверждал, что нельзя согласиться «с заменой термина палеография реально существующим термином текстология». Действительно, такой необходимости нет, так как названные термины и понятия не равны друг другу. Свою мысль о нецелесообразности замены одного термина другим он обосновал положением, согласно которому «далеко не все документы, а только особенно важные нуждаются в текстологических исследованиях, практикуемых и необходимых при изучении литературного наследства классиков»²³. В результа-

²⁰ Стремление обосновать изучение избранных памятников в России встретило сопротивление уже в прошлом веке: «С точки зрения науки все писатели имеют одинаковое право на филологическое истолкование,— такое истолкование писателя, хотя бы и не обладающего высокими достоинствами, имеет высокое научное значение» (*Мандес М. И. О филологическом методе изучения источников*.— Зап. имп. Новорос. ун-та, Одесса, 1899, т. 76, ч. 3, с. 5). А. С. Лаппо-Данилевский считал, что филологическая интерпретация и критика важнейших произведений литературы классической древности послужили лишь началом развития методологии источниковедения.

²¹ Томашевский Б. В. Писатель и книга, с. 24.

²² Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, с. 116.

²³ Гуковский А. И. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин.— Вопр. истории, 1965, № 10, с. 65.

те получалось, что палеография распространена на все документы, в том числе и на советские, а текстология, на которую возлагались те же проблемы, охватывала только «особенно важные» документы. Подобное размежевание между палеографией и текстологией несомнительно в силу того, что текстология в этом случае становилась совершенно излишней дисциплиной, так как дублировала бы палеографию, на которую возлагались не свойственные ей задачи.

Включение текстологических задач в палеографию можно наблюдать и на следующем примере. «Трудно согласиться с Д. С. Лихачевым,— пишет С. Н. Азбелев,— когда он безоговорочно относит к текстологической работе «прочтение и установление текста». Объект палеографического изучения — рукописи. Одна из главных его задач — прочтение содержимого этих рукописей, т. е. установление их текстов»²⁴. Автор не учел того обстоятельства, что палеография, занимаясь прочтением букв и знаков, не охватывает прочтение текста в целом, а тем более установление его содержания и смысла. Если раньше палеография занималась этими проблемами в силу недостаточного развития критики текста, т. е. текстологии, то теперь, когда текстология развилась и охватывает изучение истории текстов всех времен, подобный взгляд явно устарел. «Положение текстологии среди других научных дисциплин во многом аналогично положению палеографии»²⁵, — продолжает С. Н. Азбелев. Положение это действительно аналогично, но не потому, что обе эти дисциплины различаются объектами изучения. Они познают одни и те же объекты со стороны своих задач: палеография изучает графику письма и печати, а текстология — историю, установление текстов, их научное прочтение.

Установление связей между палеографией и текстологией на основе принципа изучения ими памятников письма определенного характера и времени не соответствует тенденциям развития этих дисциплин. Обе они развиваются в направлении изучения всех памятников письма разных времен, но каждая — в плоскости своих задач.

Перечисленными примерами не исчерпывается распространенное явление включения текстологических проблем в разные научные отрасли.

По словам С. Н. Азбела, изучение истории и установления точного текста литературных произведений и исторических документов — «не что иное, как частные результаты изучения генетических взаимоотношений текстов. Ни к одному из этих случаев не сводится... сущность текстологической работы. Подобные результаты нужны, чтобы подготовить хорошее издание источника. Но они мало помогут историку, взявшемуся использовать этот источник для освещения отраженных им исторических фактов. Историка будет интересовать прежде всего происхождение сведений, которые источник содержит, а сведения эти сплошь и рядом заимствованы текстуаль-

²⁴ Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина, с. 90.

²⁵ Там же, с. 85.

но из других источников (во многом аналогично и положение литературоведа). Вот почему нельзя сводить задачу текстологии к изучению текстов отдельных произведений»²⁶.

Из цитированного отрывка видно, что Азбелев отнес к текстологии проблему генетических взаимоотношений текстов, т. е. познание, откуда почерпнул автор изучаемого текста ту или другую идею, тот или другой факт. Эта задача, конечно, чрезвычайно важная, но из других областей знаний. Если рассматривать включенные в текст сведения с точки зрения их достоверности — то это область исторической критики. Изучение генетических связей научных работ — дело историографии. Изучение тех же связей как литературной традиции входит в литературоведение. Это деление задано самим ходом развития научных отраслей. Оно, конечно, может быть пересмотрено во взаимной связи предметов различных дисциплин, изучающих генетические связи текстов. На эту возможность указывает неразработанность теории такого рода дисциплин. Акад. А. С. Бушмин подметил: «Круг основных проблем, относящихся к методологии современного литературоведения, и порядок их органического сцепления пока еще не прояснен»²⁷. Между тем именно перед литературоведением ставится задача познать «связь литературы с общественной жизнью»²⁸. И эта связь может прослеживаться по многим текстам. Другая сторона той же задачи формулируется и как идея заимствования литературной преемственности²⁹. А еще раньше постановка ее перед литературоведением преподносилась в следующей редакции: «Критик определяет отношение данного произведения к так называемой литературной традиции, иначе говоря — к другим произведениям, с которыми оно находится в генетической связи»³⁰. В этом высказывании подразумевались лишь художественные произведения. Критика не выделялась тогда в особую отрасль, а считалась методом литературоведения. Этот метод и ныне к нему относится.

²⁶ Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина, с. 90. Азбелев хотя и выступает против расширения предмета текстологии за счет других наук, но сам все же продолжает определять текстологию расширительно в одном из последних высказываний. «Предмет текстологии — генетические взаимоотношения текстов», — настаивает он (Азбелев С. Н. Рец.: Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.— Вопр. истории, 1978, № 10, с. 162). «В текстологии нужна работа не только филологическая — по сличению летописных текстов, но и историческая — по осмыслинию их содержания», — утверждает Азбелев (там же). Вопрос заключается, однако, в том, как ограничивать осмыслиение в текстологии от подобной же процедуры в других науках.

²⁷ Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведения.— Обществ. науки, 1981, № 3, с. 88.

²⁸ БСЭ. З-е изд., 1973, т. 14, с. 525.

²⁹ Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969, с. 138—190; Он же. Преемственность литературного развития.— В кн.: Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. Л., 1974, с. 126—167.

³⁰ Розанов М. Современное состояние вопроса о методах изучения литературных произведений.— Русская мысль, 1900, № 4, с. 169.

Но, помимо критики художественного произведения в целях выявления его связей с литературной традицией, существует историческая критика для установления достоверности показаний источника о фактах действительности. Такого рода критика выявляет, из какого источника заимствована та или другая информация в изучаемом тексте. В последние годы выделилась в самостоятельную отрасль историография, одной из задач которой является выявление развития тех или иных идей. Они воплощаются в текстах. Заимствуя и преобразуя ранее существовавшие идеи, автор текста ставит его в генетическую зависимость от них.

Таким образом, возвращаясь к анализу суждения С. Н. Азбелева, можно сказать: историка и литературоведа может интересовать многое, но текстология отвечает на те вопросы, которые входят в ее предмет. Предмет же отдельной науки ^{заканчивается} там, где начинается соседняя отрасль. Поэтому совершенно необходимо отграничить предмет текстологии от предмета литературоведения и других смежных наук. В этом случае ее можно будет рассматривать отдельной самостоятельной дисциплиной. Будет достигнута большая точность понятий.

Такое отграничение станет возможным, если оставить в предмете текстологии изучение истории именно данного текста, а не генетических взаимоотношений разных текстов.

Окончательное решение вопроса о месте в системе наук проблемы изучения генетических взаимоотношений текстов затрудняет то обстоятельство, что литературоведение определяется наукой о художественной литературе. Изучение генеалогии всех других текстов может и не подпадать под ее ведение. Хотя надо заметить, что утверждение «далеко не каждый текст может быть назван явлением литературным» ³¹ опровергается тем соображением, что «далеко не всегда возможно деление памятников на исторические, философские, литературные и т. д.» ³². По определению акад. Н. И. Конрада, «всякий письменный памятник, какими бы ни были его содержание и форма, есть литературное произведение» ³³. К этому определению еще надо привыкнуть, чтобы иметь возможность более широко взглянуть на проблематику научных дисциплин в их совокупности и на вопросы отграничения их предметов.

Текстология, как и любая другая самостоятельная отрасль, изучает предмет, опираясь на необходимые ей знания смежных наук, но не включает их в свой состав.

Пока это правило не соблюдается. Растворение текстологии в проблематике смежных дисциплин продолжается. Весьма характерно утверждение, что «предметом текстологии является сам текст произведения, а не его история» ³⁴. Такое определение отражено и в учебном пособии: «Текстология имеет свой предмет изучения —

³¹ Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина, с. 83.

³² Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 13.

³³ Там же, с. 11.

³⁴ Прохоров Е. И. Предмет, метод и объем текстологии как науки, с. 148.

текст произведения»³⁵, что ведет к включению в предмет текстологии всех других наук, изучающих памятники письма. Текстология, таким образом, лишается своего лица и превращается в дисциплину, теория которой, по словам автора, «формируется на базе двух областей филологической деятельности: литературоведения и редактирования»³⁶. Редактирование может быть литературным, лингвистическим, с учетом анализа содержания и многих других научных отраслей. Редактирование — это не отрасль науки, а приложение различных научных знаний в процессе подготовки текста к печати. Обращает на себя внимание и то положение, что теория текстологии формируется будто бы на базе литературоведения. Но использование текстологией проблем литературоведения для развития своих задач не означает, что текстология развивается на базе литературоведения, а свидетельствует о том, что такие задачи являются предварительными по отношению к текстологическим. И наоборот, решение текстологических задач — предпосылка для изучения литературоведческих проблем. В настоящей работе нет необходимости в более детальном разборе литературоведческих проблем. Важно подчеркнуть, что утверждение о формировании теории текстологии на базе литературоведения опирается на неразграничиваемость предмета литературоведения и текстологии и не способствует ограничению. Продолжение подобного состояния затрудняет складывание текстологии как особой дисциплины и вместе с тем является грузом, отягощающим развитие литературоведения.

Приведем еще примеры определений, которые сливают текстологию с проблематикой смежных дисциплин. В представлении С. А. Рейсера «текстология из пособия для издательских работников на наших глазах перерастает во вспомогательную (может быть, точнее, в прикладную) филологическую дисциплину, имеющую свой предмет изучения. Ее задачи: 1) установление основного текста произведений, 2) организация этих текстов, 3) их комментирование»³⁷. Автор включает в предмет текстологии проблемы организации и комментирования текстов. Однако комментирование, так же как и редактирование, может производиться в плане многих наук. Критика объединения в текстологии конгломерата разноплановых проблем указывает на отсутствие какой-либо необходимости отношения к проблематике текстологии отыскания списков произведений, а кодификация, или организация, текстов именно к ней и относится³⁸. Кодификация текстов — это не цель, а средство. Объе-

³⁵ Прохоров Е. И. Текстология, с. 4.

³⁶ Там же, с. 8.

³⁷ Рейсер С. А. Палеография и текстология, с. 97—98.

³⁸ П. Н. Берков отметил, что проблема отыскания списков произведений «не вполне текстологическая, а больше библиографическая и археографическая, источниковедческая» (Берков П. Н. Проблемы современной текстологии, с. 82). Эту мысль подтвердил С. Н. Азбелев, не считающий возможным включать в область текстологического изучения «работу по отысканию рукописей» (Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина, с. 90). То же самое можно сказать и в отношении кодификации, организации, описания текстов. Теперь это проблемы информатики.

динение в этой отрасли не свойственных ей проблем, начиная от организации текстов до их комментирования включительно, создает такие условия, при которых текстология определяется прикладной дисциплиной, лишенной своей теории. Она опирается лишь на теорию смежных наук. Именно в этом плане текстология рассматривалась, с одной стороны, как «практическая область литературоведения»³⁹, а с другой — как область «практической работы»⁴⁰ исторической науки.

История и литературоведение согласно этим взглядам — науки, а текстология — лишь подсобное к ним знание или технический прием. Как же доказываются такого рода утверждения? Во-первых, мнение о прикладном характере текстологии поконится на мысли об отсутствии равенства между текстологией и историей текста. Б. Я. Бухштаб пишет: «...в текстологической работе „совершенно необходимо установление истории текста публикуемых произведений“, но что фиксация текста „зиждется не только на изучении его и часто даже в основном не на ней“ и производится и в тех постоянных случаях, когда сведений об истории текста нет возможности найти». Аргументом в пользу такого утверждения служит суждение о фиксации текста на основе «размышления, поиска, догадки, „филологического остроумия“»⁴¹. Отрицать все эти мыслительные операции нельзя. Однако они осуществляются в полном соответствии с точками опоры, которые находят в точно зафиксированных исторических фактах, т. е. в фактах истории текста. Без таких опор все эти мыслительные операции оказались бы построенными на песке. Следовательно, этот аргумент не может считаться убедительным.

Предпосылкой такого утверждения является еще и ссылка на традицию: «...текстологией всегда называли и называют не историю текста, а теорию и практику установления текста»⁴². Однако противопоставление истории текста теории и практике его определения неоправданно. Текст познается в сравнении с изменениями, если есть несколько вариантов, и путем отнесения его к определенному времени, месту и автору. Наши видные текстологи-литературоведы именно так понимали взаимосвязь истории текста с установлением его подлинности. По словам П. Н. Сакулина, «текстолог занимается историей текста с единственной целью определить так на-

---

Эйхенбаум Б. М. Основы текстологии, с. 42.

⁴⁰ Валк С. Н. Из «введений» в историю. — Историк-марксист, 1927, № 5, с. 224. Автор не применял еще термина «текстология», а писал о внешней и внутренней критике источников. Однако эти термины отражали понятия текстологии. На это обращали внимание неоднократно. Так, подмечено, что основные разделы внешней и внутренней критики «отражают преимущественно практику критики текста», т. е. текстологию (Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 65). И по современным наблюдениям текстологическое изучение «существенно, и есть основная часть внешней критики источников (наряду с палеографическим их изучением)» (Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина, с. 84).

⁴¹ Бухштаб Б. Я. О природе текстологии..., с. 125—127.

⁴² Там же, с. 125.

зываемый дефинитивный, „канонический“ текст»⁴³. Известный пушкинист С. Бонди, отвечая тем, кто стоял за текстологию, устанавливающую окончательный вариант текста без изучения его истории, писал следующее: «...прочесть и передать текст черновика вовсе не значит только прочесть и передать все слова рукописи, точно отметив, где какое из них находится, как написано и как зачеркнуто и исправлено, а значит также установить последовательность этих написаний, развернуть рукопись во времени, расслойть ее. В этой работе должно быть показано, не „где“ стоит данное слово, а „когда“ оно появилось и уничтожено». И подвел итог. «В самом деле, если черновик представляет собою след движения, временного, динамического процесса, методологически недопустимо изучать его статически. Извлекать же из него последнее, окончательное чтение, не проделавши всей работы, крайне рискованно, и на практике игнорирование этого положения приводит к многочисленным затруднениям и ошибкам»⁴⁴. Таким образом, история текста не противопоставлялась его установлению. Традиция не свидетельствует об отрицании знака равенства между установлением текста и изучением его истории.

Неубедительны и высказывания С. А. Рейсера по тому же поводу. «Неверно было бы ставить знак равенства между текстологией и историей текста. История текста — не самостоятельная наука», — пишет Рейсер, излагая идею о том, что фактами истории текста, помимо текстолога, пользуется и литературовед. И далее приводит слова Б. В. Томашевского: «Литературовед не может быть не текстологом, то есть лицом, не умеющим разобраться в тексте. Равно и текстолог явится в весьма жалком виде, если он не будет литературоведом, то есть не сумеет разобраться в смысле изучаемого текста»⁴⁵.

С. А. Рейсер полагает, что «эти слова Б. В. Томашевского остаются в силе и в наши дни»⁴⁶. Между тем приведенное высказывание Томашевского свидетельствует не об отсутствии знака равенства между текстологией и историей текста, а о том, что каждый специалист не должен замыкаться в одну узкую область, а обязан заглядывать и в соседнюю отрасль и знать, что делается там. Если уж ссылаются на Томашевского, то нельзя пропустить следующие его мысли «... перед текстологией встают две основные проблемы: одна — связанная с интересами науки, другая — с интересами практики. Вопрос об истории текста и вопрос об издании автора — это два основных вопроса, связанных с предметом»; «нельзя ставить вопрос об издании, не выяснив в истории текста»; «вопрос об истории

⁴³ Сакулин П. Н. Проблема «творческой истории». — Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1930, № 3, с. 165.

⁴⁴ Бонди С. О чтении рукописей Пушкина. — Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1937, № 2/3, с. 577—578.

⁴⁵ Рейсер С. А. Палеография и текстология..., с. 97.

⁴⁶ Там же.

текста теснейшим образом связывается с вопросом об издании изучаемого памятника, с вопросом редактирования»⁴⁷.

Надо заметить, что эти мысли учитываются современными текстологами. С. А. Рейсер признает, что «существует сложная генеалогия дошедших и утраченных списков. Выяснение этой родословной и есть чаще всего путь установления текста (или текстов)»⁴⁸. Почему же тогда отрицается знак равенства между текстологией и историей текста? Объяснить это можно тем, что текстология не ограничивается от литературоведения. История текста, т. е. познание времени, места, автора, включается в предмет литературоведения и текстологии одновременно. Это происходит следующим образом. Из приведенного высказывания Б. В. Томашевского видно, что познание истории текста причислено к текстологии, а определение смысла текста он относил к литературоведению. При таком понимании, естественно, ни о какой самостоятельности текстологии по отношению к литературоведению говорить невозможно. Текстология остается на положении прикладной дисциплины литературоведения, которая познает основной текст произведения, не вдаваясь в его смысл, кодифицирует и комментирует тексты, т. е. является как бы передаточным звеном между другими дисциплинами и литературоведением.

Едва ли не единственным более или менее серьезным аргументом для отрицания равенства понятий «история текста» и «текстология» служит вывод о том, что текст зачастую определяется не на основе его истории вследствие утраты материалов⁴⁹. То обстоятельство, что в ряде случаев мало сведений по истории текста, не означает, что текст познается вне его истории. Утверждение о фиксации текста вне его истории по существу исходит из максимума сведений по истории текста. Минимальные сведения все-таки имеются: например, место и время написания текста. Они могут быть не совсем точны, фиксированы приблизительно, но это все-таки элементы истории текста. Во многих случаях удается установить автора, а если он известен, тем лучше. Это тоже один из элементов истории текста.

Постановка перед текстологией задачи выявления основного текста и отождествления ее с «историей текста» требует уточнения этого термина. Из многих приведенных выше высказываний вытекает, что история текста понималась в смысле установления изменений в тексте. А если текст представлен в единственном списке или оригинале, то будто бы в этом случае изучение истории текста исключено. Нам думается, что так понимать термин «история текста» не следовало бы. Даже если текст единственный и нет никаких черновиков, то его датировка, определение автора и места написания уже свидетельствуют об изучении истории текста. Поэтому указанное понятие целесообразно определить так: история текста — это установление его подлинности и содержания, отдельных его изменений,

⁴⁷ Томашевский Б. В. Писатель и книга, с. 31.

⁴⁸ Рейсер С. А. Палеография и текстология..., с. 87.

⁴⁹ Бухштаб Б. Я. О природе текстологии..., с. 125—126.

их времени, места и автора. Отнесение к истории текста проблемы установления содержания, т. е. смысла текста, может заложить основу для ограничения задач текстологии от смежных дисциплин. Разумеется, такое ограничение станет возможным при условии освобождения смежных дисциплин от задач текстологии.

При наличии единственного текста познание его истории может быть ограничено изучением содержания и подлинности, т. е. определением автора, времени, места, которое способно ответить на вопросы: тот ли это текст, за который он себя выдает и за который его принимают, каково его содержание? Частично в решении таких задач помогают и смежные отрасли, например лингвистика⁵⁰, палеография и историческая критика, исследующие формы письма и достоверность. «Изучение подлинности обычно требует и изучения достоверности,— пишут С. М. Каштанов и А. Л. Литвин,— ибо подлинность не всегда возможно определить исключительно по внешним признакам источника. К тому же многие источники сохранились лишь в копиях, а критика внешних признаков копий, естественно, не дает ответа на вопрос о подлинности оригинала. В этих случаях критика достоверности источника является одновременно основным способом решения проблемы подлинности»⁵¹.

Приведенный вывод необходимо дополнить. Показания текста могут быть достоверными, но сам текст может быть и неподлинным, т. е. не принадлежать тому автору, к которому его относят.

Нет ли противоречия в том, что, с одной стороны, выставляется требование освобождения смежных дисциплин от задач текстологии как условие ее самостоятельного развития, а с другой — одна из задач текстологии — установление подлинности текста может решаться смежными отраслями? Противоречия здесь нет, так как определение подлинности текстов, хотя и решается, помимо текстологии, рядом смежных отраслей, в их проблематику не входит, как не входит, например, в предмет палеографии определение масштабов деятельности переписчика текстов или установление полезности и вредности этого вида работы. Использование смежных дисциплин в определении подлинности памятника не служит помехой для их ограничения друг от друга, поскольку эта проблема включается в предмет текстологии, а для них она — одна из возможных прикладных задач.

Объединение текстологии в единую науку, выведение ее на путь самостоятельного развития по отношению к другим частям литературоведения, различным отраслям истории и источниковедения, юриспруденции и т. п. требуют строгого ограничения ее предмета и включения в него познания содержательности текста. Такое ограничение не ущемит интересов отраслей, которые используют текстологию для решения предварительных задач, если разграничи-

⁵⁰ Батов В. И., Сорокин Ю. А. Атрибуция текста на основе объективных характеристик.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1975, т. 34, № 1, с. 76—78.

⁵¹ Каштанов С. М., Литвин А. Л. К проблеме достоверности исторических источников.— В кн.: Из истории Татарии. Казань, 1965, с. 298.

вать само понятие «смысл текста». И здесь мы сталкиваемся с вопросом об интерпретации, о ее месте в текстологии и других отраслях. В рассмотренных материалах не совсем ясно определено место интерпретации текста. В этом вопросе наблюдается большой разнобой. И далеко не все еще выяснено. Существует тенденция выделить «интерпретацию как особый процесс работы над источниками» в самостоятельный отдел источниковедения⁵². Такое выделение имеет соответствующие аналогии. Интерпретация издавна выносилась за пределы текста или текстологии⁵³.

«Рядом с критикой текста стоит филологическая интерпретация, открывающая путь к совершенно точному и ясному пониманию литературного памятника, перебрасывающая, так сказать, мост между авторами и читателями разных времен, народностей и языков»⁵⁴, — говорилось в одной из работ на рубеже нашего века. Из этого определения видно, что филологическая интерпретация не расчленялась на составные части. Она объясняла и отдельные слова, и тексты в целом. В таком же плане А. С. Лаппо-Данилевский выделял интерпретацию исторических источников в особый процесс, отметив, что «учение об исторической интерпретации долго не получало достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения»⁵⁵. Если перевести это высказывание на современный язык, то можно сказать, что интерпретация входила в историческую науку и историческую критику, включая текстологию. В определении Лаппо-Данилевского «интерпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника»⁵⁶. В этой связи не исключен вопрос: интерпретация — это только понимание или понимание и толкование? Если наше понимание не доводить до сведения других людей, а оставить при себе, то интерпретация равна пониманию, если понимание становится известным читателю или слушателю, то интерпретация есть понимание и истолкование.

В определении слова «понимание» существуют различные оттенки⁵⁷. С их учетом «пониманием» можно считать определение смысла, содержания, принципов взаимосвязи какого-либо текста, действия, явления, объекта.

Понимание может быть не адекватно тексту при отсутствии данных об авторе, о времени возникновения текста и других опорных

⁵² См., например, выступление Л. В. Черепнина (Исторический архив, 1962, № 4, с. 190).

⁵³ Бласс Ф. Герменевтика и критика. Одесса, 1891.

⁵⁴ Розанов М. Указ. соч., с. 168.

⁵⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913, вып. 2, с. 406.

⁵⁶ Там же, с. 408.

⁵⁷ Так, слово «понимание» определяется как «способность постигать, понять, уразуметь что-либо» (Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1960, т. 10, с. 1239). В данном случае познаваемое слово определяется через само себя в смысле возможного действия. С другой стороны, подмечено, что «понимание существует и как процесс, и как его переживаемый итог» (Брудный А. А. Понимание как философско-психологическая проблема.— Вопр. философии, 1975, № 10, с. 110).

вех его истории. При наличии таких опорных точек понимание может приближаться к замыслу автора.

Из контекста «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского видно, что «общезначимое научное понимание» он отождествлял с «правильным пониманием», которое, по его словам, «дается не сразу: оно достигается путем его (источника.— В. Ф.) истолкования»⁵⁸. Стало быть, истолкование — интерпретация источников в представлении Лаппо-Данилевского — субъективный процесс, который может постепенно привести к общезначимому, правильному пониманию предмета или источника по мере накопления опор для него в исследовательской практике.

Лаппо-Данилевский не переоценивал правильность субъективной интерпретации источников, заметив, что она «не может претендовать на абсолютную точность всех своих заключений... интерпретация источника дает лишь более или менее приблизительное его понимание, да и степень такой приближенности далеко не всегда можно установить с надлежащей точностью»⁵⁹. В рассуждениях об интерпретации источников Лаппо-Данилевского объединяются вместе все ее виды и формы. Например, он затрагивает случаи «восстановления статуи Лаокоона», «исправления текста какой-либо из трагедий Эсхила», включает в интерпретацию «поделку из камня», надпись на камне, монументы, оды, памфлеты, сатиры, летописи, монеты, мифы и т. д. Понимание текста письменного памятника — одна из составных частей проблемы интерпретации источников как самостоятельной операции.

Лаппо-Данилевский различал эволюционные и систематические виды интерпретации источников. Суть их заключается в расположении изучаемых материалов в исторической последовательности и систематически, т. е. проблемно, на данный момент фиксации текста в целях лучшего осмыслиения его содержания.

Теперь науки значительно дифференцировались. Каждая из них ведает пониманием-толкованием, интерпретацией источников в своей области. Известно и то, что изучение вопросов понимания включается в психологию, в семиотику, семасиологию и другие дисциплины. В какой степени интерпретация — понимание источников присутствует в предмете текстологии? Ответ на этот вопрос в общей форме хотя и дан, но может быть понят неоднозначно. «Текст надо прочитать, если этого нет, то нет и никакой работы текстолога»⁶⁰, — говорил югославский академик Р. Лалич на международном текстологическом совещании в Ленинграде в 1971 г.

В силу отождествления рядом специалистов прочтения текста с палеографическими задачами не ясно, что означает выражение «прочитать текст текстологически». Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из определения предмета текстологии. Прочитать текст текстологически — это значит понять его. Учитывая, однако,

⁵⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 407.

⁵⁹ Там же, с. 409.

⁶⁰ Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т. 31, вып. 1, с. 92.

что «терминологически единого употребления слова „понимание“ не существует и поныне»⁶¹, под ним мы будем подразумевать некоторый уровень раскрытия содержания текста. Становится необходимым определить уровень понимания, который составляет предмет текстологии.

Текстолог, изучая историю текста, раскрывает место, время, автора, определяет, что сказал автор, что он хотел сказать, почему он именно так выразился, что в тексте составляет проявление собственной личности автора и что является позднейшим наслоением. Интерпретация — понимание текста — позволяет выявить преднамеренные извращения в объяснениях фактов и непреднамеренные ошибки автора: думал одно, сказал другое, допустил описку и т. д.

В свете объяснения текстологической интерпретации как проблемы понимания содержания текста, возникает вопрос о целесообразности отнесения к ней умышленных умолчаний. «Надо научиться читать между строк любого документа»⁶², — писал А. В. Шестаков. Такое чтение относят к проблеме понимания текста, поскольку «понимание текста может быть одновременно и пониманием того, что в тексте непосредственно не дано»⁶³. Выяснение умолчаний в тексте смыкается с проблемой установления фактов по их отношению друг к другу. Линии ограничения их еще не определены.

Перед исследовательской операцией понимания — интерпретации текста ставится задача восстановления текста памятника в случае его частичной или полной утраты, при наличии искажений в передаче.

Те исследователи, которые выделяют интерпретацию источников в особую категорию источниковедения, относят к ней определение целей и назначения памятника. «Истолкование (интерпретация) источника устанавливает его назначение (смысл, тема, задачи и пр.), — писал Л. В. Черепнин, — в данном случае важно не только правильно прочитать текст, понять язык и терминологию документа, но и уяснить его идеальный замысел, раскрыть политическую тенденцию, практические цели»⁶⁴. Поскольку источники многообразны и не сводятся к текстам, то и выявление их назначения надо бы относить к тем отраслям, которые их изучают: истории искусств, технике и т. д. То же самое можно сказать и о терминах. Объяснением их смысла и назначения ведают те науки, в рамках которых они созданы. Просто слова объясняет семасиология. Что же касается идеального замысла текста, выяснения его назначения, то в плане изучения художественной литературы — это область литературоиздания. Выявление идеального замысла научных трудов — предмет историографии. Та же задача ставится и перед текстологией. «Необходимо выяснить цели автора — творца рукописи»⁶⁵, — писал

⁶¹ Брудный А. А. Указ. соч., с. 110.

⁶² Шестаков А. Методика исторического исследования. Воронеж, 1929, с. 19.

⁶³ Брудный А. А. Указ. соч., с. 116.

⁶⁴ Черепнин Л. В. Источниковедение. — БСЭ. 2-е изд., 1953, т. 19, с. 45.

⁶⁵ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспо-

Л. В. Черепнин, цитируя текстологическое исследование Д. С. Лихачева.

Сопоставление всех этих данных показывает, что на долю текстологии остается познание замысла, целей автора — творца рукописей не научного и не художественного характера. С другой стороны, текстология направляется, как показано выше, на изучение именно высокоценных произведений. Устранение такого противоречия может быть достигнуто в плане пересмотра предмета литературоведения и отнесения к нему задач познания более широкого круга памятников письменности при одновременном разграничении их с целями текстологии и других смежных отраслей.

В связи с отмеченными выше попытками выделить проблему интерпретации источников в особый процесс работы над ними в рамках источниковедения приведем ряд материалов из нашей историографии, которые свидетельствуют об объединении проблемы понимания текста с изучением его истории. Объединение интерпретации текста с изучением его истории в один предмет отражено в теоретических высказываниях советских историков разных периодов. Так, специалист по древней и всеобщей истории С. И. Ковалев стремился доказать своим слушателям еще в начале 20-х годов, что «мало понять памятник: нужно его датировать, определить эпоху, культуру, к которой он принадлежит. Все это операции толкования»⁶⁶. Установление истории памятника, времени его происхождения, обстоятельств и есть по существу его интерпретация — толкование. Таков смысл приведенного высказывания. Некоторое время спустя С. Бонди сделал подобный же вывод на основе литературоведческих материалов: «...речь в текстологии должна идти... о том, чтобы правильно и полно прочесть текст рукописи и при этом понять его, чтобы этим пониманием гарантировать себя от возможных ошибок чтения. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что, даже ставя себе задачу лишь прочесть текст рукописи, все-таки совершенно невозможно отойти от проблемы истории создания и я рукописи»⁶⁷. Учитывая подобные обстоятельства, А. Ц. Мерзон пересмотрел разделение исторической критики на внешнюю и внутреннюю. Он признал, что «kritika источника неразрывно связана с его интерпретацией (толкованием)», поэтому предложил объединить понятия «внешней» и «внутренней» критики источников⁶⁸, т. е. установление происхождения источников и их интерпретацию. Выступая на источниковедческом совещании в октябре 1961 г., С. И. Якубовская подтвердила назревшую мысль о том, что deline «источниковедческого анализа на внешнюю и внутреннюю кри-

могательных исторических дисциплин.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 55.

⁶⁶ Ковалев С. И. Лекции по всеобщей истории.— В кн.: Записки высшей политической школы им. Толмачева. Пг., 1923, с. 132.

⁶⁷ Бонди С. Указ. соч., с. 572.

⁶⁸ Мерзон А. Ц. Основные задачи критики исторических источников: Учеб. пособие Моск. гос. ист.-арх. ин-та. М., 1958, с. 13—14, 17 и др. Ротапринт.

тику устарело». Даже буржуазные ученые стараются его преодолеть⁶⁹.

Понятия и термины «внешняя» и «внутренняя» критика действительно устарели, так как развитие и формирование предметов дисциплин по изучению памятников письма происходят вне рамок такого деления. Оно значительно дробнее. Если, например, палеография изучает формы графики письма, то нет необходимости дублировать такое изучение еще и внешней критикой. Поскольку предмет текстологии охватывает проблему понимания текстов, то отпадает потребность во внутренней критике, занятой той же задачей, называемой интерпретацией текстов, и т. д.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что проблема интерпретации текстов объединялась с установлением времени, места, автора текста, так как понять — значит выяснить «происхождение и развитие явления»⁷⁰. Поскольку эти моменты истории текста изучает текстология, то и отнесение проблемы интерпретации текстов к ее предмету в рамках указанных выше границ совершенно естественно⁷¹.

В тех отраслях, в которых используется интерпретация текстов, развиваются и принципы раскрытия их смысла и содержания. Например, совершенствование принципов интерпретации текстов имеет большое значение в информационной науке⁷², хотя это не означает, что такая проблема относится к ее предмету. В данном случае текстологи работают на службе информатики. Бесспорна пока мысль, что в силу разработки проблем понимания — интерпретации многими отраслями (интерпретация букв, знаков, слов, текстов, фактов и т. д.) и обобщения этого процесса в логике и психологии — особая отрасль под названием „интерпретация источников“ является вмешательством в прерогативу существующих наук. Пока мысль о такой отрасли не обоснована.

---

⁶⁹ Обсуждение проблем советского источниковедения.— Вопр. архивоведения, 1961, № 4, с. 65. Искусственное разделение критики источников на внешнюю, или низшую, форму и внутреннюю, или высшую, ее форму Якубовская относила к отличительным чертам буржуазного источниковедения (*Якубовская С. И.* Некоторые итоги развития теории источниковедения в советский период.— В кн.: Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962, с. 191). Надо заметить, что в нашей современной литературе некоторые исследователи продолжают придерживаться этих понятий, несмотря на их критику Якубовской.

⁷⁰ Доблаев Л. П. Проблема понимания в советской психологии. Саратов, 1967, с. 9.

⁷¹ В источниковедческой литературе имело место не совсем точное изложение этой линии. Так, Л. В. Черепнин, обосновавший интерпретацию источников в основной процесс, писал: «...интерпретацию источников он (Фарсобин.— В. Ф.) передает текстологию» (*Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с. 40). На самом деле никакой передачи не происходит, поскольку установление и понимание текста — единый процесс. Речь идет не об источниках в полном объеме этого понятия, а лишь о текстах, изучаемых текстологией.

⁷² Подробнее см.: *Назаретян А. П.* К информационному анализу понимания текста.— НТИ. Сер. 2, 1977, № 2, с. 1—8.

Обоснение интерпретации источников в современной зарубежной науке вылилось в попытку создать особую отрасль знаний под названием «герменевтика»⁷³. Герменевтика претендует «на решение кардинальных проблем философии как науки, и прежде всего проблемы мышления и его отношения к „подлинному бытию“»⁷⁴.

Философская герменевтика стремится подчинить себе и интерпретацию текстов. Теоретики идеалистической герменевтики «отстаивают крайне релятивистское положение о множественности истин, о зависимости содержания текста от индивидуального восприятия». Согласно этой теории «любой текст и произведение — не более чем лист чистой бумаги, смысл и значение которому придает интерпретатор», а не автор текста⁷⁵. Советские исследователи видят основу различного подхода к объяснению текстов не в наличии многих истин, а в присутствии или отсутствии фактов истории изучаемых текстов, которые позволяют объяснять содержание⁷⁶.

В предмет герменевтики включают все виды объяснений: интерпретацию текстов, исторических фактов и т. д. Таким образом, создается сверхнаука, которая в то же время не является и метатеорией отдельных дисциплин, так как перед ней ставится задача объяснения конкретных текстов и фактов. Постановка подобной задачи дублирует предмет истории и источниковедения⁷⁷. Дифференциация источниковедения позволяет обосновать возражение: герменевтика не нужна, поскольку существуют уже другие науки, занимающиеся объяснениями, каждая в своей области — текстология объясняет тексты, дипломатика объясняет формуляры, палеография — графические формы письма, историческая критика — установление фактов и т. д. Расчленение источниковедения на составные части исключает саму возможность герменевтики, так как в этом случае каждый вид объяснения соотносится с определенной отраслью.

Развитие целого ряда дисциплин, по-видимому, приведет к еще большей дифференциации интерпретации текстов. Так, не исключено, что проблема замысла, идейная сторона его реализации могут быть выделены в особую задачу. Познание ее возможно отнести к литературоведению. Объяснение же установления точного текста целесообразно сохранить за текстологией. Новая научная дисциплина лингвистика текста заберет в свой предмет часть проблемы интерпретации текстов, связанную с изучением структурных ча-

⁷³ Брайович С. М. Герменевтика: ее метод и претензии: (Критический очерк).— В кн.: Науч. докл. высш. школы. Философ. науки, 1976, № 6, с. 90—101.

⁷⁴ Ильинков Э. В. Гегель и герменевтика.— Вопр. философии, 1974, № 8, с. 66.

⁷⁵ Брайович С. М. Указ. соч., с. 90—101.

⁷⁶ Разработана группировка текстов на три вида в зависимости от трудностей их объяснения: 1) тексты, в которых не обозначены факты истории изучаемых текстов, ограничивающие возможность варьировать их понимание; 2) тексты, которые могут быть поняты однозначно; 3) художественные произведения, допускающие многовариантное понимание текста в определенных пределах (Брудный А. А. Указ. соч., с. 114—116).

⁷⁷ М. А. Барг, критикуя труды зарубежных теоретиков истории, подметил, что историческое познание в них сведено «к интуиции, переживаниям, впечатлениям познающего субъекта, к герменевтике» (Барг М. А. Исторический факт: структура, форма, содержание.— История СССР, 1976, № 6, с. 50).

стей текста. А на долю историко-критического толкования останется «соотнесение сведений с событиями»⁷⁸, т. е. объяснение установления достоверных фактов.

В связи с проблемой интерпретации текстов возникает вопрос о границах текстологии. «Вопреки укоренившимся представлениям, — писал Д. С. Лихачев, — текстология — очень широкая наука, охватывающая проблемы самого разнообразного диапазона, от специально технических до связанных с общими воззрениями на судьбы человечества и смысл мировой истории»⁷⁹. Основанием для такого утверждения послужило то обстоятельство, что в ряде случаев истолкование текста не может быть осуществлено без раскрытия мировоззренческих проблем и изучения исторического процесса в целом. И это действительно так. Р. Коллингвуд подметил: «...для того чтобы познать любую вещь, мы должны познать ее контекст, а это предполагает познание всей вселенной»⁸⁰. Эту мысль можно найти и у других авторов. Она свидетельствует о том, что познание контекста помогает наукам выполнить их задачи. Такое познание позволяет текстологии решить ее строго ограниченные задачи объяснения времени, места, авторства и содержания текста. Предмет текстологии, как и любой другой науки, не определяется потребностями в данных различных отраслей, а обусловливается кругом проблем, которые разрабатывает эта дисциплина.

Круг этот зачастую расширялся неоправданными включениями в предмет текстологии задач других наук⁸¹. Основной мотив таких включений — деление дисциплин по объектам изучения. При этом понятие «объект изучения» не всегда ограничивается от понятия «предмет изучения». Когда говорят, что у науки «практически нет границ, потому что неисчерпаем ее объект», то неисчерпаемость понимается как «непрерывное наступление на область неизвестного, превращение неизвестного в известное»⁸². Рост числа текстов и необходимость изучения их истории служат основанием неисчерпаемости объекта текстологии. Если так понимать неисчерпаемость объекта текстологии, то это понятие вовсе не исключает ограничения ее предмета. Он состоит именно в проблематике истории текстов. Но термин «объект изучения» понимается не только как совокупность историй различных текстов, но и как сами тексты.

⁷⁸ Некоторые исследователи специальных исторических дисциплин относят эту проблему к историческому толкованию, но это неверно, так как историческое толкование имеет свои задачи — объяснение самих фактов — событий, а не информации о них.

⁷⁹ Лихачев Л. С. Н. И. Конрад как руководитель серии «Литературные памятники». — В кн.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 226.

⁸⁰ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980, с. 285.

⁸¹ Так, Л. П. Жуковская пишет: «Под типологическим изучением понимаем такую часть текстологического исследования, которая охватывает лишь элементы с т р у к т у р ы изучаемых списков одного и того же по происхождению памятника» (Жуковская Л. П. Текстология и языки древнейших славянских памятников. М., 1976, с. 19). Если оставить изучение формуляра текстов за дипломатикой, то познание структуры — ее исследовательская область.

⁸² Ионов В. К вопросу о предмете научного коммунизма. — Коммунист, 1979, № 16, с. 48.

Деление дисциплин по задачам изучения, наоборот, способствует формированию текстологии как самостоятельной науки со своими специфическими целями, теорией и практикой.

Такое деление не исключает некоторых трудностей, которые предстоит решить, в частности в вопросе размежевания текстологической и литературоведческой интерпретации текстов. Однако они могут быть преодолены в ходе дальнейшего развития этих отраслей. Предложенное выше размежевание не претендует на окончательное решение, но оно опирается на опыт разработки понятий в нашей литературе.

В заключение — о соотношении текстологии и источниковедения. Теперь уже признано, что «текстология отличается от источниковедения не объектом изучения, а объектом своих функций. Текстологические приемы исследования могут рассматриваться как часть общей методики источниковедения»⁸³. Из этого следует, что текстология — часть источниковедения, изучающая историю текста данного произведения, объяснение его содержания, способов установления. Другие части источниковедения изучают иные проблемы.

Текстология как часть источниковедения, изучающая тексты всех исторических эпох независимо от их характера и художественной ценности, создает предпосылку для упорядочения понятий и терминологии других частей источниковедения путем изъятия из них текстологических проблем. Это в первую очередь относится к исторической критике.

---

⁸³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатии, с. 14.

ГЛАВА VII

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА И ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕЕ ПРЕДМЕТЕ

Историческая критика изучает вопросы достоверности свидетельств о фактах исторической действительности. Обобщений в этой отрасли в XVIII—XIX вв. было немного. «Русская историческая литература весьма бедна сочинениями по исторической критике»¹, — отмечал Н. И. Кареев. Имевшиеся к тому времени работы были распылены отдельными статьями в различных изданиях². И вовсе не случайно выпускались переводные книги и извлечения из трудов зарубежных авторов³. В начале нашего века литература обогатилась несколькими отечественными сочинениями⁴. Среди них описание А. С. Лаппо-Данилевского в его двухтомной монографии по методологии истории — самое существенное достижение дореволюционной науки в области раскрытия понятий исторической критики.

После окончания гражданской войны усилиями работников Истпарта и представителей историков старшего поколения обобщения и историографические изыскания в области исторической критики были направлены на выявление ее истоков, популяризацию приемов, их распространение на документы нового времени и различные виды памятников письма⁵.

Наибольшее число работ по теории исторической критики было издано в последние десятилетия в виде учебных пособий⁶ и статей.

¹ Кареев Н. И. Критика историческая.— В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1895, т. 32, с. 759.

² См., например: Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности.— Библиотека для чтения. СПб., 1837, т. 20; Фортинский Ф. Опыты систематической обработки исторической критики.—Унив. изв., Киев, 1884, № 8; Лятошинский Н. Август Людвиг Шлецер и его историческая критика.— Там же; Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. 1, кн. 1 и т. д.

³ Вольф Ф. А. Очерки науки древности. СПб., 1877; Тардиф А. Основы исторической критики. Воронеж, 1893; Фриман Э. Методы изучения истории. М., 1893; Ланглуа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1889; Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908; Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. М., 1911; Метод в науках: Сб. ст. СПб., 1911, и др.

⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2; Кареев Н. И. Теория исторического знания. СПб., 1913; Он же. Историка. Пг., 1916; Веретенников В. Несколько слов об исторической критике.— В кн.: Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914.

⁵ Например, в работах Н. Н. Авдеева, В. П. Бузескула, С. И. Ковалева, С. Н. Быковского и др.

⁶ Мерzon А. Ц. Основные задачи критики исторических источников. М., 1958. Ротапринт; Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961; Он же. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968, и др.

Проведен ряд дискуссий, конференций, симпозиумов, на которых обсуждались проблемы исторической критики⁷.

Едва ли не самой важной идеей в разработке исторической критики является мысль о нетождественности понятий «историческая наука» и «историческая критика»⁸. И в настоящее время перед исторической критикой ставится задача: «...извлечь истину из собранных документов»⁹. Но в состоянии ли она извлечь истину, кроме установки факта, ее ли это цель?

Нередки утверждения и в нашей литературе, будто бы историческая критика является «важнейшим методом исторической науки»¹⁰. «Главная проблема, стоящая перед историком,— проблема достоверности»¹¹.

Можно встретить утверждение и о том, что «среди тестов исторической критики нет и в помине объективного критерия истины»¹². Таким образом, у одних авторов историческая критика извлекает истину, у других — она лишена критерия истины. Следовательно, существуют разные определения задач исторической критики. Выявление спорных вопросов может быть шагом в направлении уточнения ее понятий. Попытаемся раскрыть накопившиеся противоречия в определении ее истоков, содержания, границ, отношений со смежными отраслями, в терминологии.

Обращение к опыту прошлых поколений исследователей поможет обосновать некоторые спорные моменты, представить их в наглядном виде для последующей проработки. Истоки складывания критического изучения памятников русской истории разными учеными определялись по-разному. Например, утверждалось, что «Шлецер — отец русской исторической критики»¹³. Это мнение переходило из одной исторической работы в другую. Однако оно основано на подмене понятием «критика текста» (текстология) принципов исторической критики по установлению фактов, достоверности свидетельств. Поскольку «критика текста» входила в состав исторической критики, то это и создавало предпосылку для поиска истоков исторической критики в разработке текстологических проблем. Если выделять текстологические проблемы в самостоятельную отрасль, то, находя в ней истоки исторической критики, надо искать специфические черты установления фактов, выходящих за пределы текста. С этой точки зрения первым критиком исторических материалов по истории России был В. Н. Татищев в том смысле, что он из-

⁷ Подробную библиографию см. в сборниках «Источниковедение истории советского общества».

⁸ Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный эмпиризм. М.; Л., 1933, с. 185.

⁹ Иванов Г. М. Рец.: П. Сальмон. История и критика. Брюссель, 1969.— Вопр. истории, 1971, № 10, с. 190.

¹⁰ Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 23.

¹¹ Медушевская О. М. Историк и источники.— Вопр. истории, 1972, № 4, с. 195.

¹² Барг М. А. О некоторых предпосылках формализации исторического исследования.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Казань, 1967, вып. 1, с. 23.

¹³ Ардашев Н. Н. Иван Егорович Забелин как теоретик археологии. М., 1909, с. 24.

ложил первые на Руси правила исторической критики. Наука критики в понимании Татищева состояла из правил, обобщенных в XIX в. историком И. В. Лашнюковым: «...не принимать басни за истину, уметь отличать материалы годные от негодных и особенно не питать излишнего доверия даже к лучшему древнему писателю»¹⁴. Некоторые из правил имели довольно точные критерии. Например, познание условий эпохи для определения возможности и вероятности того или иного факта¹⁵ имеет особое значение при изучении источников древних эпох¹⁶. В числе примет установления достоверности Татищев называл выяснение следующих вопросов: является ли автор источника участником в описанных им дела; если автор источника не был участником, то по крайней мере жил ли во время описываемых событий; не сочинил ли он свое известие на основе подлинных записок из архивов, договоров, уставов и показаний сведущих людей; не собрал ли он известия много лет спустя от разных своих и иностранных народов, участвовавших в деле, а также из их историй; кто был автор источника — представитель своего отечества или иностранец. На установление авторства Татищев обращал особое внимание, так как человек, «не побежденный страстью самолюбия и самохвальства», о своем отечестве «более способа имеет правую написать, нежели иноземец», для которого язык зачастую является большим препятствием. Из-за недостаточного его знания или из-за трудности перевода, указывал он, могут быть допущены ошибки в географических названиях, именах и т. д. Приметы Татищева — это первое весьма важное приближение исторической критики к установлению достоверности. Естественно, они не охватывали всех возможных случаев такого рода работы. Любопытно, что Татищев был свободен в разделении критических исследовательских операций и не ограничивал их каким-либо жестким числом. Он отмечал основное при установлении достоверности: «...верность сказания за главное почтесься может, оное же на многие степени разделяется»¹⁷.

Через некоторое время историческую критику стали классифицировать более жестко, что особенно заметно в высказываниях А. Л. Шлецера, который свел число ее операций до трех. Первая исследовательская операция называлась им малой критикой или критикой слов. Малая критика, по мнению Шлецера, должна установить

¹⁴ Лашнюков И. В. Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев, 1870—1874, вып. 12, с. 72.

¹⁵ Татищев В. Н. История Российской. М.; Л., 1962, т. 1, с. 83.

¹⁶ Ср. указанное правило с современным его отражением. «Чем определяется степень нашего доверия к известию источника — ценностью источника в целом или вероятностью данного известия?» — спрашивает Я. С. Лурье и замечает: «Вопрос этот занимал русских историков уже в первой половине XIX в.» (Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия. — В кн.: Культура древней Руси. М., 1966, с. 121). Степень доверия к известию источника определяется, по Татищеву, познанием условий эпохи, личности автора и его места в счерпании описанного факта. Следовательно, этот вопрос был уже поставлен в XVIII в.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российской, т. 1, с. 83.

подлинный текст, т. е. указать, что действительно написано автором и что привнесено извне по невежеству переписчика, нерадению или высокому лицу, причастных к истории текста. Вторая операция состоит в исследовании значения слов и выражений и в разъяснении, что разумел автор, употребляя те или иные «слова и речения». Эту операцию Шлецер назвал грамматическим и историческим толкованием. Третья операция отвечала на вопросы: правильно ли мысль автора источника, насколько достоверно событие, о котором он говорит, является ли оно историческим событием или сказкой. Эта операция названа высшей критикой или критикой дел. В отличие от Татищева Шлецер главное внимание уделял изучению текста, а не показаний о фактах. В разработке примет установления достоверности показаний источников Шлецер не продвинулся вперед. Главным принципом он считал установление осведомленности автора. «Тогда только я в чем кому поверю,— писал Шлецер,— когда пойму, что он, рассказываемое им, мог знать»¹⁸. Как видно из приведенных выше положений Татищева, для времени Шлецера это правило не являлось новым. У Татищева оно разработано более детально. Следовательно, с полным основанием можно относить зарождение исторической критики в России к трудам Татищева, а не Шлецера.

Разбивка операций по изучению текста у Шлецера нестабильна: в одном месте он говорит о трех операциях, а в другом — о двух¹⁹. Это привело к тому, что Шлецера стали различно читать и понимать²⁰. В целом же утвердилось деление исторической критики на два рода, хотя их содержание не было однотипно и назывались они по-разному. Так, М. Т. Каченовский различал словесную, или мелкую, критику и высокую — историческую. Словесная критика — это изучение текста: сличение многих списков, исправление погрешностей, «вкравшихся от нерадения или по невежеству переписчиков». Собственно историческая критика, по Каченовскому, исследовала достоверность написанного в источнике. «Исправивши текст, добравшись до подлинных слов летописателя, надобно исследовать, о чем он повествует, как современный свидетель, и о чем по устному преданию, где пишет, руководствуясь одним здравым разумом, и где управляемся духом и предрассудками своего времён, из каких ис-

¹⁸ Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи. СПб., 1809, т. 1, с. 395—398.

¹⁹ Ср.: Шлецер А. Л. Указ. соч., с. XVIII и 395—398.

²⁰ Один из биографов А. Л. Шлецера установил в его положениях три рода исторической критики. См.: Лятошинский Н. Указ. соч., с. 41; В. С. Иконников же писал, что Шлецер разделял историческую критику на два рода: «на низшую, или критику слов, и высшую, или критику событий» (Иконников В. С. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 10). Нестабильность разделения исторической критики Шлецером можно объяснить. Занимаясь в основном изучением текста летописей, он разделял именно это изучение на два рода: установление подлинности летописей и смысла слов. Оба эти рода составляли критику текста. По отношению к ней критика показаний — новая операция. В. С. Иконников же объединил в низшой критике два понятия: установление подлинности текста и смысла слов. Таким образом, в последующей литературе и получилось то две, то три операции.

точников почерпнул свои известия, и достойны ли они вероятия. До ныне у нас мало о том заботились»²¹.

Общим моментом в объяснении понятия высшей, или высокой, критики у Каченовского с его предшественниками и последователями было то, что установление достоверности производилось на основе критики свидетельств: можно им доверять или нет. Однако доверие — это не объективный показатель.

Младший современник Каченовского Н. И. Надеждин предложил новую структуру критики. Он утверждал, что «критика низшая и высшая, в тех пределах, в которых заключают ее ныне, совсем недостаточна для произведения полного убеждения, для достижения несомненной исторической достоверности»²², так как является по существу критикой свидетельств, но не фактов, содержащихся в них. Поэтому Надеждин объединил низшую, или малую, критику с критикой высшей, или высокой, в один раздел под названием «формальная критика». Второй раздел у него составила критика реальная, критика фактов. Реальная критика, по Надеждину, опиралась на четыре исходные предпосылки, или принципа: изучение общей природы человека вообще, познание отличительных особенностей характера данного народа (язык, нравы, обычаи), выявление времени или последовательного развития жизни в каждом народе, установление влияний на жизнь народа внешних сношений с другими народами.

Главным в реальной критике, по мысли Надеждина, должно быть установление внутренних условий достоверности фактов, которые гораздо важнее и выше и часто не зависят от достоверности свидетельств. Эти внутренние условия составляют историческую возможность факта. «Никакой древний манускрипт, никакой известный авторитет, выдержавший всю пытку обыкновенной критики,— заключал Н. И. Надеждин,— не убедит меня в подлинности факта»²³, если он представляет решительное противоречие с законами исторического развития жизни.

Разделение критики на «формальную» и «реальную» раскрывало недостаточность предшествующих обобщений. Не отрицая более ранних достижений, такое разделение закрепляло в правилах или тестах исторической критики то, что было за их пределами или частично содержалось в высказываниях, не учтенных в теоретических обобщениях²⁴. Такое деление как бы прогнозировало образование

²¹ Каченовский М. Т. Параллельные места в русских летописях.— Вестник Европы, 1809, № 18, с. 134.

²² Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности.— Библиотека для чтения, СПб., 1837, т. 20, разд. III, с. 148.

²³ Там же, с. 154.

²⁴ Так, еще в XVIII в. критерии установления достоверности видели не в том, чтобы «единым повествованиям писателей верить, но прилежно рассматривать обстоятельства и возможность деяний и чинить разбор между разных повествований» (Болтин И. Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Шербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789, с. 36). Изучение обстоятельств и возможностей факта как предпосылки установления достоверности включено в структуру реальной критики.

самостоятельных дисциплин в будущем: на базе формальной критики — текстологии, на основе реальной критики — научной отрасли по установлению достоверных фактов, т. е. оно соответствовало намечавшемуся процессу дифференциации наук. Реальная критика не отвергала никаких памятников. Если предшественники Надеждина и скептики, главой которых был Каченовский, рассматривали басни, легенды, сказки и тому подобные категории памятников как недостоверные и отказывались использовать их в качестве исторических источников, то Надеждин считал, что «нет басни, которая бы не имела основанием истины»²⁶, и предлагал искать истину везде. «Прошедшее никогда не уничтожается, не исчезает совершенно бесследно,— писал Надеждин,— по закону перерождения, закону столько же общему для природы, как и для человечества, оно продолжается непрерывно в будущем, только с большим или меньшим изменением форм»²⁷. Поэтому всякий памятник он мыслил изучать «в непрерывном, непосредственном сличении с жизнью, действительной природою»²⁸ настоящего. Такие теоретические положения коренным образом отличались от распространенных в то время правил исторической критики. Правила эти исходили из противопоставления одного источника другому. Доверие историков к определенным категориям памятников было выражено в одном из правил исторической критики, согласно которому отдавалось «предпочтение публичным, официальным документам перед частными». Надеждин не отрицал ценности тех и других свидетельств, но признавал несомненную достоверность официального документа только «в отношении к времени свидетельствуемого события»²⁹. В части смысла и духа официальные документы, по его наблюдениям, часто представляют собой наглую ложь.

Сочетание реальной критики с формальной способно установить, по мысли Надеждина, достоверность факта или сделать шаг вперед в этом направлении. «Пусть же формальная критика не погнушиается надеть свои очки и высмотреть эти живые отголоски прошедшего вдоль и поперек, очистить их от всякой сторонней примеси, составить точный гороскоп их происхождения. Пусть потом реальная критика прикинет к ним свой масштаб и определит степень исторической возможности содержащихся в них событий»³⁰.

Основной принцип построения реальной критики заключался в использовании достижений различных научных отраслей: в области изучения природы человека, его психологии, познания отличительных особенностей данного народа, выявления различных ус-

²⁶ Надеждин Н. И. Критический взгляд на статью под заглавием: «Скандинавские саги», соч. Сергея Скромени.— Молва, 1834, № 13, с. 207.

²⁷ Надеждин Н. И. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским.— В кн.: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса, 1840, с. 34.

²⁸ Надеждин Н. И. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями.— Зап. Одес. о-ва истории и древностей, Одесса 1844, т. 1, с. 7.

²⁹ Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности, с. 146.

³⁰ Там же, с. 171.

ловий времени в развитии жизни, выявления внешних сношений народов и их влияний друг на друга. Значение этих исходных критериев невозможно отрицать, хотя перечень научных отраслей теперь значительно расширен и усложнен. Сам принцип же опоры реальной или исторической критики на различные достижения науки остается неизменным.

Весьма важной является мысль Надеждина о достижении исторической критикой положительного знания. Он отмечал, что историческая критика «поползновенна» к разрушению. Это «ей гораздо легче, тогда как произведение положительного убеждения, при настоящих средствах, почти невозможно. Однако это последнее должно быть целью и венцом критики»³⁰. Требование Надеждина о достижении положительного убеждения, его стремление превратить историческую критику из негативной в позитивную опережало время. На Западе и в России много лет спустя считали историческую критику разрушающей, но не созидающей³¹.

Говоря об отыскании крупинок истины в «обломках и лоскутках, разбитых вдребезги, рассеянных по лицу земли» остатках прошлой жизни, Н. И. Надеждин увидел в такого рода работе отдельную отрасль исторической науки. «Работа тяжелая и требующая железного терпения, глубокой внимательности и обширного соображения, она-то и называется исторической критикой, из которой новейшие ученые³² сделали особую маленькую науку: ее помещают обыкновенно в числе вспомогательных наук истории»³³.

Наследие Надеждина изучено недостаточно³⁴. Обстоятельный разбор источниковедческих его взглядов пока нет³⁵. Поэтому даль-

³⁰ Там же, с. 153.

³¹ Например, французский ученый Ш. Сеньобос утверждал, что критика не может ничего прибавить к общей массе доказательств. «Она может только урезать доказательства, критика дает только отрицательный результат» (*Сеньобос Ш.* Исторический метод в применении к социальным наукам. М., 1902, с. 25, 28). Ближе к Надеждину в оценке роли исторической критики был немецкий историк Штенцель. «По своей природе, — писал он, — критика больше разрушает, чем строит, но что она строит, строит прочно» (цит. по ст. *Бузескул В. П.* Из истории критического метода. — Изв. АН СССР. Сер. 6, 1926, т. 20, с. 1134).

³² По-видимому, имелись в виду Ф. Д. Шлейермахер и Ф. А. Аст.

³³ Надеждин Н. И. Об исторической истине и достоверности, с. 142.

³⁴ Сделан вывод, не опирающийся на данные науки, о том, что «Н. Надеждин не был выдающимся историком — его высказывания заслуживают внимания прежде всего потому, что они, очевидно, отражали не только его мнение, но более или менее распространенную в историографии того времени точку зрения» (*Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 121). Акад. И. И. Срезневский, работавший в молодости под руководством Надеждина, высоко ценил его заслуги в различных отраслях и предсказывал беспристрастное обсуждение трудов Надеждина, которое «решит вопрос не против него», так как «мощные силы в делах науки и литературы всегда были высоко ценимы и не оставались в забвении у потомства» (*Срезневский Н. И.* Воспоминания о Н. И. Надеждине. — Вест. имп. Рус. геогр. о-ва, 1856, ч. 16, отд. V, с. 15). Высоко ценил научные заслуги Надеждина Н. Г. Чернышевский. Много раз ставился вопрос об издании собрания сочинений Надеждина. И только в последнее время оказалось возможным издать первый сборник его трудов по эстетике и литературной критике. См.: *Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика.* М., 1972.

³⁵ В. С. Иконников, например, описал его работы, но не сравнил с сочинениями других авторов. Н. Л. Рубинштейн лишь бегло упомянул о заслугах Надежди-

нейшее изучение его трудов может быть реальным вкладом в дело развития исторической критики.

Многое из того, что в работах Надеждина было более или менее ясно изложено, в последующей литературе, в том числе и в современной, забыто или исказано. Так, развитие исторической критики как самостоятельной научной дисциплины осложнилось неоднозначным употреблением термина «источниковедение». Из предыдущего изложения видно, что эта отрасль отождествлялась с эвристикой, т. е. включала в свой предмет информацию об источниках, о способах их поиска и приведения в известность. Информация об источниках должна была быть критически проверенной. В результате этого проблемы исторической критики оказались подчиненными источниковедению.

Для характеристики представлений о теории исторической критики в русской дореволюционной литературе, о ее подчинении источниковедению имеют значение труды К. Н. Бестужева-Рюмина, который «считал важнейшую задачу изучение первоисточника и критику его показаний»³⁶. Он «изучает не столько «факты», сколько источники и их свидетельства о „фактах“»³⁷. Так воспринимали младшие современники К. Н. Бестужева-Рюмина основную направленность его исследовательской мысли, которая впоследствии вызвала замечания, что он отказался от постановки «больших исторических вопросов», а стремился «в самой педагогической работе направить историческое исследование в сторону источниковой тематики»³⁸. В педагогической практике он отражал не всегда то, что происходило в исследовательской работе.

Так, он разделял науки на два отдела — на науки и знания. В отдел наук относили естественные отрасли, филологию, философию и историю. В отдел знаний — археологию, понимаемую как совокупность вспомогательных дисциплин. В его представлении «так называемые вспомогательные науки истории суть части археологии»³⁹. Вот их перечень, как его скомпоновал сам автор: «...пaleография, дипломатика (часть ее *сфрагистика*), нумизматика, генальдика, хронология, древности искусств, древности быта (куда можно отнести техническую сторону древнего быта; познание ремесел, обстановки внешней и т. д.); может быть, сюда же следует от-

на в развитии исторической географии и этнографии. Не могут удовлетворить и «Очерки истории исторической науки в СССР», где источниковым взглядам Надеждина посвящена всего одна фраза: будто бы «в критике источников Надеждин исходил из принципов Нибура» (*Иконники* В. С. Указ. соч., т. 1, кн. 1, с. 20—25; *Рубинштейн* Н. Л. *Русская историография*. М. 1941, с. 144, 361, 362; *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1960, т. 2, с. 550). На самом деле немецкий историк Б. Г. Нибур положил начало развитию скептического направления в оценке фольклора, а Надеждин, искал достоверные сведения во всех источниках.

³⁶ Платонов С. Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин.— *Русский исторический журнал*, 1922, № 8, с. 228.

³⁷ Пресняков А. Е. К. Н. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины).— *Дела и дни*, Пг., 1922, № 3, с. 170.

³⁸ Рубинштейн Н. Л. *Русская историография*, с. 412.

³⁹ Бестужев-Рюмин К. Н. *Русская история*. СПб., 1872, т. 1, с. 14.

нести и библиографию и, пожалуй, даже древнюю географию»⁴⁰. Отличие науки от знания заключалось в том, что знания будто бы приобретаются практическим путем и употребляются для практических целей. Науки же имеют теорию. Из предыдущего изложения мы видели, что подобное разделение не отражало объективных тенденций превращения всех знаний в особые научные отрасли. К обладанию теорией, к объяснениям стремятся все знания.

В то же время он не переоценивал обобщения. Считал их полезными, поскольку «они более или менее удобная остановка для мысли, теряющейся в многообразии фактов»⁴¹. Но «не следует считать их на век нерушимыми»⁴². С этой точки зрения разделение наук и знаний является лишь попыткой охватить большой комплекс дисциплин. Это деление не обосновано. Оно заимствовано из немецкой литературы⁴³.

Историческая критика не выделялась К. Н. Бестужевым-Рюминым ни в особую науку, ни в знание. «Критическое изучение источников (Quellenqunde) требует многих и разнообразных сведений; чем обширнее круг сведений критика, чем менее он дает места личной фантазии, тем ценнее, тем прочнее его выводы»⁴⁴. Если принять во внимание, что термин «источниковедение» (Quellenqunde) употреблялся и для обозначения проблемы приведения в известность источников, то критическое изучение как бы пристегивалось к этой проблеме. Историческая критика сливалась и с общеисторическим исследованием, будучи способом достижения достоверности.

«Путь, которым определяется достоверность источника, называется *исторической критикой*. Способы, которыми историческая критика достигает своей цели, бывают различны: они зависят от рода источника, который изучается (одни приемы употребляются при изучении памятников вещественных, другие — при изучении памятников письменных, иные — при изучении памятников устных и т. д.); от того, занимает ли нас вопрос о внешней или внутренней достоверности источника»⁴⁵. Под внешней достоверностью источника Бестужев-Рюмин подразумевал «вопрос о том, точно ли данный источник именно то, за что его считают,— действительно ли перед нами оригинал или копия, действительно ли копия принадлежит такому или другому веку, подлинник ли мы имеем в руках или перевод, действительно ли такое-то знание построено в таком-то

⁴⁰ Там же, с. 14—15.

⁴¹ Там же, с. 5.

⁴² Там же.

⁴³ Об этом свидетельствует собственное признание К. Н. Бестужева-Рюмина: «Думаю, что по образцу немцев, часто называющих эти знания большей частью приобретенными практическим путем и употребляемые для практических целей, не Wissenschaften, а Doctrinen, следует называть их не науками, а знаниями» (Русская история, т. 1, с. 14). В таком понимании науки обосновываются с помощью мысли, а знания лишь формулируются посредством практики, хотя практика и мыслительные операции употребляются в любой отрасли во взаимной связи.

⁴⁴ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история, т. 1, с. 12.

⁴⁵ Там же, с. 10—11.

веке или было перестроено, а если было перестроено, то когда именно и в каких частях, действительно ли такое, или другое предание, поверие или песня может восходить к такой или другой эпохе народной жизни, и т. д.»⁴⁶. Перечисленные задачи — теперь предмет многих научных отраслей.

К понятию внутренней достоверности Бестужев-Рюмин относил вопросы: «...кто написал памятник, кто издал акт, какой личный характер издавшего, какое его положение общественное, в каких обстоятельствах он находился; например, бюллетени Наполеона I из похода в Россию — акт официальный, а они не достоверны потому, что по обстоятельствам он был должен, а по личному характеру способен скрывать истину»⁴⁷.

Таким образом, вопросы внешней и внутренней достоверности охватывали преимущественно критику текстов. Объективные критерии установления фактов историческая критика почти не сосредоточивала в своем предмете. Они оставались в собственно историческом исследовании, сближаемом Бестужевым-Рюминым с принципами естественнонаучных понятий. О таком сближении свидетельствует следующее высказывание: «Подобных правил, так сказать, свода законов не существует для критика исторического, ибо с расширением поля открытого для его соображений, требуются новые усилия, новые способы. А поле это расширяется постоянно внесением нового материала, новых находок и открытий (находка — дело случая, открытие — следствие соображений, подтверждение практикой теории...)»⁴⁸. Тенденция, подмеченная в цитированных словах, характерна для всех наук вообще. Всюду расширяется поле деятельности, практика, а вместе с ней умозрение получает все новые и новые точки опоры для различного рода объяснений. Цитированный отрывок любопытен в том отношении, что категория «соображений», умозрительности, в которой Бестужев-Рюмин отказывал «знаниям», или вспомогательным дисциплинам исторической науки, присутствует в понятии исторической критики. А поскольку «умозрительность», «соображения», «объяснения» он относил к собственно историческому исследованию, то и получалось, что историческая критика подменяла собой историческую науку, сливалась с ней.

Отсутствие отграничительных линий между различными разделами истории и исторической критики отразил В. О. Ключевский, когда утверждал: «...реставрация и интерпретация древнего текста и определение точки зрения автора, его житейских отношений и литературных тенденций, восстановление действительного вида и истолкование внутреннего смысла исторического факта и, наконец, выделение и подбор черт античного быта — вот три задачи, в разрешении которых историческая критика приобрела такой мастерский навык, работая над произведениями классической литературы»⁴⁹.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, с. 11.

⁴⁸ Там же, с. 12.

туры. Эти три задачи с соответствующими им приемами имеют общеобязательное значение в обработке всякого исторического материала, но они должны видоизменяться сообразно с особенностями последнего»⁴⁹. Свой отказ именовать историческую критику особой наукой В. О. Ключевский мотивировал именно тем, что она объединяет совокупность приемов. «Совокупность средств и приемов этого подготовительного изучения источников и составляет содержание *исторической критики*, — утверждал он.— Историческая критика — это собственно, не особая вспомогательная наука истории, а скорее общая методика предварительной обработки исторических источников...»⁵⁰ У Ключевского можно встретить и противоположное суждение. «Везде ли историческая критика, как вспомогательная наука (разрядка моя.— В. Ф.), должна быть одна и та же?» — спрашивал он и отвечал в положительном смысле. «Критика, направленная к восстановлению подлинного текста памятника, называется *филологической*, — писал Ключевский.— Критика, имеющая целью определить угол преломления действительности, степень уклона авторской мысли от действительности, может быть названа фактической. Таким образом, историческая критика — это или *критика текстов*, передающих исторические факты или *критика фактов*, воспроизведимых текстами»⁵¹. Эти выдержки взяты из курса лекций под названием «Источники русской истории», который не был подготовлен самим автором к опубликованию. Он был издан много лет спустя советскими историками. Издатели не могли вмешиваться в авторский текст. Вероятно, недостатками его редактирования и можно объяснить то обстоятельство, что историческая критика — то «вспомогательная наука», то «не особая вспомогательная наука истории». К тому же вводная лекция курса утеряна. Именно в ней рассмотрены задачи и виды исторической критики и ее взаимосвязи с другими отраслями. По сохранившимся наброскам лекций Ключевского можно судить о том, что историческая критика мыслилась им единой наукой, несмотря на ее русские, французские и тому подобные особенности. Историческая критика, по Ключевскому, включала в свой предмет памятники повествовательного характера. «Собственный предмет исторической критики — повествовательные памятники устного или записанного слова»⁵².

Ключевский, перечисляя вспомогательные науки истории, не включил в их состав историческую критику. Палеография, дипломатика, сфрагистика, хронология, нумизматика, геральдика, историческая география составляли, по его мнению, историческую критику. «Область исторической критики определяется кругом этих вспомогательных наук»⁵³.

⁴⁹ Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. 6, с. 477.

⁵⁰ Там же, с. 479.

⁵¹ Там же, с. 476, 477.

⁵² Там же, с. 479.

⁵³ Там же.

Наряду с такого рода высказываниями у Ключевского можно обнаружить попытки наметить собственные задачи исторической критики. Так, в его записной книжке за 1893 г. имеется следующая выписка: «Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали»⁵⁴. Отнесение такой проблемы к исторической критике свидетельствовало о стремлении Ключевского расширить проблематику за счет этой отрасли или научного метода выявления достоверных фактов информации из отношений между фактами. «Подслушать об умолчаниях» означает именно извлечение информации из отношений между известными фактами. Эта мысль не была развита Ключевским. Его представления об исторической критике носят отрывочный характер.

Основные положения исторической критики стремился развить А. С. Лаппо-Данилевский. Он рассматривал ее методом исторической работы. Методы в представлении Лаппо-Данилевского противопоставлялись технологии познания. Их отличительной чертой он считал то обстоятельство, что методы нуждаются «в систематическом рассмотрении», тогда как технология исторических разысканий, «на-против, вместо обоснования известных методологических принципов исследования, довольствуется простой формулировкой правил определенной исторической работы»⁵⁵. Различие между понятиями «метод» и «технология» соответствовало примерно понятиям «наука» и «знание», как они изложены выше. Наука обосновывается, а знание лишь формулируется на основе практики. Обоснование принципов исторической критики хотя и в форме метода — свидетельство стремления к ее преобразованию из простой технологии истории в развивающуюся отрасль науки. Однако эта мысль оказалась неясно изложенной.

Даже ближайшие ученики А. С. Лаппо-Данилевского продолжали считать историческую критику практикой истории⁵⁶. Систематизация Лаппо-Данилевским приемов анализа свидетельских показаний и способов установления подлинности источников имела характер знания на основе субъективных данных. Так, систематизированные Лаппо-Данилевским четырнадцать условий знания истины⁵⁷ свидетелем или автором источника, хотя могут и теперь

⁵⁴ Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 349. Теоретические высказывания Ключевского об исторической критике еще не изучены. Пока описан лишь его конкретно-источниковедческий опыт. См.: Чумаченко Э. Г. В. О. Ключевский-источниковед. М., 1970. Его общехistoricalным воззрениям посвящен ряд работ. Подробнее см.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.

⁵² Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.
Лаппо-Данилевский А. С. Пособие к лекциям по теоретической методологии, истории, читанным студентам Петербургского ун-та в 1906/7 уч. году. СПб. 1908, ч. 2, с. 5—6.

⁵⁰ См., например: Валк С. Н. Из «введения в историю». — Историк-марксист, 1927, № 5, с. 224.

87 1. Непосредственность восприятия факта; 2. Степень участия в совершении факта; 3. Интерес к фактам (теоретический или практический); 4. Место свидетеля по отношению к факту; 5. Полнота испытываемого свидетелем чувства от испытанного факта; 6. Внимательность свидетеля, его самообладание; 7.

оказать помощь при анализе мемуаров, список и других категорий исторических памятников повествовательного характера, не вывели историческую критику из состояния подсобного знания на объективный путь исследования.

Историческая критика оказалась построенной исключительно на субъективных принципах. А та часть ее, которая определяла научно-историческую ценность источника как факта или его подлинность, позднее была поглощена текстологией. Координация объективных и субъективных принципов установления достоверности передавалась собственно историческому исследованию под именем исторического построения, хотя она могла бы производиться в рамках самой исторической критики. Анализ понятий и описание исторической критики Лаппо-Данилевским — предмет исследования, который надлежит еще разрабатывать. Особенно нуждаются в сравнении его выводы с выводами других авторов. Так, при определении им исторической критики из ее предмета выпадала проблема установления фактов на основе выявления отношений между ними. В литературе XVIII—XIX вв. было уже известно, что «иногда критика принимает и еще высший полет, когда она, лишенная исторических свидетельств, должна судить единственно по внутренним, реальным основаниям и извлекать утраченное из связи сохранившегося»⁵⁸. Высший полет, торжество исторической критики или высшая конъектуральная критика — это все наименования одного и того же понятия — установления фактов по связи сохранившегося. Этот факт свидетельствует о том, что историческая критика понималась не только с точки зрения изучения свидетельских показаний. Лаппо-Данилевский не охватил всех проблем исторической критики. Надо заметить, что проблема установления фактов по связи сохранившегося как задача исторической критики иногда затушевывалась предшественниками Лаппо-Данилевского и его современниками. Об этом свидетельствуют, например, и такие высказывания. «Рассмотрение рассказчиков по сущности их личности и рассмотрение фактов по их временной и пространственной связи и причинному сцеплению — вот два занятия исторической критики, два обусловления всякого исторического знания»⁵⁹. Такой вывод немецкого историка не выделял высшей конъектуральной критики в проблематике исторической критики. Установление фактов «из связи сохранившегося» здесь скрыто.

Историческая критика переплеталась с проблематикой других

Наличие образованности и технической подготовки к восприятию факта; 8. Время свидетельствования о факте; 9. Настроение свидетеля в момент воспроизведения свидетельства о факте; 10. Помнит ли свидетель испытанное достаточно точно; 11. Отдает ли свидетель ясный отчет о том, «что именно он знает и чего именно он не знает, что он запомнил и чего не запомнил»; 12. Хочет ли свидетель сказать истину; 13. Действие других факторов, их влияние на воспроизведение рассказа о факте; 14. Стремится ли свидетель к познавательным или корыстным целям при рассказе об испытанном факте (См: *Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории*, вып. 2, с. 618—764).

⁵⁸ Вольф Ф. А. Указ. соч., с. 65.

⁵⁹ Зибель Г. О законах исторического знания. СПб., 1867, с. 18.

частей исторического исследования, не отграничевалась от них. Или даже она подменяла собой историческое исследование, что было подмечено уже в XIX в. «Между исследователями истории,— писал И. Г. Дройзен,— очень распространено мнение, что критика источников и документов и составляет историческую методу, но задачи нашей науки не ограничиваются только филологической работой»⁶⁰. В начале нашего века мысль о выделении предмета исторической критики из исторического исследования получила конкретную форму, но «высший полет» ее — установление фактов «из связи сохранившегося» — оказался затерянным в проблематике истории. «Критика источников,— обобщил Г. Моно,— ставит себе по поводу всех разбираемых ею документов два вопроса: вопрос о подлинности документов и вопрос об их авторитете»⁶¹. В другом месте он уточнял: «Работа исторической критики дает лишь массу документов, степень достоверности и надежности которых она пытается определить. Но она не указывает нам значения и ценности их относительного места в цепи причин и следствий. Эта новая работа классификации, группирования, координирования и синтеза составляет дело собственно истории, исторического построения»⁶². Перед историческим исследованием поставлена задача координирования информации, полученной в результате работы исторической критики. Однако восстановление, установление фактов, координирование информации отдельных источников возможно отнести к предмету самой исторической критики, оставив в предмете собственно исторического исследования координирование готовых фактов, включая те, о которых нет указаний в письменных памятниках. Информацию о них надо еще получить, прежде чем координировать.

Нерасчлененность проблем исторической критики и собственно исторического исследования, или построения, как его именовали, видна у С. Ф. Платонова. Разделяя историческую критику на внешнюю и внутреннюю, он относил к внешней критике ряд приемов для установления подлинности источника. Приемы внутренней критики Платонов объединял еще в два раздела, составив их: «1. из критики текста и 2. критики факта». Внешняя критика производилась вспомогательными дисциплинами. Критика факта, по Платонову, «не есть уже дело археографии и палеографии, а чистой истории»⁶³. Из этого следует, что проблема установления достоверности фактов относилась Платоновым к собственно историческому исследованию.

Таким образом, с одной стороны, проблематика исторической критики выделялась в историческом исследовании, а с другой — в ней иногда опускалась одна из важнейших частей — так называе-

⁶⁰ Дройзен И. Г. О научно-практических занятиях студентов в германских университетах, преимущественно историей.— ЖМНП, 1869, № 9/10, отд. педагогики, с. 87.

⁶¹ Моно Г. История.— В кн.: Метод в науках. СПб., 1911, с. 276.

⁶² Там же, с. 284.

⁶³ Платонов С. Ф. Обзор источников русской истории летописного типа. СПб., 1905, с. 5, 10. Литография.

мая высшая конъектуральная критика. Она отождествлялась с собственно историческим исследованием.

Историческая критика в дореволюционной науке покоилась «на правилах здравого смысла».

«Историческая критика,— писал Н. И. Кареев,— дает выработанные путем опыта правила, как следует относиться к известиям, заключающимся в исторических источниках разных категорий. Главным общим основанием этих правил служит простой здравый смысл, но успешное применение их на практике возможно лишь при известного рода навыке... Тем не менее многие ученые пытались формулировать правила исторической критики как особую методологическую дисциплину...»⁶⁴

Такого рода основания неоднократно вызывали возражение. Историческая критика, лишенная ученой почвы, писал И. Е. Забелин, «до сих пор должна носиться в облаках, в области одних только здравых рассуждений и соображений, чем она особенно и сильна»⁶⁵. Далее он отмечал несостоятельность такого приема: «...известно, что всякое здравое рассуждение утверждается тоже на свидетельствах и вполне зависит от их количества и качества. Можно очень здраво судить, опираясь на двух первых свидетелей, но приходит третий, четвертый и т. д., и дело получает совсем иное освещение; здравый рассудок невольно переходит на другую, иной раз совсем на противоположную сторону»⁶⁶.

Против опоры исключительно «на здравый смысл» выступили и за рубежом. Английский современник И. Е. Забелина по этому поводу высказал такую мысль: «...дают предпочтение здравому смыслу только тогда, когда не на что больше положиться, в противном случае всегда обращаются к законам искусства, коль скоро эти законы известны, то из этого следует, что все люди высказывают предпочтение систематическому знанию перед догадочным суждением, хотя не сознают или не желают высказать этого. Заметим, впрочем, что здравому смыслу остается еще обширное поле деятельности при *приложениях* системы правил...»⁶⁷.

Теорию «здравого смысла» особенно резко критиковал Ф. Энгельс. В «Анти-Дюринге» он раскрыл его ограниченность. «Здравый смысл» — «весьма почетный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится пуститься в далекий путь исследования»⁶⁸.

Отождествление исторической критики со «здравым смыслом» означало, что эта область знаний не может претендовать на значение особой науки, т. е. знания систематически разрабатываемого. Между тем, допуская возможность выработки правил или положе-

⁶⁴ Кареев Н. И. Критика историческая, с. 758.

⁶⁵ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876, ч. 1, с. 39—41.

⁶⁶ Там же, с. 41.

⁶⁷ Уэлли Р. Основания логики. СПб., 1873, с. IX—X.

⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 21.

ний исторической критики путем опыта и на основе «здравого смысла», необходимо было бы допустить и то, что правила исторической критики по мере расширения исследовательской практики могут совершенствоваться в недрах самой исторической критики. Перед исторической критикой, основанной «на здравом смысле» как искусстве «добывать факты из рассказов и известий» ⁶⁹, такой задачи не ставилось, поскольку цель искусства в представлениях XIX в. «состоит в приложении знания к практике» ⁷⁰. Историческая критика понималась практической дисциплиной, которая руководствуется априорно выработанными правилами.

Историческая критика лишалась категории синтеза и рассматривалась исключительно в аналитическом плане. Так, было установлено следующее отношение между исторической наукой и исторической критикой: «...не следует смешивать... подготовительных аналитических работ с синтетическими сочинениями, имеющими целью оживить прошлое во всей его сложной материальной и духовной действительности, но авторы их редко ограничиваются одной лишь критикой и классифицированием фактов, а дают также кое-какие исторические обобщения и построения» ⁷¹. Из этого любопытного высказывания видно, почему историческая критика не могла считаться отдельной научной дисциплиной. От нее отбирались функции обобщения и передавались истории. Однако можно иметь в наличии много абсолютно достоверных источников и не иметь факта для построения исторической действительности. Прежде чем классифицировать факты, многие из которых известны из отрывочных сведений, пусть даже достоверных, надо восстановить сами факты: чья это обязанность, исторической критики или какого-либо другого раздела исторической науки? В этом плане совершенно неясно, где заканчивается историческая критика и начинается собственно история.

Главным итогом дореволюционного этапа исторической критики была систематизация принципов анализа свидетельских показаний, определения подлинности источников и постановка задачи выделения этой отрасли из предмета исторической науки в отдельную дисциплину. Однако она еще не была превращена в науку, которая разрабатывала бы все степени установления достоверности фактов.

Историческая критика продолжает развиваться и в настоящее время. Интерес историков-марксистов к фактам экономической истории расширил возможности исторической критики, использование новых фактов могло повлечь за собой и увеличение объективных предпосылок установления достоверности многих исторических источников. Перед исторической критикой открылись реальные перспективы преобразования из пособия для изучения истории в самостоятельную отрасль исторической науки. Однако в теории

⁶⁹ Подробнее см.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 2, с. 361 и др.

⁷⁰ Уэлли Р. Указ. соч., с. 25.

⁷¹ Моног. Указ. соч., с. 283.

ретическом плане такие возможности пока не реализованы: историческая критика все еще не отграничена от смежных отраслей, что является основным условием отдельной науки. Некоторые шаги в этом направлении сделаны — прежде всего расширен предмет.

Советские историки с первых же шагов высказались за критическое изучение всех памятников. «Мы должны критически относиться ко всем историческим источникам,— писал Н. Н. Авдеев,— каково бы ни было их происхождение»⁷². В данном случае имелось в виду происхождение памятников в обществе, классы которого преследуют противоположные цели. Однако такое обобщение справедливо и по отношению ко всем памятникам.

Доводы А. С. Лаппо-Данилевского о преобразовании исторической критики из технического приема в метод исторической работы были оставлены без внимания. Историческая критика снова стала рассматриваться техникой истории. Но эта техника понималась уже в полном объеме, включая высшую конъектуральную критику. Так, наряду со статьями впервые была опубликована специальная монография под названием «Методика исторического исследования». «Мое главное внимание было обращено на систематизацию технических приемов исследовательской работы, по преимуществу — приемов исторической критики»⁷³, — отмечал автор монографии. Книга эта до сих пор надлежащим образом не оценена. Сразу же после выхода в свет она критиковалась, в результате чего автор был вынужден выступить с авторецензией и доказывать, что методика (техника) изучения источников «не подлежит уничтожению»⁷⁴, так же как и пишущая машинка, которая печатала приказ Деникина и приказ Красной Армии.

Если сравнивать книгу С. Н. Быковского с теоретическими изысканиями в области исторической критики А. С. Лаппо-Данилевского, то нельзя не обратить внимание на расширенное объяснение Быковским исторической критики. Он включал в ее предмет установление достоверных сведений из повествовательных памятников и извлечение информации на основе отношения фактов друг к другу. Он называл такое установление «методологическими соображениями». Вопрос об употреблении приема «методологических соображений» в современной литературе мы рассмотрим, анализируя понятие исторического источника, в последней главе. Сейчас же заметим, что порой исследователи обосновывают способ «мето-

⁷² Авдеев Н. Н. О научной обработке источников по истории РКП и Октябрьской революции.— Пролетарская революция, № 1, с. 159. Позже появилось другое мнение, которое заключалось в том, что источники по истории советского общества будто бы не нуждаются в исторической критике. Особенно ярко это выразил А. А. Абрамов в 1957 г. на совещании в Московском государственном историко-архивном институте. Большинство историков и архивистов ответили ему, что «под критикой источника понимается разбор, анализ и оценка документа, а не осуждение его» (Исторический архив, 1957, № 5, с. 284). Вывод, который сделали участники совещания, способствовал расширению конкретных источниковедческих исследований по истории советского общества.

⁷³ Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 6.

⁷⁴ Быковский С. Н. Авторецензия.— Сообщ. ГАИМК, 1931, № 11/12, с. 74.

дологических соображений» необоснованными примерами из книги Быковского⁷⁵.

Термином «методика исторического исследования» Быковский именовал дисциплину, которая охватывала специальные отрасли истории. Историческая критика входила в ее проблематику. Методика исторического исследования как особая дисциплина уже тогда была искусственным образованием, поскольку включала в свой состав и палеографию, и критику текста — текстологию. Это понятие, как и некоторые другие положения книги Быковского, в том числе отнесение приемов исторической критики к технике исторического исследования, нуждается в пересмотре. Между тем имели место попытки «восстановить в правах само понятие методика исторического исследования»⁷⁶.

⁷⁵ Например, цитируется следующий отрывок: «Иностранцы, современники Смуты начала XVII в., в один голос утверждают, что при поднятии так называемых мощей Димитрия тело последнего было заменено трупом другого мальчика. Официальный акт утверждает, что при вскрытии гроба Димитрия было найдено нетленное тело. Элементарные методологические соображения заставляют сомневаться в достоверности сообщения официального акта. Сопоставляя это общее соображение с известием о том, что в первую половину XVII в. на Руси бальзамирование трупов не производилось, приходится сообщение иностранцев признать правильным» (Быковский С. Н. Методика исторического исследования, с. 148). На основе этой цитаты некоторые исследователи делают заключение, что по такому же типу должны строиться выводы относительно познания достоверности источника (Антипов Г. А. Место источниковедения в системе историографического исследования.— Науч. тр. Новосиб. ун-та. Философ. сер., 1970, вып. 3, с. 218). Однако заключение, к которому пришел Быковский, нельзя считать правильным. Факты, частично известные до опубликования книги Быковского и пополненные позже, свидетельствуют о том, что известны случаи сохранения внешнего облика захороненных. Например, в начале XX в. на территории бывшего Георгиевского женского монастыря (Москва, ул. Пушкина) нашли склеп, в каменном гробу которого находилась девушка из свиты Мариной Мнишек, погибшая во время восстания против засилья польской шляхты. Ее внешний облик хорошо сохранился, несмотря на то что со времени ее смерти прошло около 300 лет. В начале 30-х годов на углу Кузнецкого моста и Петровки разбирали церковь Вознесения. Под одной из могильных плит обнаружили молодую боярышню, скончавшуюся в XVI в. Ее облик также хорошо сохранился. В 1928 г. в Кремле производился снос усыпальницы московских цариц и великих княгинь. При вскрытии гробницы третьей жены Грозного Марфы Собакиной (умерла 13 ноября 1571 г.) «присутствующим показалось, что совершилось чудо: в гробу лежала очаровательная девушка, правда, мертвенно бледная, но будто живая. Это длилось чуть больше мгновения. Подул ветер, начали распадаться ткани, выступили из праха пожелтевшие кости, с черепа соскользнули пряди черных волос» (Никишин А. Спящие красавицы Москвы.— Неделя, 1964, № 13, с. 23). Известный советский археолог В. Л. Янин рассказал о переносе останков Г. Р. Державина в 60-х годах из Хутынского монастыря на территорию новгородского кремля. Участники этой операции были свидетелями сохранности не только облика и генеральского мундира усопшего, но и самого деревянного гроба, первоначально захороненного в известковых отложениях без доступа воды и воздуха. Так же мог быть сохранен на 10 лет и облик сына Грозного. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что вывод Быковского о достоверности сообщения иностранцев нельзя считать правильным.

⁷⁶ Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д., 1971. Второе издание этой книги вышло под названием «Методика исторического источниковедения» (Ростов н/Д., 1976). А. П. Пронштейн по-прежнему от-

Основное достоинство книги Быковского, как нам представляется, состоит не в разработке методики исторического исследования, а в обобщении проблем источниковедения, составляющих часть исторической науки. И даже речь идет не о всех проблемах источниковедения, а преимущественно об исторической критике. Об этом он сам говорит. Только историческая критика представлялась ему не отраслью исторической науки, а набором ряда знаний по изучению остатков древности. Знания эти имели чисто прикладной характер, тогда как отрасль могла быть на равных основах со-поставлена с другими отраслями исторической науки.

К достижениям советской науки относят и пересмотр понятия «достоверность источника». «Понятие достоверности источника,—сказано в одной из статей,— в марксистско-ленинской трактовке значительно шире, чем в буржуазной. Оно не ограничивается выяснением правильности отдельных фактов, содержащихся в источнике, а включает в себя и выяснение достоверности интерпретации источником определенных фактов или явлений. Такой критический источниковедческий анализ является составной частью научного исследования»⁷⁷. В данном случае имелось в виду историческое исследование, в которое входит историческая критика как составная часть. Расширение содержания термина «достоверность источника» — шаг к изменению предмета исторической критики, к расширению его. Но в общем-то цитированное суждение о достоверности требует уточнения. Думается, не во всех случаях следует включать понятие интерпретации в выяснение достоверности источников. Интерпретация как факт может быть предметом выявления исторической критики. Интерпретация — объяснение факта — это уже другая отрасль. Поэтому не случайно цитированное понятие достоверности источника не исключило распространения традиционного определения⁷⁸.

К числу положительных моментов развития понятий можно отнести наблюдение о бесполезности разделения исторической критики на внешнюю и внутреннюю⁷⁹.

Более категоричным стало суждение о том, что «искусственное разделение критики источников на внешнюю, или низшую, и внутреннюю, или высшую, ее форму»⁸⁰ мешает изучению источни-

---

стаивает необходимость дисциплины, называемой «методика исторического исследования» (см. с. 6 второго издания его книги).

⁷⁷ Данилов В. П., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества.— Вопр. истории, 1961, № 5, с. 11.

⁷⁸ Например, распространено такое определение: «Достоверность же следует понимать как необходимую и достаточную степень соответствия между явлением и его описанием в источнике» (Каштанов С. М., Литвин А. Л. К проблеме достоверности исторических источников.— В кн.: Из истории Татарии. Казань, 1965, с. 3.). Понятие интерпретации здесь отсутствует.

⁷⁹ Так, А. А. Новосельский на одном из совещаний сделал следующий вывод: «Придавать какое-то особое, сугубо важное значение разделению на внутреннюю и внешнюю критику не следует. Можно это разделение просто снять при построении схемы и ровно ничего не изменится» (Исторический архив, 1962, №, 4, с. 195).

⁸⁰ Якубовская С. И. Некоторые итоги развития теории источниковедения в со-

ков. Однако обоснования этой мысли пока еще недостаточны. Поэтому встречаются и противоположные взгляды ⁸¹.

Все эти представления нуждаются в унификации. Решение этой задачи может быть приближено рассмотрением вопроса о стадиях критического изучения источников и о сочетании различных стадий в исторической критике.

Собранные нами данные свидетельствуют о том, что в это деление в разное время вкладывались разные понятия. Например, малая критика А. Л. Шлецера не равнозначна формальной критике Н. И. Надеждина. Понятие внутренней достоверности источника К. Н. Бестужева-Рюмина не соответствует понятию внутренней критики А. С. Лаппо-Данилевского и т. д. Больше того, Лаппо-Данилевский отказался и от самих терминов «внешняя» и «внутренняя» критика. Он различал «kritiku, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и kritiku, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте» ⁸². В этом делении лишь по-другому названо установление подлинности и авторитета источников. Оба эти понятия не нуждались в дополнительных терминах. Выделение критики текста или установление его истории в текстологии, казалось бы, создает предпосылку для подобного же подхода и к смежной стадии. Однако преобразования проблемы установления фактов в научную дисциплину не произошло в силу ее субъективного характера. Историческая критика сливалась с текстологическими проблемами и в то же время не всегда охватывала свои специфические задачи.

Так, историческая критика, по Н. Н. Авдееву,— сумма методов, которые имеют своей задачей: 1. определить подлинность источников; 2. исследовать их оригинальность; 3. возможно точно установить время и место происхождения источников, указать их авторов, если в источниках сведения об этом неточны или вовсе отсутствуют; 4. точно восстановить первоначальный текст письменных источников; 5. установить внутреннее достоинство источников, их доказательную силу, их сравнительную ценность; 6. расположить данные источников по теме, времени и месту ⁸³. Первые четыре пункта в этом перечне — текстологические задачи, а последние два — собственно проблематика исторической критики. Задача ус-

ветский период.— В кн.: Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР. М., 1962, с. 191.

⁸¹ Вот одно из утверждений: «Обычно в исторической критике различают две стороны: внешнюю критику и внутреннюю критику. Правда, некоторые источниковеды отрицают необходимость такого деления, подчас разные источниковеды включают в каждое из этих понятий не совсем одинаковое содержание. Но при всей нечеткости понятий и подвижности граней между ними без деления на внешнюю и внутреннюю критику при анализе источников трудно обойтись» (Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 24).

⁸² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 2, с. 526.

⁸³ Протокол 3-го совещания истпартотделов СССР: Тез. к докл. тов. Авдеева о методах собирания и обработки материалов.— Пролетарская революция, 1924, № 8/9, с. 443—444.

тавления фактов, не отраженных в памятнике, по остаткам сохранившихся данных на основе их отношения друг к другу здесь выпала. Автор насчитал шесть стадий критического изучения памятников.

С. Н. Быковский, включив историческую критику в понятие методики — техники исторического исследования, назвал ее «вспомогательной исторической дисциплиной», которая разделялась на аналитическую и синтетическую. В аналитическую критику он включил «приемы, употребляемые при анализе отдельного памятника, изучаемого независимо от других», эти приемы дублировали палеографический, текстологический и формулярный анализ. Синтетическая критика, по мысли Быковского, включает «приемы, которые применяются при совместном изучении целой группы исторических источников». Главная задача аналитической критики — проверка подлинности памятников. Главная задача синтетической критики «должна быть определена как выяснение степени вероятности и достоверности тех или иных сообщаемых историческими источниками фактов». В аналитической и синтетической критике С. Н. Быковский насчитал 21 стадию⁸⁴. Объединение их в две категории (аналитической и синтетической критики) не соответствовало дифференциации наук. Изменение наименований не меняло существа дела. Включение синтетической и аналитической критики в понятие «методика исторического исследования» не способствовало выделению установления фактов в особую отрасль.

Значительный шаг к преодолению разнобоя в делении исторической критики на стадии был сделан А. Ц. Мерзоном, который рассматривал историческую критику как совокупность приемов. Во внешнюю критику он включал следующие приемы: «1. Приемы изучения знаков письменности, писчего материала, художественных украшений, переплета и других внешних признаков рукописных памятников. 2. Приемы изучения печатей. 3. Приемы изучения особенностей типографского набора, шрифтов, бумаги, иллюстраций и других внешних признаков печатных источников». Внутренняя критика, по Мерzonу, объединяет: «1. Приемы изучения языка, терминологии, стиля и структуры. 2. Приемы изучения хронологических и метрологических данных, а также материалов по топонимике и этнографии. 3. Приемы изучения сведений о лицах, учреждениях и организациях. 4. Приемы изучения сведений об исторических событиях и явлениях. 5. Приемы проверки цифровых данных. 6. Приемы текстологического анализа»⁸⁵.

А. Ц. Мерзон, сохранив традиционное деление исторической критики на внешнюю и внутреннюю, произвел перераспределение

⁸⁴ Быковский С. Н. Методика исторического исследования, с. 65—67, 157—160. Позднее число стадий было сокращено. Например, у современного автора «изучение актовых материалов проходит по крайней мере пять стадий» (Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики, с. 26). Мы полагаем, что стадий критического изучения столько, сколько исследователь ставит задач и может извлечь сведений из источников.

⁸⁵ Мерзон А. Ц. Основные задачи критики исторических источников: Учебное пособие. М., 1958, с. 15—16. Ротапrint.

содержания в каждой из составных частей. Значение этого перераспределения состоит в том, что он соединил между собой то, что естественно должно было быть соединено и на самом деле оказалось соединено в предмете одной науки. Например, если текстологическая интерпретация в высказываниях отдельных теоретиков выделялась в самостоятельный вид анализа или включалась во внутреннюю критику, а изучение происхождения источника относилось к внешней критике, то в схеме Мерзона все это соединено в пункте под названием «Приемы текстологического анализа», что соответствует современному определению текстологии. Распределив приемы изучения источников близко к предметам различных наук, А. Ц. Мерзон вплотную подошел к мысли о ненужности понятий „внешняя“ и „внутренняя“ критика, которые являются как бы искусственными надстройками над существующими дисциплинами, хотя сам и не сделал этого вывода. Не без влияния А. Ц. Мерзона стала развиваться мысль об искусственности деления исторической критики на внешнюю и внутреннюю.

Разделение исторической критики на внешнюю и внутреннюю теряет всякое значение в условиях дифференциации научных отраслей.

Подобное состояние теории исторической критики привело к утверждению, что «внутренняя критика источников, установление их достоверности неотделимы от конкретно-исторического исследования. Подлинно научное исследование любого конкретно-исторического факта, процесса требует самостоятельного решения вопроса о достоверности источников. Иначе исследование будет не научным, а догматическим. В этом смысле каждый историк-исследователь должен быть источником, означает, что историк, изучающий исторический процесс, должен овладеть исторической критикой, быть специалистом в той и другой отрасли. Это, однако, не основание для воспрепятствования исторической критике быть самостоятельной дисциплиной. Если следовать логике автора, то палеография или лингвистика не могут быть самостоятельными отраслями, поскольку историку приходится расшифровывать письмена, изучать язык документов, чтобы прийти наконец к изучению содержания и смысла исторического процесса»⁶⁶.

Наблюдение о неотделимости собственно исторического исследования от источниковедения, и прежде всего от так называемой внутренней критики источников, свидетельствует о том, что установление фактов, их критика включаются в проблематику «чистой истории» и одновременно в источниковедение. В этом и состоит слияние и неразрывность исторического исследования и источниковедения. Именно поэтому проблематика «внутренней критики конкрет-

⁶⁶ Гуковский А. И. О некоторых терминах вспомогательных исторических дисциплин.— Вопр. истории, 1965, № 10, с. 64.

ных источников», или установления достоверности фактов, не стала еще самостоятельной дисциплиной. Для ученых-немарксистов такое слияние имело тот смысл, что научность исторической критики переносилась на историю. Чтобы полностью преодолеть этот устаревший взгляд, необходимо ограничение проблем исторической критики от других направлений, чтобы каждое направление исторической науки могло показать свое собственное лицо. Этого же требует и стремление исследователей к точным понятиям. Одним из первых в советской литературе, как отмечено выше, философ В. Ф. Асмус указал на целесообразность размежевания различных отраслей. «Но как бы ни были велики успехи „технической“ методологии исторических исследований,— писал Асмус,— они ни в малейшей мере не решают судьбы исторической науки в целом. Филологическая и историческая критика источников и методика их изучения, какого бы совершенства они ни достигли, не возвышаются как таковые даже над п о р о г о м исторического знания. Если без исторической критики история не может стать подлинной наукой, то условие это, будучи н е о б х о д и м ы м, не является еще условием д о с т а т о ч н ы м. Настоящие проблемы исторической науки начинаются лишь за пределами филологической критики, обработки и оценки источников — там, где учет и приведение в ясность материального состава источников переходит в воспроизведение, характеристику и объяснение „материи“ того социально-исторического процесса, который послужил для них предметным основанием»⁸⁷. Мысль В. Ф. Асмуса о различении методологии исторического процесса и методологии исторической критики в его терминологии технической методологии (в другом месте на той же странице к тому же понятию он употреблял термин «техническая методика») отражает объективную реальность. Оба эти направления в истории существуют. Терминология явно устарела, но основная мысль нуждается в развитии.

Одно дело — установление фактов, а другое — анализ фактов, описание во взаимной связи и обусловленности их причин и последствий. «В подлинную науку историю превратил лишь марксизм, положивший в основу понимание общественного развития законы, которые имеют столь же объективное значение, как и законы в любой другой области научного знания»⁸⁸.

Перемещение проблемы установления фактов из раздела исторического процесса в предмет исторической критики имеет преимущества. Понятия становятся точнее. Появляется возможность различать проблемы «установление факта» и «историческое описание». Характерными признаками первой проблемы являются вопросы достоверности и структуры факта. К отличительным особенностям второй возможно отнести установление взаимосвязи фактов между

⁸⁷ Асмус В. Ф. Маркс и буржуазный эмпиризм, с. 183; Он же. Избранные философские труды. М., 1971, т. 2, с. 352—353.

⁸⁸ Гулыга А. В. О предмете исторической науки.— Вопр. истории, 1964, № 4, с. 21.

собой, их причин и последствий. В условиях неразграничения этих проблем критику источников принято рассматривать началом исторического исследования. «Анализ и сопоставление источников, выявление тех элементов их содержания, которым придается значение истинности,— лишь начало исследования»⁸⁹,— пишет философ В. П. Красавин. При этом делается скачок от факта к историческому описанию. Между тем факт необходимо еще построить, прежде чем перейти к историческому описанию.

И тем не менее намеченное разграничение пока только рабочая гипотеза, которая нуждается в детализации, в обсуждении нерешенных трудностей. А они есть. Известно, что факты неоднородны: «...наряду с фактами короткой протяженности имеются другие, склонные к ситуации, нежели факты»⁹⁰. Возникает вопрос: установление какой протяженности фактов следует относить к исторической критике, чтобы оно не переходило в построение исторической картины в целом, в построение исторического процесса? Трудность эту еще предстоит разрешить. Сейчас можно высказать лишь предварительное соображение: установление любого факта — предмет исторической критики. Отличие проблем установления факта от описания фактов состоит в ответе на вопрос, какого рода объяснение включается в ту и другую проблему или какая теоретическая задача ставится перед каждой отраслью.

При установлении исторической критикой фактов дается объяснение доказательств их достоверности.

Описание восстановленных фактов в проблематике изучения исторического процесса объясняет их происхождение, значение, последствия, взаимосвязь. Решается другая теоретическая задача.

В условиях, когда источниковедение не дифференцировалось, а сливалось с историческим исследованием, проверка достоверности сведений рассматривалась то практической задачей истории⁹¹, то теоретической задачей источниковедения. «Проверка достоверности сведений,— пишет М. Н. Терешко,— является необходимым условием в любой научно-исследовательской работе. В этой связи определение достоверности исторических источников — первостепенная задача теории источниковедения»⁹². Поскольку проверка достоверности необходима и производится в любой исследовательской работе, то опыт этой проверки должен обобщаться. Литературоведы, историки, юристы, статистики и другие специалисты, заинтересованные в использовании достоверных фактов, производят проверку достоверности, установление точных и бесспорных фактов, накапливают опыт такого рода работы, выступают

⁸⁹ Красавин В. П. От факта к историческому описанию.— Науч. докл. высш. школы. Философ. науки, 1971, № 2, с. 101.

⁹⁰ Сестан Э. История событий и история структур. М., 1970, с. 11.

⁹¹ См. упомянутые работы Г. Моно, С. Н. Валка, С. Н. Быковского и др.

⁹² Терешко М. Н. Некоторые методологические принципы проверки достоверности исторических источников.— Учен. зап. Том. ун-та, 1970, т. 85, вып. 3, с. 173.

в роли исторических критиков. Однако поскольку у них другие исследовательские задачи, а установление достоверности для них лишь исходный пункт, то обобщением опыта установления достоверности они не занимаются. Кто этим должен заниматься? Терешко, отвечая на этот вопрос, относит обобщение проверки достоверности к теории источниковедения. Между тем в цитированном отрывке получилось, будто бы сама проверка достоверности является первостепенной задачей теории источниковедения. Проверка достоверности — область практики, а обобщение опыта такой работы — область теории. Только относить обобщение опыта проверки достоверности к теории источниковедения нецелесообразно по той причине, что источниковедение в утвердившемся понимании представляет собой очень широкий комплекс проблем.

Поскольку историческая критика занимается проблемами достоверности, то нет необходимости отнимать у нее и обобщающую функцию. Включение в историческую критику практических и теоретических проблем установления фактов и объяснение их достоверности будут способствовать наметившейся тенденции превращения ее в самостоятельную историческую дисциплину.

Вероятно, следует упомянуть об ограничении истории и источниковедения на основе различия понятий и терминов «памятник» и «источник». Так, философ Г. А. Антипов заявил, что «следует в системе историографической деятельности различать позиции источниковеда и историка». По его мнению, исторический памятник «функционирует в предмете источниковеда, а исторический источник — в работе историка». «Определяя происхождение, достоверность, подлинность памятника,— пишет Г. А. Антипов,— источниковед приводит его материал в функциональное соответствие задачам, которые будут поставлены относительно него историком»⁹³. Это ограничение не противоречит изложенному выше. Надо только заметить, что речь идет о разграничении различных направлений внутри исторической науки. Эту терминологическую неточность можно устраниТЬ путем введения дополнительного термина и понятия «изучение исторического процесса». Тогда станет возможным различать задачи историка, исследующего исторический процесс, и историка, познающего источники, хотя это может быть и одно лицо.

По поводу установления различий в понятиях и терминах «памятник» и «источник» можно сказать следующее. Поскольку эти термины употреблялись и раньше, то нужен перечень их значений, а потом уже можно будет более или менее обоснованно судить о характере их ограничения. Известно, например, что эти понятия приравнивались друг другу, а с другой стороны, соотносились как целое с частью. Источник — общее понятие, а памятник — часть его. Источником может быть и памятник как материальное явление, и устное предание, и отражение действитель-

⁹³ Антипов Г. А. Указ. соч., с. 203—204.

ности в пословицах, поговорках, анекдотах, которые до их записи к памятникам вряд ли можно причислить. Во многих работах тексты письменности вообще к памятникам не относятся, а входят в категорию словесных известий или просто текстов. Связывать эти термины с определенными отраслями нецелесообразно прежде всего потому, что в деле разграничения смежных дисциплин решающую роль имеет правильное определение задач каждой отрасли с тем, чтобы они не перекрешивались. Задачи ставятся не перед материалом, памятником или источником, а перед научной отраслью. Источник и памятник — лишь средство для их решения при изучении истории языка, исторического процесса, в установлении его фактов и т. д.

Таковы вкратце основные положения об исторической критике, о переменах в ее предмете. Она представлялась по-разному: наука, дисциплина, сумма приемов, сумма методов, метод, методика исторического исследования, просто необходимая историку работа⁹⁴. Историческую критику как сумму приемов характеризовал в свое время Н. И. Кареев: «Под именем исторической критики разумеют прежде всего совокупность приемов»⁹⁵. Об исторической критике как о научной дисциплине писал А. К. Дживелегов: «...Для отыскания зерен исторической правды в устных и письменных материалах понадобилась целая дисциплина, историческая критика»⁹⁶. Принимая во внимание то обстоятельство, что «науки все в большей мере становятся методами»⁹⁷, а методы — науками, возможно рассматривать историческую критику методом и наукой. Она — метод в работах историков разного профиля при установлении достоверных фактов. Она — наука, обобщающая этот метод.

Соотношение исторической критики и источниковедения установлено нечетко. А. П. Пронштейн включил в источниковедение палеографическое, лингвистическое изучение текста, восстановление текста, истолкование исторических источников, выяснение времени, места, имени автора и условий возникновения источника, анализ актовых и повествовательных материалов о характере заключенной в них информации, ее достоверности, а также проблемы выявления источников (эвристика). Проблематика исторической критики, таким образом, наряду с другими многочисленными проблемами отнесена к источниковедению. Однако историческая критика не выделена в этом перечне в самостоятельную отрасль источниковедения и исторической науки, поскольку нет еще отграничения ее предмета от смежных отраслей. Между тем источниковедение, включающее в свой состав многочисленные проблемы разных отраслей, в том числе и установление достоверности ин-

⁹⁴ Как о «нужной для каждого историка работе — критике источников» см.: Сказкин С. Д. История — увлекательная наука. М., 1961, с. 21.

⁹⁵ Кареев Н. И. Критика историческая, с. 758.

⁹⁶ Дживелегов А. К. История. — В кн.: Энцикл. словарь Гранат, б. г., т. 22, с. 314.

⁹⁷ Логика научного исследования: Сб. ст. М., 1965, с. 290—291.

формации, объявляется самостоятельной отраслью исторической науки, исторической дисциплиной⁹⁸.

По-видимому, мысль об источниковедении как о научной исторической дисциплине можно совместить с выделением исторической критики в самостоятельную отрасль исторической науки, если приравнять эти понятия друг другу. Можно назвать историческую критику источником, как это делает А. П. Пронштейн, а другие проблемы исключить из него. Но лучше оставить историческую критику со своим прежним названием. Тогда историческая критика будет частью источником, а источником — частью исторической науки. У Пронштейна же все наоборот. Например, понятие «методика исторического исследования» в его представлении «развивается прежде всего как составная часть источником»⁹⁹. На самом деле «методика исторического исследования» шире предмета источником.

Понятия и термины «методика исторического исследования» и «методика источником» отражают то состояние науки, когда историческая критика и другие отрасли, именовавшиеся вспомогательными, рассматривались практикой или техникой исторической науки¹⁰⁰. Расслоение исторической науки и источником на отдельные отрасли способствует переосмыслению содержания таких терминов и даже отказу от них. Термины «методика исторического исследования» и «методика источником» могут быть заменены понятиями и терминами «теория» и «практика» отдельных отраслей.

Какие же напрашиваются выводы? Историческая критика — наименее разработанная часть исторической науки. Выделение ее в самостоятельную дисциплину возможно, поскольку возможно ее ограничение от других отраслей исторической науки. Об этом свидетельствует опыт размежевания ее проблем и текстологии. Предмет исторической критики переосмыслен в советской исторической литературе. Если раньше она изучала установление достоверности повествовательных источников, то теперь перед ней ставится задача установления фактов вообще на основе всей доступной информации.

Включение в историческую критику проблемы установления и восстановления фактов создает предпосылку для превращения исторической критики в дисциплину с объективными критериями. Вот некоторые из них: опора на остатки фактов и установление фактов по отношениям между другими фактами, установление фактов на основе показаний независимых друг от друга источников и т. д. Объективные критерии необходимо систематизировать.

⁹⁸ Пронштейн А. П. О предмете источником как научной исторической дисциплины. — История СССР, 1977, № 5, с. 161—173.

⁹⁹ Пронштейн А. П. Методика исторического источника, с. 6.

¹⁰⁰ Вот характерный пример такого рода утверждений: «...нам надо вникнуть, если так можно выразиться, в технологию истории, т. е. присмотреться к работе, проделываемой каждой из вспомогательных исторических дисциплин, чтобы помочь историку осветить факты минувшей жизни нашего народа» (Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. 4-е изд. Л., 1924, с. 2).

ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ — ЕДИНАЯ ОТРАСЛЬ

Подготовка памятников письменности к изданию не считается единой научной отраслью. Ее разделяют между литературоведением, лингвистикой и исторической наукой. Так называемая эдиционная техника ведает изданием художественных текстов и относится к литературоведению через посредство текстологии. «Можно оставить эдиционную технику в пределах текстологии»¹, — подводил итоги Д. С. Лихачев, уступая литературоведам-текстологам. Сам он склонялся к выделению эдиционной техники из текстологии. Другие исследователи более категорично объединяют эдиционную технику с текстологией. При этом под текстологией подразумевают серию вопросов эдиционной техники, связанных «с практической задачей издания текста: состав, расположение, проблема типа издания, установление так называемого канонического (основного) текста, содержание и характер справочного аппарата, комментирование»². Надо заметить, что перечень перечисленных вопросов выходит за пределы эдиционной техники. Например, комментирование производится в рамках предмета многих научных отраслей. Стало быть, к эдиционной технике надо бы относить не комментирование, а определение неясностей, которые нуждаются в комментировании.

Перед лингвистическим источниковедением ставится задача подготовки к изданию памятников письменности для нужд языкоznания. В одной из работ на эту тему читаем: «...к выделению специального лингвистического направления в источниковедении побуждает и необходимость выяснения ряда существенных и частных вопросов эдиционной теории. Необходима дальнейшая разработка типов и принципов лингвистического издания»³.

Аналогичные проблемы применительно к потребностям историков стоят перед археографией. Последняя «рассматривается на-

¹ Лихачев Д. С. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба.— Рус. лит., 1965, № 1, с. 82. Обозначение процесса подготовки к изданию художественных текстов термином «эдиционная техника» встречаем уже в первые годы Советской власти. На Российскую академию художественных наук, учрежденную в 1921 г., возлагалась «разработка вопросов эдиционной техники в качестве неотложной задачи» (Кондратьев А. И. Российская академия художественных наук.— Искусство, М., 1923, № 1, с. 423—424).

² Гришуин А. Л. Текстология.— В кн.: Словарь литературоведческих терминов, М., 1974, с. 400.

³ Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения.— В кн.: Источникование и история русского языка. М., 1964, с. 5; *Он же*. Лингвистическое источникование и история русского языка. М., 1980.

учно-вспомогательной исторической дисциплиной, в задачу которой входит разработка и изучение методов издания исторических источников, а также практическая работа по публикации источников»⁴.

По существу же все эти направления исследовательской работы — единая научная отрасль. Даже термин «эдиция», или «эditionnaya техника», не всегда употреблялся только применительно к процессу подготовки к изданию художественных текстов, а распространялся и на подготовку изданий вообще, в том числе и исторического характера. Например, у Н. М. Карамзина можно встретить такое выражение: «Дочитываю корректуры VII тома второй эдиции»⁵. В данном случае речь шла о переиздании «Истории государства Российского». Термины «эдиция», «эditionnaya техника», «лингвистическое источниковедение», «археография» в плане подготовки рукописей или текстов к изданию могут заменить друг друга. Кроме того, надо иметь в виду и следующее обстоятельство: все эти направления развивались из практики подготовки к печати отдельных источников, например летописей, которые и сейчас относятся одновременно и к литературным памятникам, и к историческим источникам для лингвистов и историков.

Развитие теории и практики издания документальных материалов имеет значительные успехи. Оно отражено в специальных обобщениях, руководствах, правилах издания. До революции в России издано таких обобщений немного⁶. Большой частью правила и рекомендации по изданию текстов были распылены в общеисторических трудах, в примечаниях, различных предисловиях и других материалах. Надо заметить, что до революции печатались важные рассуждения на эту тему задолго до введения термина „археография“⁷. Тогда речь шла о правилах публикации документов различными школами или отдельными учеными применительно к древним памятникам⁸.

В советское же время рекомендации, дискуссионные статьи, историографические обзоры о передаче текстов в различных типах изданий весьма многочисленны, в том числе и обзоры развития пра-

⁴ Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957, с. 8.

⁵ Цит. по кн.: Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866, ч. 2, с. 244.

⁶ Библиографию см. в статьях: Андреев А. И. О правилах издания исторических текстов.— Архивное дело, 1926, вып. 5/6, с. 84—98; вып. 7, с. 37—45; Черных В. А. Развитие методов передачи источников в русской дореволюционной археографии.— Исторический архив, 1955, № 4, с. 201—211. Анализ концепционной стороны этой работы см.: Лихачев Д. С. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников.— Там же, 1956, № 3, с. 188—193. Некоторые пропущенные в названных библиографических обзорах работы, например Н. Г. Устрялова и А. Ф. Бычкова, будут указаны ниже.

⁷ См., например: Оленин А. Краткое рассуждение о издании полного собрания русских дееписателей.— Сын отечества, СПб., 1814, № 7, с. 3—19.

⁸ К их числу относятся и правила издания документов А. С. Лаппо-Данилевского, опубликованные после его кончины (Правила издания сборника грамот коллегии экономии. Пг., 1922).

вил публикации⁹. Изучение советскими историками публикаторского дела в России стало детализироваться в направлении выявления особенностей и характера журнальных изданий¹⁰. По этой проблематике наряду с многочисленными статьями изданы книги¹¹. В советское время правила публикации документов стали утверждаться государственными органами. Расширение хронологических рамок и форм издания документов, санкционирование их ответственными организациями после детального обсуждения в печати в современных условиях приобрели характер закономерности¹².

Обширный материал о совершенствовании публикаций художественных текстов и летописей содержится в рассмотренных выше материалах советской текстологии.

Несмотря на обилие литературы, в ряде вопросов этой отрасли еще нет убедительной ясности. Например, определение термина „археография“ до сих пор остается дискуссионным¹³, а самое главное — не раскрыты причины его спорности. Единая публикаторская отрасль еще не обоснована, взаимоотношения ее со смежными дисциплинами не определены. В данной главе мы рассмотрим ту часть

⁹ Валк С. Н. О приемах издания историко-революционных документов.— Архивное дело, 1925, вып. 3/4, с. 60—81; Андреев А. И. Указ. соч.; Сергеев А. А. Методология и техника публикации документов.— Там же, 1932, вып. 1/2, с. 43—99; Он же. К вопросу о разработке правил издания документов ЦАУ СССР.— Там же, 1935, вып. 1, с. 55—66; Попов А. К вопросу о наших публикациях исторических документов.— Там же, вып. 3, с. 43—64; Шилов А. А. К вопросу о публикации исторических документов: (По поводу статьи А. А. Сергеева).— Там же, вып. 4, с. 52—61; Князев Г. А. Теория и техника архивного дела. Л., 1935; Батаева Т. В. О передаче в извлечениях текстов документов советской эпохи.— Исторический архив, 1957, № 3, с. 199—209; Пушкиров Л. Н. К вопросу о принципах публикации фольклорных текстов.— Там же, № 2, с. 196—198; Литвак Б. Г. О некоторых приемах публикации источников статистического характера.— Там же, с. 155—166; Он же. Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи.— Там же, 1960, № 2, с. 186—194; Булыгин И. А., Рейхберг Г. Е. О типах, видах и формах публикаций документов.— Там же, № 5, с. 148—154 и др. Над составлением обстоятельной библиографии этого направления исследовательской деятельности работают сотрудники ВНИИДАД.

¹⁰ Афишина В. Ю. Из истории русской археографии: Публикация исторических источников в «Отечественных записках» П. П. Свиньина (1818—1830).— В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с. 89—97 и др.

¹¹ Валк С. Н. Проект правил издания трудов В. И. Ленина. М.; Л., 1926; Он же. Советская археография. М.; Л., 1948; Шилов А. А. Руководство по публикации документов XIX — начала XX в. М., 1939; Селезнев М. С. Теория и методика советской археографии: Учебное пособие. М., 1974, и др.

¹² Подробности по этому вопросу см. в периодическом издании «Археографический ежегодник» начиная с 1957 г.

¹³ Об этом свидетельствуют материалы дискуссии в связи с выходом в свет упомянутого учебного пособия М. С. Селезнева (*Варшавчик* М. А., Яковлев С. А., Мусеев О. В., Черноморский М. Н. Предмет, метод и задачи археографии: (О новом учебном пособии).— Сов. архивы, 1975, № 4, с. 97—101; Пушкиров Л. Н. О предмете, методе и задачах археографии.— Там же, 1976, № 1, с. 75—80; Козлов О. Ф. К вопросу об определении предмета советской археографии: (Историографические заметки).— Там же, № 2, с. 32—39; Шорохов Е. Ф. О некоторых вопросах теории советской археографии.— Там же, № 4, с. 50—56; Черных В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин.— Там же, № 6, с. 46—53.

понятия и термина «археография», которая непосредственно относится к публикаторской работе, суммируем доводы в пользу единой отрасли по подготовке текстов к изданию независимо от их назначения, сравним установление взаимоотношения ее с источниковедением и подобными же взаимосвязями рассмотренных дисциплин. На этой основе выскажем некоторые соображения по поводу отношения единой публикаторской отрасли к исторической науке, лингвистике, литературovedению.

Прежде всего о единстве публикаторской отрасли. Необходимость единства остро ощущается исследователями. Подмечено, например, то обстоятельство, что «возникает задача расширения привычного круга археографической проблематики» путем учета опыта «издания сочинений классиков естествознания... памятников художественной литературы». Задача расширения археографии обосновывается следующим образом: «Здесь (в эдиционной технике.— В. Ф.) мы встречаем высокие образцы текстологии, а также источниковедческого анализа и научного комментирования»¹⁴. Заимствование археографией опыта эдиционной техники — одно из оснований единства научной отрасли. Об этом же свидетельствует и заимствование эдиционной техникой опыта археографии. Приведем конкретные примеры такого заимствования и единства обоих отраслей.

В предисловии к первому тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин сделал весьма ценное замечание о способе издания русских летописей. К его времени было распространено правило печатания каждого списка летописи отдельно. В результате получалось, что одно и то же печаталось по нескольку раз. «Какая нужда печатать одно в двадцати книгах? — спрашивал Карамзин. Не благоразумнее ли взять за основание лучший, древнейший список и только означать важные отмены, прибавления других? В десяти больших томах мы поместили бы все летописи от XI до XVII века, со включением Новгородской, Псковской, Киевской, Волынской...»¹⁵ «Слова Карамзина долго оставались без последствий»¹⁶, —

¹⁴ Шмидт С. О. Советские историки и архивы.— Сов. архивы, 1968, № 6, с. 10—11. Неясность, однако, состоит в том, каким образом следует расширять археографию, чтобы она удовлетворяла потребностям издания всяких памятников. То ли путем включения в ее предмет проблем подготовки к изданию трудов классиков науки и художественной литературы, то ли с помощью объединения в ней комментирования, источниковедческого анализа, текстологии. Неясно и другое: надо ли только расширять археографию? А, может быть, одновременно необходимо сузить ее предмет в тех частях, которые входят в другие дисциплины?

¹⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1818, т. 1, с. XXXII. Карамзин ошибся в числе томов. В остальном же его мысль положена в основу последующей работы. Правда, она истолкована в том смысле, что будто бы «предложение, высказанное Карамзиным... исключало отдельные издания рукописей и при котором, естественно, не могло быть слова о сохранении всех оттенков их правописания, столь важных для филологических исследований» (Бычков А. Ф. Обзор хода издания летописей в России.— ЖМНП, 1860, № 1, отд. 2, с. 19—20). Это высказывание повторено и позже: «Предложение Карамзина исключало, таким образом, отдельные издания рукописей

отмечал А. Ф. Бычков. Это не означало, конечно, что исследователи не обращали на них внимания. Например, историк Н. Г. Устрилов высоко оценил предложение Н. М. Карамзина о способе издания русских летописей. По его мнению, «развитие мысли Карамзина есть выражение общего желания всех людей просвещенных. Чтобы исполнить ее, необходимо: 1) вникнуть в характер летописей и 2) вывести из оного начала план предлагаемому изданию»¹⁷. На основе изучения предыдущего опыта он пришел к выводу, что «не возможно издать летописи в виде одного свода по методе Шлещера», а с другой стороны, «бесполезно было бы печатать каждую из них отдельно»¹⁸, так как в первом случае препятствием была бы разность содержания, а во втором — одно и то же содержание повторялось бы многократно.

На практике это предложение реализовал, развил его применительно к некоторым летописным сводам А. Ф. Бычков, что послужило одним из важных оснований для его избрания в члены Российской академии наук по отделению русского языка и словесности.

Бычков сформулировал правила публикации, согласно которым дополненный из других источников текст списка отдельного летописного свода, «принятого за основной, мог быть восстановлен в том самом виде, в каком он находится в рукописи», указал на необходимость этими правилами «руководствоваться и на будущее время относительно тех списков, которые при издании будут приняты за основные»¹⁹. Специалист в области истории языка И. И. Срезневский придал правилам Бычкова литературную форму, удовлетворяющую даже неспециалистов²⁰. Таким образом, над правилами издания летописи работали историки, литературоведы, лингвисты.

и не имело в виду, конечно, сохранение всех оттенков их правописания, столь важных для филологов» (Андреев А. И. Указ. соч., с. 84). На самом деле у Н. М. Карамзина речь шла о ненужности печатания одного содержания многократно. Из цитированного отрывка ясно видно, что он высказывался за обозначение различий в текстах. Как это сделать, он не указал, это уже заслуга других исследователей.

¹⁶ Бычков А. Ф. Указ. соч., с. 18.

¹⁷ Устрилов Н. Г. Предложение об издании русских летописей и государственных актов.— ЖМНП, 1837, № 2, отд. 2, с. 346.

¹⁸ Там же, с. 347—348.

¹⁹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1859, т. 8, с. VIII. Прием А. Ф. Бычкова находит применение и в современной науке. Д. С. Лихачев подтвердил это в следующих словах: «...при наличии многих списков текст можно корректировать по другим спискам» (Лихачев Д. С. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников, с. 192). Надо только сделать ограничение этому выводу. Целесообразно корректировать те списки, которые относятся к одному историческому периоду. Списки же разновременные, отдаленные друг от друга значительным промежутком времени, принято печатать отдельно, поскольку они отражают особенности эпохи, к которой относятся.

²⁰ Срезневский И. И. Записка об ученых трудах А. Ф. Бычкова.— В кн.: Академик Афанасий Федорович Бычков. Пятидесятилетняя ученая его деятельность. 1840—1890. СПб., 1890, с. 14—15. Более раннюю публикацию записки см. в кн.: Отчеты имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1852—1865 гг. СПб., 1866.

И вовсе не случайно Бычков как член Археографической комиссии ставил задачу удовлетворить своими изданиями самые разнообразные исследовательские интересы: и лингвистов, и литературоведов, и историков. В этом он находил поддержку²¹. Правила издания летописей были применены к изданию произведений писателей нового времени. Литературовед А. Л. Гришунин пишет: «Эта новая система (система Бычкова.— В. Ф.) была успешно применена Гротом к сочинениям Державина»²². «Археография выработала свои приемы подготовки к печати архивного материала, и текстология заимствует их у нее»²³, — подтверждает другой литературовед. Надо только заметить, что текстология ничего не заимствует у археографии. У нее другие задачи: установление текста, изучение его истории. Археография же занимается подготовкой текстов к печати, а поскольку эдиционная техника занимается тем же, то она и заимствует опыт издания исторических источников. В этой связи, по-видимому, гораздо более точным является положение, согласно которому «к эдиционной технике можно отнести лишь вопросы, не связанные непосредственно с установлением текста (как-то: типы изданий, расположение произведений в изданиях, справочный аппарат и т. п.)»²⁴. В этом высказывании ограничиваются понятия текстологии и эдиционной техники. В силу такого ограничения речь может идти о заимствовании правил издания, разработанных в археографии, эдиционной техникой, а не текстологией.

Заимствование правил и наличие изданий текстов, удовлетворяющих специалистов разного профиля²⁵, — важные свидетельства единства научной отрасли по подготовке текстов к публикации.

Единство публикаторской отрасли не нарушается тем, что она разрабатывается историками-археографами, историками-литературоредами, историками-лингвистами, историками-юристами и т. д.

О единстве публикаторской отрасли свидетельствуют ее правила. Так, в 1919 г. Петроградским отделением ГАУ РСФСР утверждены первые общие «Правила издания документов». Они были подготовлены комиссией при участии А. А. Шахматова, С. Ф. Платонова, В. Г. Дружинина. В пункте I этих правил сказано: «1. Печатные

²¹ Так, К. Н. Бестужев-Рюмин считал филологическое издание памятников единственно правильным. Говоря об издании летописей в XVIII в. и начале XIX в., он отмечал, что «филологи уже не могут смотреть на это издание с полным доверием», так как при издании изменялось правописание, подновлялся слог, искажался текст (*Бестужев-Рюмин К. Н. Современное состояние русской истории как науки.— Московское обозрение, 1859, № 1, с. 57*). Такого рода издания сокращают количество возможной информации для историков и языковедов.

²² Гришунин А. Л. Очерк истории текстологии.— В кн.: Основы текстологии. М., 1962, с. 41.

²³ Прохоров Е. И. Текстология. М., 1966, с. 87.

²⁴ Бухштаб Б. Я. О природе текстологии и проблеме выбора основного текста.— Рус. лит., 1965, № 3, с. 125.

²⁵ Известно, что М. Н. Тихомиров выступал за расширение публикаций источников фотографическим способом, который равным образом удовлетворяет и лингвистов, и литературоведов, и историков, особенно если воспроизводит все цвета оригинала, а не дает только черно-белое изображение.

издания документов и целых их групп имеют целью дать материал для исследований исторических, историко-юридических, историко-географических, за исключением лингвистических и палеографических, для которых предпочтительно издание памятников фотомеханическими способами». В то же время «Правила» предусматривали нужды лингвистов и палеографов. Пункт 13 гласил: «Документы, требующие по своему исключительному значению палеографического воспроизведения, издаются фотомеханическими способами»²⁶.

В последнее время снова заостряется вопрос «о развитии правил публикации с соблюдением норм заинтересованных дисциплин — истории, литературоведения и лингвистики»²⁷.

Казалось бы, все ясно: в правилах издания письменности может быть предусмотрено удовлетворение потребностей всех специалистов, если их надлежащим образом разработать. И незачем создавать особые публикаторские науки для литературоведов, историков, лингвистов. Единая отрасль подготовки текстов к печати вполне возможна и необходима.

Что же препятствует ее обоснованию? Ответ на этот вопрос может быть дан в ходе обзора мнений, т. е. путем выявления воздействий субъективного элемента на объективный процесс дифференциации наук. Субъективизм прежде всего выражается в расширении предметов отдельных дисциплин. Не избежала этого, в частности, и палеография²⁸. Ту же проблематику разрабатывают архивисты, включив ее в архивоведение. Именно так поступил Ш. К. Чхетия. По его мнению, археография — раздел архивоведения, имеющий целью «разработку научных принципов публикации документальных материалов. Она устанавливает приемы и методы выбора и установления текста, приведения текста в исправный вид и составления к нему подстрочных примечаний, заголовка, легенды, комментирования текста и составления справочного аппарата

²⁶ Правила издания документов.— В кн.: Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921, вып. I, с. 118—119.

²⁷ Пашуто В. Т. От редактора — В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 5. Подробнее об этом см.: Щапов Я. Н. Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права.— Там же, с. 8—21.

²⁸ Так, говоря о большой потере времени при работе историка с рукописями, один из профессоров Киевского университета писал: «К счастью, теперь рукописи могут быть заменены печатными изданиями, сделанными знатоками-палеографами, которые исполнили за историка всю эту предварительную работу изучения памятников по рукописям. В их изданиях он может найти и подробное описание всех сохранившихся рукописей, и распределение их на классы, основной текст памятника, разночтения, снимки с важнейших рукописей и пр.» (Фортинский Ф. Опыты систематической обработки исторической критики.— Университетские известия, Киев, 1884, № 8, с. 14—15; Проблемы палеографии излагались параллельно с вопросами издания памятников и в советской литературе. См.: Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966).

к нему»²⁹. Объединение археографии с архивным делом закреплено в учебниках³⁰.

Такое положение сложилось исторически. Еще в начале XIX в. перед археографическими экспедициями П. М. Строева ставилась задача разнообразного изучения древнерусской письменности. Археография и архивоведение тогда не различались. Археограф, приступая к выявлению и разработке материалов, зачастую сам не только описывал, но и нумеровал листы архивных дел и т. п. После самоопределения архивоведения весь комплекс работ археографии стали включать в его предмет. Понятия археографии, сложившиеся в XIX в., влияли на обоснования понятий более позднего времени. При этом археография понималась расширительно. К ее предмету относили критическое изучение памятников.

Например, термином «археография» и в начале XX в. продолжали обозначать «процесс претворения памятника в исторический источник»³¹. «Сохранить памятники от разрушения истории, дать хорошее описание их, определить подлинность и современность рукописи и дать критически проверенный текст ее — вот задача археографа». В другом месте тот же автор перечисленные функции отнес к важнейшим задачам каждого истинного архивариуса, к задачам «цикла наук археологических»³².

Расплывчатость терминологии и отсутствие четкого разграничения понятий, включение одной отрасли в предмет другой — все это субъективные тормоза на пути складывания единой публикаторской отрасли.

В советской литературе включение одной отрасли в предмет другой стало встречать нарастающий отпор. По мнению Н. Ф. Бельчикова, археография «должна устанавливать подлинность документа»³³. Эта мысль не привлекла особого внимания. Подобное же утверждение А. А. Шилова, который отнес к археографии проблему установления текста³⁴, вызвало критику. Редактор его книги

²⁹ Чхетия Ш. К. Основы советского архивоведения. Краткое изложение вводной главы книги.— Вопр. архивоведения, 1959, № 3, с. 59.

³⁰ Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1958. В более позднем издании учебного пособия археография исключена из теории и практики архивного дела, но оставлена в архивоведении, которое трактуется комплексом наук. В этот комплекс включаются: теория и практика архивного дела, документоведение, история государственных учреждений, история архивного дела, археография (См.: Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1966, с. 7—13). Идея архивоведческого комплекса наук высказана И. Ф. Колесниковым, но он не включал в этот комплекс публикацию источников. См.: Колесников И. Ф. Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы.— Архивное дело, 1940, № 2, с. 16.

³¹ Колесников И. Ф. Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника. М., 1914, с. 19.

³² Там же, с. 4, 8. Отождествление обязанностей археографов и архивистов продолжалось и далее. Их работа сводилась к составлению описей отдельных дел и целых фондов. См.: Рождественский С. Историк — археограф — архивист.— Архивное дело, 1923, вып. 1, с. 1—10.

³³ Бельчиков Н. Ф. Теория археографии. М.; Л., 1929, с. 60.

³⁴ Шилов А. А. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в./Под ред. Г. Д. Костомарова. М., 1939.

Г. Д. Костомаров в предисловии сформулировал задачу археографии: «научно обобщить теорию и практику обработки документов». По этому поводу С. Н. Валк справедливо заметил, что «поставленные Г. Д. Костомаровым и А. А. Шиловым задачи далеко выходят за пределы археографии». Это прежде всего «разделы, посвященные критике текста, критике происхождения и критике показаний»³⁵. Все перечисленные проблемы составляют содержание текстологии и исторической критики.

То обстоятельство, что археографы, начиная подготовку текстов к изданию, зачастую не имеют готовых результатов исследований, что им самим нередко приходится устанавливать тексты, датировать их, комментировать и т. п., свидетельствует лишь о росте квалификации публикаторов, овладевающих всем комплексом источниковедческих знаний, и о тесной связи смежных дисциплин. Однако тесная связь и зависимость дисциплин друг от друга не исключают, а, наоборот, предполагают их ограничение друг от друга, чтобы предмет каждой из них имел свои собственные задачи. Иначе понятия становятся расплывчатыми.

Так, употребляя термин «археография», многие и сейчас понимают предмет, обозначенный им, как описание рукописей³⁶. Это относится к специалистам разных профилей: литературоведам, историкам, лингвистам. «Одной из важнейших задач археографической работы является собирание, хранение и описание древних русских рукописей», — сказано в информационном отчете М. А. Салимовой и Н. С. Сарафановой о IV Всесоюзном совещании по древнерусской литературе, состоявшемся в Ленинграде 27—30 мая 1959 г.³⁷ Обратите внимание, что даже хранение отнесено к археографии. Об археографических поисках памятников древнерусской литературы писали и другие исследователи³⁸.

Появилась мысль о тождестве описательной проблематики археографии с информационными задачами. «Археография, подобно информатике, имеет дело также с научной, но главным образом ретроспективной информацией»³⁹, — говорится в одном из наблюдений. Справедливость этой мысли не поколеблена попыткой опровергнуть ее замечанием о том, что будто бы в действительности «археография имеет дело не с научной информацией, а с историческими документами, как первоисточниками, которые отражают факты и события прошлого»⁴⁰. Иметь дело с историческими документами — значит иметь дело с той или другой информацией. Если в археогра-

³⁵ Архивное дело, 1940, № 3, с. 86—87.

³⁶ Черных В. А. Вопросы описания древних рукописей. Совещание в Ленинграде. — История СССР, 1973, № 5, с. 223—225.

³⁷ Исторический архив, 1959, № 6, с. 190.

³⁸ Лукьянин В. В. Археографические поиски 1961 и 1967 гг. в Даниловском и Пошехонском районах Ярославской области. — Вопр. архивоведения, 1964, № 1, с. 59—60; Бегунов Ю. К. Археографические экспедиции Института русской литературы в 1961 году. — Вопр. архивоведения, 1962, № 1, с. 80 и др.

³⁹ Арапова Л. И., Рудельсон К. И. Новый этап развития советской археографии. — Вопр. истории, 1971, № 6, с. 68.

⁴⁰ Селезнев М. С. Теория и методика советской археографии, с. 14, 15.

фию включается учет, систематизация, научное описание, то эти проблемы, куда бы мы их ни отнесли, направлены на решение задач информационного характера. В то же время они направлены на сохранность материалов. Наличие информационных задач в предмете археографии и в предмете информационной науки требует их упорядочения, чтобы родственные задачи разрабатывались одной отраслью, которая специально для этого создана. Например, сборник документов, выпущенный археографами, становится предметом информации. Обзоры документальных публикаций — это уже не предмет археографии, ведающей процессом их подготовки, а предмет научной информации.

Упорядочение понятий информатики, архивоведения, палеографии и других отраслей требует, чтобы в каждую отрасль относились только те задачи, которые свойственны ей одной и не входят в другие. Такое методологическое правило применимо и к публикаторской отрасли. «Археография является специальной дисциплиной,— пишет М. С. Селезнев,— так как круг проблем, которыми она занимается, составляет ее специфическую особенность, ни одна другая дисциплина эти проблемы специально не исследует»⁴¹. Исходные предпосылки приведенного высказывания верны. Но тот же автор отстаивает прямо противоположную идею расширения предмета археографии за счет смежных дисциплин. «Неправильно также главную цель археографии ограничивать лишь разработкой теории и методики издания документов»⁴², — говорится в его работе. Более конкретно эта мысль раскрыта в следующей полемике: «Д. С. Лихачев полагает неправильным включение текстологии в предмет археографии... Однако, на наш взгляд, с этим согласиться нельзя. Вопросы текстологии органически связаны с предметом и задачами археографии и входят в нее в качестве крупного самостоятельного раздела»⁴³ и т. д. Включение текстологии в предмет археографии автору показалось недостаточным, и он выражает недовольство тем, что в третьем издании Большой Советской Энциклопедии археография трактуется как «специальная историческая дисциплина, разрабатывающая теорию и практику издания письменных исторических источников». «Задача изучения истории археографии из этого определения исключена. С этим, конечно, нельзя согласиться, ибо не может быть теории и методики, а также практики без истории»⁴⁴. Между тем М. В. Нечкина определила предмет историографии как «историю развития ряда самостоятельных исторических дисциплин, историю археологии, этнографии, исторической географии, дипломатики, хронологии, нумизматики, сфрагистики, метрологии, генеалогии и геральдики, исторической библиографии, истории архивов и музейного дела и ряда других дисцип-

⁴¹ Там же, с. 10.

⁴² Там же, с. 15.

⁴³ Там же, с. 95.

⁴⁴ Там же, с. 12.

лин»⁴⁵. Естественно, что в этот ряд входит и история разработки способов публикации документов.

Следовательно, включить историю археографии в предмет отрасли по изданию письменности — это значит лишать историографию части своего предмета. Ведь известно же, что наряду с физикой, химией, биологией и многими другими естественными науками создана особая дисциплина — история естествознания. «Только сохранив свою особую, самостоятельную исследовательскую функцию, а следовательно, существуя как особая самостоятельная отрасль знания, она может быть полезной и нужной общей истории и философии. Но прежде всего она необходима естествознанию»⁴⁶. Какие основания имеются для того, чтобы ставить иначе проблему предмета археографии по сравнению с естественными науками? Нам кажется, что таких оснований пока нет. Объединение науки с ее историей — не единичное явление, не ошибка данного автора. Подобный подход имеет место и в других отраслях⁴⁷, а потому и нуждается в обстоятельный анализе. В литературе пока накапливаются лишь отдельные возражения против объединения истории публикаций с предметом археографии⁴⁸.

Включение истории археографии в предмет публикаторского дела сопровождается спорным объяснением самого понятия «история археографии». Так, в учебном пособии по истории советской археографии дан обзор публикаций с 1917 по 1967 г.⁴⁹ Публикации обозреваются в форме кратких аннотаций их содержания. Между тем в связи с развитием информационной науки в особую отрасль знаний такой обзор следовало бы отнести к информатике, оставив в понятии «история археографии» лишь историю разработки правил издания документов и практическое их применение в различных публикациях.

Некоторые историки могут возразить, сославшись на precedents прошлого, что обзор публикаций относился к археографии. Известно, например, что С. Н. Валк посвятил большой труд развитию советской археографии. В нем он дал обзор публикаций, хотя на-

⁴⁵ Нечкина М. В. История и историки: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки).— В кн.: История и историки. М., 1965, с. 9. Эта мысль подготовлена рядом обобщений, в которых история издания источников рассматривалась как часть истории исторической науки (См.: Алексеева Г. Д. Возникновение советской исторической науки.— История СССР, 1960, № 1, с. 94; Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1965, ч. 2, с. 3).

⁴⁶ Микулинский С. Р. Современное состояние и теоретические проблемы истории естествознания как науки.— Вопр. философии, 1976, № 5, с. 79.

⁴⁷ Ср. со следующим высказыванием: «Следовало бы считать важным структурным элементом литературной науки и ее собственную историю, изучение которой ныне не пользуется необходимым вниманием» (Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969, с. 91).

⁴⁸ Варшавчик М. А., Яковлев С. А., Моисеев О. В., Черноморский М. Н. Предмет, метод и задачи археографии: (О новом учебном пособии), с. 97—99; Козлов О. Ф. К вопросу об определении предмета советской археографии: (Историографические заметки).— Сов. архивы, 1976, № 2, с. 32—39.

⁴⁹ История советской археографии. М., 1966—1967. Вып. 1—6.

ряду с обзором, но в меньшей мере затронул и другие вопросы⁵⁰. Однако такой пример не есть форма доказательства или обоснования предмета отрасли по подготовке текстов к изданию. Ссылка на предшественников имеет силу только тогда, когда она соответствует общему процессу развития всей системы наук. В противном же случае такая ссылка может подтверждать лишь субъективное мнение, а не развитие научной отрасли. Вот один из характерных примеров такого рода обоснований археографии. «По нашему мнению,— пишет В. А. Черных,— определить собственный предмет археографии возможно лишь в том случае, если понимать под археографией научную дисциплину (и отрасль научной деятельности), связанную не только с публикацией документов (письменных памятников), но также и с их разысканием, собиранием, описанием, то есть со всем циклом специфических работ над данным памятником от его обнаружения до введения в научный оборот. Напомню в этой связи, что, когда родоначальник русской археографии П. М. Строев предпринимал в 20-е — 30-е годы прошлого столетия первые археографические экспедиции и создавал Петербургскую археографическую комиссию, понятие археографии включало все названные стороны работы с письменными памятниками»⁵¹. Ссылка на П. М. Строева для обоснования предмета археографии неуместна. Описание рукописей производили и другие исследователи. К. Ф. Калайдович разработал правила описания документальных материалов. До археографических экспедиций Строева создавались и правила издания источников. Собирательская работа также не изобретение Строева. Все это показывает, что необходима критика устаревших и неправильно введенных понятий. «Специфичность археографического подхода, его отличие от подхода источниковедческого,— пишет Черных,— заключается, по нашему мнению, в том, что археография рассматривает рукописи, книги, документы не столько как источники по истории тех или иных общественных явлений и процессов, сколько как памятники истории и культуры, представляющие самостоятельную научную и культурную ценность, и которые поэтому необходимо найти, учесть, сохранить, описать, издать»⁵². Найти, учесть, описать — задача информации, сохранить — задача архивов, библиотек, музеев. Издать — область отрасли по изданию памятников. Изучение памятников в целом как продуктов культуры может взять на себя история литературы. Стало быть, нет надобности в такого рода дисциплине, которая дублирует другие отрасли.

Таким образом, в деле обоснования предмета археографии как бы ускользнули из поля зрения объективные показатели развития предметов смежных дисциплин. С помощью удобного словечка «перекрецывание» допускалось включение одной отрасли в другую:

⁵⁰ Валк С. Н. Советская археография. М.; Л., 1948.

⁵¹ Черных В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин.— Сов. архивы, 1976, № 6, с. 50.

⁵² Черных В. А. Археография и текстология.— В кн.: Археография Южного Урала. Уфа, 1976, с. 62—63.

«...области археографии и текстологии в значительной степени перекрещиваются. У них есть по меньшей мере две общие области: установление текста рукописи и методика воспроизведения этого текста при издании. В них задачи археографии и текстологии почти полностью совпадают»⁵³. Автор стремится подчеркнуть тот факт, что «при прочтении, описании и издании письменных памятников археографические методы их изучения тесно переплетаются и взаимодействуют с палеографическими и текстологическими методами»⁵⁴. При прочтении и установлении текста, конечно, взаимодействуют все накопленные знания. Но это еще не означает, что мы не должны отграничивать одно знание, одну науку от другой. Если мы не будем это делать, то каждое знание, каждая дисциплина превратится в конгломерат повторяющихся проблем. Понятия при таком подходе оказываются размытыми или такими, которые включают в свой состав понятия других отраслей.

Определив предмет археографии, В. А. Черных заявил, что он будто бы отчленил предмет археографии от предметов смежных дисциплин. На самом деле этого не произошло: предметы текстологии и палеографии оказываются включенными в предмет археографии, которая, в свою очередь, поглощается архивоведением.

На чем же основано мнение автора об отграничении предметов археографии и архивоведения? «Археография,— пишет В. А. Черных,— изучает сами памятники, а не такие их комплексы, как архивы, фонды, „дела“ и т. п. Здесь, по-видимому, проходит грань между археографией и архивоведением. Выявление и собирание отдельных памятников письменности — это археографическая работа; комплектование архивов целыми фондами документальных материалов учрежденческого или личного происхождения — это работа архивная. Точно так же описание документальных материалов, в котором единицей описания является дело, состоящее из многих документов,— это архивное описание; описание каждой рукописи или документа в отдельности — археографическое описание»⁵⁵. Из этого видно, что грань установлена между родственными, однотипными проблемами, но зато разнотипные проблемы (описание и издание памятников письменности) объединены в археографии. В этой связи закономерно другое разграничение. Собирание и сохранение различных документальных материалов — задача архивоведения в отношении и отдельных единиц, и целых комплексов. Описательная же работа как отдельных документов, так и дел и фондов — предмет информатики. В публикаторской отрасли при таком размежевании останутся задачи,ственные ей одной, которые не будут перекрещиваться с предметами смежных дисциплин.

И еще пример определения археографии. О. Ф. Козлов пишет: «...археография — вспомогательная историческая дисциплина, ко-

⁵³ Там же, с. 65.

⁵⁴ Черных В. А. О предмете археографии и ее месте в кругу смежных научных дисциплин, с. 50.

⁵⁵ Черных В. А. Археография и текстология, с. 64.

торая занимается анализом результатов археографической практики в ее историческом развитии и их теоретическим обобщением с целью создания научных основ для разработки методики публикации письменных источников»⁵⁶. Из такого определения следует вывод о разделении археографии на две самостоятельные дисциплины: одна охватывает теорию, другая — практику. «Выделение археографии в самостоятельную научную дисциплину, а издание письменных источников в отдельную область практической деятельности представляется вполне закономерным явлением, которое возникло как в результате роста самой издательской практики, так и в силу необходимости теоретического обобщения исследования данной практики»⁵⁷. Вопрос о выделении практики в особую дисциплину не относится только к области археографии. Принципы построения научных дисциплин — предмет логики. Поэтому приведенные рассуждения не могут служить убедительным доказательством в пользу разделения археографии на две дисциплины по признакам теории и практики. То обстоятельство, что теорией и практикой нередко занимаются разные исследователи, также не довод в пользу подобного разделения.

Теория и практика существуют в рамках всякой научной отрасли⁵⁸.

Приведенные примеры обоснований археографии служат наглядным доводом в пользу единой публикаторской отрасли, в которой объединяются однотипные проблемы смежных дисциплин и отсеиваются из ее состава задачи других наук. Могут, однако, сказать, что эдиционная техника в литературоведении подготавливает текст для широкого читателя, а не в качестве исторического источника. Это действительно так. Но поскольку речь идет о научном издании текста, то оно и есть источник для науки, как и исторический источник. К тому же среди текстов для читателей имеются академические, которые позволяют восстановить текст, взятый за основу публикации, и его дополнения.

Таким образом, основными аргументами в пользу единой отрасли по подготовке текстов к изданию являются следующие: заимствование правил издания текстов искусственно разобщенными отраслями — эдиционной техникой у археографии и наоборот: наличие изданий текстов, удовлетворяющих специалистов разного профиля; возможность объединения в единой отрасли однотипных публикаторских проблем и отсева из ее состава задач других наук.

⁵⁶ Козлов О. Ф. Указ. соч., с. 39.

⁵⁷ Там же, с. 37.

⁵⁸ О. Ф. Козлов ссылается на статью автора данной работы, где, по его мнению, предмет археографии ограничивается лишь проблемой повышения научного уровня публикаций и исключается «процесс издания письменных исторических источников» (Козлов О. Ф. Указ. соч., с. 35). Однако там сказано, что публикаторские функции «составляют основное существо предмета» Фарсобин В. В. К определению предмета источниковедения.— В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. 2, с. 434). Необходимо уточнить высказывание Козлова в том смысле, что речь в рассматриваемой отрасли должна идти не об издании, а о подготовке к изданию.

Вероятно, аргументация в пользу единой публикаторской отрасли может быть продолжена. Приведенных же материалов достаточно, чтобы сосредоточить внимание на нерешенных вопросах. К их числу относится соотношение единой публикаторской отрасли с источниковедением (в том числе лингвистическим), исторической наукой, литературоведением, текстологией, исторической критикой, палеографией.

Соотношение отрасли по подготовке текстов к изданию с источниковедением может быть определено по принципу связи с ним дисциплин, рассмотренных в предыдущих главах. То же самое относится к ее взаимосвязям с текстологией.

М. С. Селезнев разработал «принцип взаимосвязи», который позволяет относить текстологию то к предмету археографии, то к предмету источниковедения. «В тех случаях, когда текстологический анализ носит самостоятельный характер и не связан непосредственно с задачами публикации, он входит как составная часть в историческое источникование (анализ текста исторического источника) либо в источникование истории литературы, если анализируется текст художественного произведения (история создания, анализ вариантов, редакций и др.)»⁵⁹. В тех случаях, когда текстологический анализ связан с задачами публикации, он составляет предмет археографии. Таким образом, археография рассматривается в нашей литературе как наука, параллельная источниковедению⁶⁰, на том основании, что обе отрасли занимаются одними и теми же проблемами. Разница состоит лишь в том, что археография изучает документы в целях их публикации, а источникование — для других потребностей историков. Однако уместно спросить: правомерно ли такое соотношение? Необходимо ли всегда ставить вопрос об изучении публикуемых текстов в период подготовки их к изданию? В этой связи напомним об острой полемике, которая имела место среди литературоведов древней и новой литературы. В числе других вопросов обсуждался и такой: издавать ли тексты изученными текстологически, или возможно издание неизученных материалов. Он возник в связи с опубликованием книги Д. С. Лихачева, в которой говорилось: «Сперва изучить историю текста и потом издавать, а не сперва издавать и потом по этому изданию изучать историю текста произведения»⁶¹. Между тем, как отмечал С. Н. Азбелев, в практике имело место издание текстов неизученных⁶². Мысль о предварительном изучении текстов была поддержана с весьма существенными оговорками: «Совершенно прав Д. С. Лихачев, когда выдвигает принцип „сначала изучать, потом издавать“

⁵⁹ Селезнев М. С. Текстология и ее роль в советской археографии: Учебное пособие. М., 1977, с. 4.

⁶⁰ Сов. ист. энцикл., 1963, т. 3, с. 837; БСЭ. 2-е изд., 1953, т. 19, с. 44—45; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955—1965. Т. 1—4; Стрельский В. И. Источниковедение истории СССР. М., 1962, и др.

⁶¹ Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964, с. 8.

⁶² Азбелев С. Н. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина.— История СССР, 1966, № 4, с. 106.

Но и обратное в известной мере имеет основание: издание закрепляет определенный этап изучения и открывает новый»⁶³, — справедливо писал А. Л. Гришунин.

Изучение текстов перед изданием — это, конечно, идеальное предложение, но оно не всегда осуществимо. Нередко случается, что нужные материалы для такого изучения еще не выявлены. Известно, например, что многие труды В. И. Ленина текстологически не изучены, хотя и напечатаны. Предстоит еще изучать источники произведений В. И. Ленина, способы их использования. Особенно нуждаются в изучении тексты, рукописи которых не сохранились или их не было совсем: устные выступления в форме газетных отчетов, стенографические записи.

Одной из задач отрасли по подготовке текстов к изданию, по-видимому, является решение вопросов: в какой мере необходимо текстологическое изучение памятника при подготовке его к изданию? В какой мере исследовать достоверность показаний источников перед их публикацией? А если потребуются такого рода изучения, то они уже будут относиться к предметам текстологии и исторической критики.

В данном случае проблема определения целесообразности и объема изучения памятника в процессе подготовки его к изданию важна для установления связи публикаторской отрасли с другими частями источникования. Если в археографию включается текстологическое, палеографическое изучение памятников и всякое другое их познание, то взаимосвязь ее с источниковедением определяется на уровне колеблющегося «принципа взаимосвязи», параллелизма или переплетения предметов наук. В третьем издании Большой Советской Энциклопедии находим такое определение археографии, которое сделал И. А. Булыгин: «...археография во многом связана с палеографией»⁶⁴, тесно связана с филологией, источниковедением, текстологией, дипломатикой, архивоведением и другими отраслями. Это очень неясное соотношение. Оно соответствует расплывчатости каждого термина и понятия из числа упомянутых.

Освобождение публикаторской отрасли от инородных задач позволяет прояснить ее связи с источниковедением и смежными дисциплинами как части среди других частей познания и приведения в известность памятников. Единая отрасль по подготовке текстов к изданию, к которой относятся соответствующие проблемы из археографии, текстологии и лингвистического источникования, становится лишь частью источникования, поскольку она освобождается от не свойственных ей задач по изучению письменности: то ли описательных, то ли связанных с вопросами изучения текста, его достоверности и т. д.

Установление такой взаимосвязи не произвольно. Оно опирается на предыдущий опыт. Известно, что и в прошлом публикация документов рассматривалась в числе важнейших проблем источни-

⁶³ Гришунин А. Л. К спорам о текстологии.— Рус. лит., 1965, № 3, с. 143.

⁶⁴ БСЭ. З-е изд., 1970, т. 2, с. 280.

коведения как области «определенных источниковедческих разведок»⁶⁵. Термин и понятие «лингвистическое источниковедение» также свидетельствуют об отношении публикаторской работы к общему понятию источниковедения как части к целому. В противном случае незачем было бы включать лингвистическую публикацию в источниковедение.

Единая публикаторская отрасль относится к исторической науке, лингвистике, литературоисследованию и историографии и другим дисциплинам так же, как библиография или информатика соотносится с ними. Она развивает свою собственную проблематику, обслуживая тем самым любую науку или искусство, которые в ней нуждаются.

В то же время задачи публикаторской работы не перекрещиваются с задачами смежных отраслей, как это имело место в археографии.

Несколько замечаний об основных понятиях единой отрасли по подготовке исторических источников к изданию — основной текст и типы изданий. Посмотрим, как обосновываются эти понятия. Есть мнение, согласно которому «канонический текст существует только в текстологии литературных произведений; тексты исторических памятников могут быть канонизированы только в исключительных случаях. Канонизация текста не соответствовала бы духу исторического исследования. Мы не имеем права канонизировать текст исторического источника хотя бы из-за того, что источник перестал бы существовать. Историк не может ограничиваться одним текстом, если текстов несколько»⁶⁶ и т. д.

Но и литературовед не может ограничиваться одним текстом. Один текст удовлетворяет лишь читателя, который не является специалистом ни в области истории, ни в литературоисследовании, ни в лингвистике. Между тем термину «канонический текст» в археографии соответствует термин и понятие «основной текст». «Вопрос о выборе основного текста встает перед археографом именно в тех случаях, когда документ имеет не один источник текста, а два и более (например, несколько списков — копия одной и той же летописи; подлинник и отпуск, беловик и черновик и т. д.)»⁶⁷.

В чем состоит сходство и различие в понятиях «канонический текст» и «основной текст»? С одной стороны, возможно наблюдать отождествление понятий и терминов «канонический» и «основной» текст⁶⁸. С другой стороны, дается такое определение, которое неизбежно ведет к различиям. «Канонический текст,— пишет Е. И. Прохоров,— термин текстологии, означающий подлинно авторский текст в его последней редакции, общепринятый для всех изданий этого произведения на данной ступени изучения источников текста. Канонический текст есть конечный результат

⁶⁵ Попов А. К вопросу о наших публикациях исторических документов.— Архивное дело, 1935, вып. 3, с. 53.

⁶⁶ Лихачев Д. С. Задача эстетической оценки при подготовке канонического текста литературного произведения.— *Ceská Literatura*, 1966, R. 14, č. 1, s. 20.

⁶⁷ Селезнев М. С. Теория и методика советской археографии, с. 97.

⁶⁸ См. упомянутые выше работы А. Л. Гришунина.

научной критики текста, проводимой при подготовке его к изданию»⁶⁹. Из такого определения видно, что канонический текст — результат текстологического исследования по установлению подлинно авторского текста. Если текстологическое изучение подготовляемого к печати памятника письменности проведено и авторский текст считается установленным, то результатом этой работы в равной мере может воспользоваться и эдиционная техника, и археография. Однако приведенное высказывание любопытно еще и тем, что автор, относя термин «канонический текст» к текстологии, тем самым не разграниил понятий текстологии и эдиционной техники. Свое внимание он устремил на ограничение понятий текстологии, совокупной с эдиционной техникой, и археографии.

Е. И. Прохоров установил различие между ними следующим образом: «Специфика публикации рукописи как архивного документа по сравнению с изданием имеющегося в ней текста как художественного произведения состоит прежде всего в методах отражения состояния текста в данном источнике. Это определяется разным назначением изданий: архивная публикация имеет целью дать материал для исследователя литературы, текстологическая — дает текст для чтения. Поэтому архивист не устанавливает текст, он просто публикует рукопись; текстолог же готовит текст, т. е. производит критику текста»⁷⁰. В силу такого различия канонический текст рассчитан на массового читателя, а основной текст предназначается для исследователей литературы и историков разного профиля, включая источниковедов. Вероятно, можно и так понимать термин «канонический текст». Только тогда объединять термины «канонический текст» и «основной текст» в одно понятие уже нельзя: канонический текст есть результат изучения нескольких списков или подлинников, а основной — тот, который кладется в основу издания и изучения и корректируется по другим спискам. Впрочем, мы не настаиваем на таком различии, а лишь хотим сказать, что оно вытекает из распространяемых понятий. Больше того, совершенно необходимо подчеркнуть, что различий между терминами и понятиями «канонический текст» и «основной текст» может и не быть, если не считать каноническим результат изучения, а именно основной текст среди ряда подлинников и списков. Ведь результат изучения не всегда может быть каноническим. Об этом свидетельствует и вышеприведенное определение, в котором сказано, что каноническим считается текст, «общепринятый для всех изданий этого произведения на данной ступени изучения источников текста». Ступеней может быть много. Следовательно, много может быть и канонических текстов. Основной же текст может быть каноническим, но не всякий канонический — основным. Все это лишь материал для размышлений. Мы же будем пока придерживаться различий в понятиях «канонический текст» и «основной текст».

⁶⁹ Прохоров Е. И. Канонический текст.— В кн.: Словарь литературоведческих терминов. М., 1974, с. 120.

⁷⁰ Прохоров Е. И. Текстология, с. 88.

Если термин и понятие «канонический текст» относить к предмету литературоведения, то термин и понятие «основной текст» надо бы отнести к эдиционной технике издания или единой отрасли по изданию письменности. Такое размежевание целесообразно именно потому, что канонический текст претендует на результат текстологической работы, тогда как основной текст не претендует на это, хотя и не исключает изучение. Если публикация действительно научная то различия основного текста и других подлинников и списков отражаются в ее научном аппарате, что вполне устраивает историков, литературоведов и лингвистов. Стало быть, ограничение понятий «канонический текст» и «основной текст» не является препятствием для обоснования единой публикаторской отрасли, а, наоборот, способствует объединению разобщенных публикаторских направлений, поскольку основной текст служит способом воспроизведения в публикации разнотечений и сохранения особенностей каждого источника.

Теперь о типах изданий. «Как известно, существует несколько типов изданий исторических источников и литературных памятников,— пишет Д. С. Лихачев,— во-первых, издания факсимильные, во-вторых, издания дипломатические, в-третьих, издания критические и, в-четвертых, научные реконструкции текста»⁷¹. Число типов и их названия требуют уточнения. Ведь известны же публикации письменности в извлечениях. Исключать этот тип издания, по-видимому, не следует. Некоторые исследователи считают, что публикация в извлечениях — не тип издания, а способ подачи материала. Как ни называть издание письменности в извлечениях — «тип» или «способ», остается главное — такого рода публикации не перестают существовать. Они нужны наряду с другими. Все дело в том, как публиковать в извлечениях!

В приведенном перечне типов изданий нет строгого классификационного принципа деления. Публикуемые материалы, как это убедительно показал в цитированной статье Д. С. Лихачев, во всех типах при их подготовке к изданию в какой-то мере изучаются критически. Даже факсимильное воспроизведение может сопровождаться пояснениями целесообразности выбора того или другого текста, что невозможно сделать без предварительного изучения. Тот тип, который назван дипломатическим, предусматривает точное воспроизведение текста средствами полиграфии. «Он требует от археографа превосходного знания языка источника, огромного опыта чтения рукописей, умения определить значение отдельных графических деталей, которые в иных типах изданий обычно опускаются, определить сокращение и выносные буквы, пунктуацию, расположение строк и т. д.»⁷². Следовательно, критическое изучение при подготовке текста к изданию присутствует и в этом типе, как и в других. Поэтому выделять критическое

⁷¹ Лихачев Д. С. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников, с. 190.

⁷² Там же, с. 191—192.

издание в особый тип, по-видимому, не следует. Поскольку критическое издание — это по существу воспроизведение текста в нескольких списках или оригиналах, то в классификационной схеме типов изданий целесообразно отразить именно это обстоятельство. С учетом его типы изданий можно было бы сгруппировать по следующей схеме. По способу воспроизведения издания разделяются на факсимильные и наборные, или полиграфические. В полиграфические входят: способы воспроизведения текстов в одном списке и оригинале; способы воспроизведения текста в нескольких списках и оригиналах; способы передачи документов в извлечениях — регесты; научные реконструкции текста. Вероятно, и эту классификационную схему возможно уточнить и подробнее детализировать. Сейчас важно подчеркнуть тот факт, что разработка и совершенствование типов изданий письменности вполне могут быть сосредоточены в рамках единой научной публикаторской отрасли. Само понятие «типы изданий» по своему характеру может принадлежать единой публикаторской отрасли. Оно отражает существующие реальные направления ныне разобщенных дисциплин и является родовым понятием для них.

И наконец, о наименовании. Учитывая то обстоятельство, что термин «археография» многозначен, для обозначения публикаторской работы было бы целесообразно воспользоваться литературоведческим термином «эдиционная техника» или просто выражением «подготовка к изданию текстов». «Стоит напомнить,— писал Валк,— что документы издавались у нас в достаточно значительном количестве во второй половине XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. и для обозначения этой деятельности термин «археография» никому тогда не требовался. Точно так же и на Западе не старались искать какого-либо термина, чтобы им заменить такое простое выражение, как издание документов»⁷³. Это выражение является термином. Термин «подготовка к изданию документов», состоящий из трех слов, несколько не хуже наименования «эдиционная техника» или «археография». Тот или другой термин может быть принят и утвержден каким-либо авторитетным совещанием по унификации терминологии.

Останется ли термин «археография» для обозначения публикаторской отрасли или будет принят какой-либо другой термин, главным моментом при этом должно быть правило: один термин — одно понятие. Наличие многих понятий, обозначаемых термином

⁷³ Валк С. Н. Судьбы «археографии». — В кн.: Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 464—465. Существуют разные версии о времени введения этого термина в России и о его авторе. Ср. то же сочинение С. Н. Валка (с. 456) с данными книги «Хрестоматия по археографии» (М., 1956, с. 145). О первоначальном употреблении термина «археография» в XVIII в. в мировой литературе см.: Вольф Ф. А. Очерк науки древности. СПб., 1877, с. 43. Введение термина «археография» оказало влияние на последующую литературу, а эпизодический характер его не принимался в расчет. В настоящее время термином «археография» обозначают еще и описание древностей в археологии для введения информации о них в компьютер и приравнивают его термину «компьютерная археология».

«археография», перекрещиваемость их с другими понятиями и создают условия его дискуссионности.

Единая публикаторская отрасль, состоящая из однотипных понятий археографии, эдиционной техники и лингвистического источниковедения, может быть самостоятельной отраслью в том смысле, что ее предмет не входит в предметную область других наук. Он заключается в разработке и практическом осуществлении правил публикации типов изданий по адресам применительно к задачам различных исследовательских направлений. Самостоятельность единой публикаторской отрасли заключается в том, что она не подменяет других отраслей.

Единая публикаторская отрасль, определяемая объективными категориями предметов смежных дисциплин, которые служат ее границами, состоит из следующих основных частей: теоретической стороны, в которой определяются цели и задачи отрасли, формы и типы изданий; практической части, где конкретизируется характер справочного аппарата в том или другом издании, разрабатываются принципы размещения публикуемых материалов, производится подготовка текстов к изданию.

Использование в публикациях данных других отраслей наук не является основанием для включения их в предмет публикаторской отрасли, что характерно для археографии, эдиционной техники и лингвистического источниковедения.

Таковы теория терминологии применительно к источниковедению и основные его понятия, многие из которых еще не упорядочены. Поскольку задача упорядочения понятий и терминов любой отрасли опирается на теорию классификации, необходим анализ ее принципов.

ГЛАВА IX

О КЛАССИФИКАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»

Основные обобщающие труды по проблеме классификации исторических источников направлены на раскрытие поисковых или информационных целей этого рода работы¹. Той же задаче подчинены и специальные историографические обзоры использования классификации в русской и советской исторической науке². Можно добавить, что и учебные классификации исторических источников преследуют информационную цель³. Общие вопросы классификации во всех этих случаях хотя и были представлены, но основывались на трудах философов и логиков, разрабатывавших эти проблемы вне рамок источниковедения⁴.

Может быть, отчасти именно поэтому в источниковедческой и архивоведческой литературе встречались утверждения о неосмыслимости «общего (и отсюда и частного, применительно к отдельным проблемам) значения классификации»⁵. До сих пор существует

¹ Рудельсон К. И. Современные документы классификации. М., 1973; Пушкин Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

² Пушкин Л. Н. Вопросы классификации источников в русской исторической науке XIX—XX вв.—История СССР, 1963, № 5, с. 79—93; Он же. Классификация источников в советском источниковедении (1917—1964).—Вопр. архивоведения, 1965, № 1, с. 22—30.

³ Так, А. М. Большаков, имея в виду книгу В. И. Пичеты «Введение в историю» (1923 г.), в которой даны классификация и обзор источников, писал, что она имела «своей целью служить руководством для первоначальной ориентировки в вопросах источниковедения и историографии в русской истории» (Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924, с. 291).

⁴ Розова С. С. Научная классификация и ее виды.—Вопр. философии, 1964, № 8, с. 69—79; Чупахин И. Я. Понятие и методы научной классификации объектов исследования.—В кн.: Вопросы диалектики и логики. Л., 1964, с. 55—72; Шрейдер Ю. А. Логика классификаций.—НТИ. Сер. 2, 1973, № 5, с. 3—7; Горкина Н. С., Кравченко Н. Д. Об упорядочении терминов «классификация» и «тезаурус».—Там же, 1974, № 11, с. 3—6; Панова Н. С., Шрейдер Ю. А. Принцип двойственности в теории классификации.—Там же, 1975, № 10, с. 3—10; Мейен С. В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификаций.—Вопр. философии, 1976, № 12, с. 67—79, и др.

⁵ Митяев К. Г. О месте, границах и основаниях классификации в советском архивоведении.—Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1962, т. 15, с. 174. Ср.: «До последнего времени не сформулированы цели и задачи, которые должны служить классификации» (Макаров М. К. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР.—Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1963, т. 17, с. 3). «Даже в специальной литературе до сих пор отчетливо не определено, каковы цели и значение классификации источников», «само значение классификации хотя и не отрицается, тем не менее вопрос о ее целях и задачах не поднимается совсем» (Пушкин Л. Н. Классификация русских письменных источников, с. 230).

вуют противоположные мнения о степени важности классификации исторических источников в источниковедении. Приведем два из них.

I

«Наиболее важной проблемой современного источниковедения является классификация источников. Причина этого — в многообразии документов нашего времени»⁶.

II

«Проблема классификации источников — это не основной вопрос источниковедения»⁷.

В первом суждении информационные задачи отнесены к предмету источниковедения. В этой связи классификация — наиболее важная проблема⁸. Автор второго суждения не рассматривал источниковедение в информационном плане. Классификация для него — не основной вопрос. Между тем распространено убеждение, что классификация «является необходимым и предварительным приемом при изучении источников»⁹. Основанием для него, по-видимому, является общее учение, в котором классификация определяется в форме весьма важного приема исследования¹⁰ или метода¹¹.

Однако не совсем ясно: классификация — это метод, прием исследования или только предварительный метод, предварительный прием? Если классификация — метод источниковедения, то она решает основные задачи этой отрасли, а как предварительный прием — нацеливается на разработку проблем вне рамок источниковедения. Недостаточная ясность целей классификации в источниковедении соответствует расплывчатости некоторых обще-теоретических выводов, в которых цель классификации находят лишь в распределении предметов по классам. «Целью классификации,— сказано в одном из учебников логики,— является сис-

⁶ Вопр. архивоведения, 1961, № 4, с. 63. Из отчета о проведении источниковедческого совещания. Такая оценка закреплена в справочном издании. См.: Булыгин И. А., Пушкиров Л. Н. Источниковедение.— СИЭ, 1965, т. 6, с. 593.

⁷ Исторический архив, 1962, № 4, с. 189. Из авторизованной записи выступления Л. В. Черепнина.

⁸ Ср.: «Классификация документов является одной из основных проблем информатики» (Маршакова И. В. Классификация документов на основе лексики (по ключевым словам документов).— НТИ. Сер. 2, 1974, № 5, с. 3).

⁹ Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных источников в курсе источниковедения истории СССР.— Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1958, т. 11, с. 135.

¹⁰ Например, философ Э. Л. Радлов (1854—1928) писал: «Классификация — весьма важный логический прием, которым пользуются при изучении предмета и который основан на логическом делении понятия».— В кн.: Энцикл. словарь/Брокгауз и Ефрон, 1895, т. 29, с. 298. См. также: Чупахин И. Я. Указ. соч., с. 72. В одном из новейших определений сказано: «Назначение всякой классификации в науках заключается прежде всего в том, чтобы быть средством лучшего познания изучаемых объектов, в которых еще не имелось сформулировавшихся понятий» (Формальная логика. Учебник для философских факультетов университетов. Л., 1977, с. 140).

¹¹ Розова С. С. Классификация как метод научного познания.— Науч. тр. Новосиб. гос. ун-та. Философская сер., 1965, вып. 1, с. 255—277.

тематизация наших знаний»¹². Примерно то же говорится и в другом учебном пособии: «Классификацией называется распределение предметов по классам согласно сходству между ними, произведенное с таким расчетом, чтобы каждый класс относительно других классов занимал прочное и точно фиксированное место»¹³. Если признать термины «классификация», «систематизация», «распределение» синонимами, как это выражено в словарях русского литературного языка и другой литературе¹⁴, то цель классификации видится в классификации. Это значит, что классификация определяется через саму себя. Исследователи знают, что определять «то же через то же»¹⁵ — значит заниматься игрой словами, так как существует правило, согласно которому «определение не должно быть тавтологическим»¹⁶. К числу признаков тавтологических определений относят именно наличие определяемого термина в определении в форме его синонима¹⁷. Если термины «классификация», «группировка», «систематизация», «деление», «разделение», «распределение» — синонимы, то определение понятия классификации с их помощью тавтологично¹⁸.

Надо отметить, что в нашей литературе предприняты попытки разделить понятия «группа» и «класс» и тем самым выделить группировку в особый процесс работы по сравнению с классификацией. «Группа и класс принципиально отличны друг от друга,— пишет С. С. Розова.— Группа представляет собой точно фиксированное множество отдельных объектов. Класс же фиксирует лишь их общее свойство...»¹⁹. Если группа и класс принципиально отличны друг от друга, то разделяться они должны по единому признаку, например группа — точно фиксированное множество, а класс — не точно фиксированное множество. В предложенном же разделении к понятию группы отнесен один признак — точная фиксация объектов, а к понятию класса — другой — общее свойство.

Общеизвестно, что деление объектов на классы и группы подчиняется общим правилам: при одном делении необходимо применять одно и то же основание, члены деления должны взаимно исключать друг друга, члены деления должны быть непосредственно низшими по отношению к делимому понятию, объем членов деления, вместе взятых, должен равняться объему разделяемого

¹² Логика/Под ред. В. И. Кириллова. М., 1967, с. 60.

¹³ Логика/Под ред. Д. П. Горского, П. В. Таванца. М., 1956, с. 66.

¹⁴ См., например: Михайлов А. И., Черный И. А., Гиляревский Р., С. Основы информатики. М., 1968. Один из параграфов авторы назвали «Классификация (систематизация)» (с. 179—180).

¹⁵ Пузиков П. Д. Понятия и их определения. Минск, 1970, с. 60.

¹⁶ Горский Д. П. Определение. М., 1974, с. 110.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Против определений посредством тавтологии выступал В. И. Ленин. Так, он возражал П. Б. Струве по поводу определения понятия «хозяйство». «Хозяйство определяется через хозяйствование! Масляное масло...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 42).

¹⁹ Розова С. С. Классификация как метод научного познания, с. 264.

понятия. В этом смысле нет принципиальной разницы между разделением предметов на классы и группы.

Группировка и классификация — однопорядковые понятия: группировка есть разделение объектов и классификация — та же группировка, т. е. распределение их по каким-то общим признакам или свойствам в определенный строй независимо от того, о каком числе объектов идет речь. Более обоснованного размежевания понятий «группа» и «класс» пока не обнаружено.

Вышеприведенному разделению «группы» и «класса» в источниковедении соответствует попытка разделения понятий классификации и систематизации исторических источников. «Систематизация источников (под которой надо понимать группировку по какому-либо существенному признаку) может быть очень много,— пишет Л. Н. Пушкирев.— Они уже проверены практикой и с успехом применяются в учебно-преподавательской и исследовательской областях (систематизация по классовому, хронологическому, партийному и другим признакам, по происхождению, форме и т. д.). Классификация же источников (под которой следует понимать деление источников по самому главному, самому основному его признаку) должна быть единой, во всяком случае именно к этому должно стремиться источникование»²⁰. Классификация и систематизация в таком разделении являются как бы видовыми единицами. Родовое понятие отсутствует или объединяется с видовой частью. Классификация источников — делимое понятие — как бы приравнивается классификации по самому главному признаку, т. е. результату деления. Эти недоработки до сих пор не устранены. Однако вовсе нет уверенности в том, что источникование должно непременно стремиться к «единой» классификации по самому главному признаку. А может быть, классификация по самому главному признаку, заманчивая для автора, несуществима на деле из-за невозможности отличить самое главное от менее главного. Например, как можно решить, что у человека главное — сердце или головной мозг? Так и в источниковедении: возможно ли отдать предпочтение распределению источников во времени, расположению их в пространстве, классификации их по типам и видам или по неведомому самому главному признаку? Невольно зарождается сомнение в правомерности подобного понятия классификации и ее целей. Обоснованного выделения понятия «систематизация» — «группировка» из общей категории «классификация» не получалось и в данном случае.

И все же существуют другие направления в разделении классификации, которые имеют некоторые преимущества по сравнению с отмеченными выше. Так, классификация и систематизация отождествляются с различными ступенями: классификация — создание схемы, а систематизация — распределение материалов по

²⁰ Пушкирев Л. Н. Новое учебное пособие по теоретическому источниковедению.— Сов. архивы, 1969, № 4, с. 122.

ней²¹. Мы остановимся на этом разделении более подробно. Сейчас же отметим, что оно — одно из возможных разграничений классификации.

Удалось выявить и еще одно разделение понятий «классификации» и «систематизации»: систематизация — менее строго логическое разделение материала²². Классификация — логическое деление.

Наличие многих понятий, обозначаемых одними и теми же терминами,— яркое свидетельство неупорядоченности научного аппарата и в данном случае.

Таким образом, классификация определяется как логический метод исследования, предварительный прием и как распределение, систематизация предметов по классам без выяснения смысла этого действия. Одни исследователи приравнивают классификацию понятиям «систематизация» и «группировка», а другие — различают эти понятия.

Выше показано, что определение понятия «классификация» с помощью терминов «систематизация», «группировка» и других невозможно в силу их равенства. Теперь, когда мы отметили наличие случаев их неравенства, необходимо подчеркнуть невозможность определения классификации этими словами, значение которых меньше по объему содержания классификации.

Понимая классификацию как создание схемы деления, а систематизацию в форме распределения объектов по ней, нельзя сказать, что классификация — это систематизация. Подобное определение ведет к приравниванию целого понятия — классификации его части — распределению материала по схеме. Как бы детально одну часть ни рассматривать, такое рассмотрение не поведет к пониманию целого. Известно старое, не потерявшее значения наблюдение, что овладение частностями без рассмотрения целого ведет к шаткости понятий. «Вследствие этого накапливаются не твердые понятия, колеблющиеся мнения и непоследовательности, могущие спутать всякого, кто захотел бы искать тут чего-нибудь научного»²³. С другой стороны, многовековой исследовательский опыт подсказывает, что определить понятие — это «значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое»²⁴, т. е. часть понятия определяется через целое или через сумму его частей, а не наоборот. Более широким понятием по отношению к классификации из всех приведенных выше является «способ изучения объекта» или метод, который отвечает на вопрос, для какой цели производится распределение предметов по классам, группам, разрядам и т. д. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть использование классификации в исследовательской практике.

²¹ Митлев К. Г. Теория и практика архивного дела. М., 1946, с. 98—99.

²² Пресняков А. Е. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель.— Русский исторический журнал, 1920, № 6, с. 94.

²³ Вольф Ф. А. Очерк науки древности. СПб., 1877, с. 87.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 149.

Об использовании классификации в исследовательской практике

Необходимой ступенью исследований является построение тех или иных теорий, разного уровня обобщений. Если исходить из принятого определения теории, что она «строится с целью объяснения и систематизации массы эмпирического материала (эмпирических законов), отыскания новых законов»²⁵, то построение теории естественно связывать с классификацией. В этом отношении наиболее характерным является разделение истории на общественно-экономические формации. Обобщение развития человечества позволило Марксу, Энгельсу, Ленину выделить с помощью классификации первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический. Такая классификация объясняет исторический процесс как смену общественно-экономических укладов.

Применение классификации для обоснования исторических объяснений в марксистской литературе — весьма широкое. Изучение этого опыта в настоящей работе ограничено некоторыми данными из произведений В. И. Ленина в связи с выяснением вопроса о достоверности объяснений исторических наблюдений и исторической критикой²⁶. Так, в известной статье В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» собран богатый материал, позволяющий проследить роль классификации в объяснении победы большевиков в октябре 1917 г.

Соединяя вместе статистические данные о выборах в Учредительное собрание по промышленным и малопромышленным округам, эсер Н. В. Святыцкий в статье «Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание»²⁷ исказил картину выборов, преуменьшив влияние и преобладание большевиков над эсерами в главных центрах государства, которые вели за собой всю страну. В разделе «Северная область» Святыцкий объединил итоговые данные по непромышленным губерниям — Архангельской, Вологодской, Новгородской, Псковской, в которых преобладали эсеры, и данные по промышленным центрам — Петрограду, Петроградской, Лифляндской губерниям, в которых эсеры получили меньшинство или совсем не получили голосов. Такая группировка

²⁵ Рубашкин В. Ш. Познание и язык.— Вопр. философии, 1970, № 9, с. 52.

²⁶ Анализ материалов Ленин основывал на изучении обстановки их зарождения и распространения. В этом смысле он употреблял и термин «историческая критика» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 359). В произведениях В. И. Ленина часто встречается слово «критика», смысл которого близок понятию исторической критики. Например, говоря о работе профессора Н. А. Карышева «Материалы по русскому народному хозяйству. I. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х годов» (М., 1898), В. И. Ленин констатировал, что «г. Карышев отнесся к обрабатываемому им материалу с поразительной невнимательностью и отсутствием критики...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 28).

²⁷ Год русской революции. 1917—1918: Сб. ст. М., 1918.

позволяла говорить о победе большевиков в октябре 1917 г. как о чуде, случайности. Опровергая эти доводы, В. И. Ленин строго научно сгруппировал статистические данные о выборах в Учредительное собрание, разделив их на данные промышленных центров страны и сельскохозяйственных районов. В результате логично вытекает иное объяснение: большевики «победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса»²⁸.

Поскольку город всегда вел и ведет за собой деревню, то победа революции в городах предрешила победу ее и в сельских районах, тем более что в деревне пролетариат имел надежных союзников в лице беднейшего крестьянства. Это объяснение В. И. Ленина подтверждено затем всем ходом гражданской войны.

Изучение развития капитализма в России привело В. И. Ленина к выводу о недостоверности многих показаний статистических материалов. Характеризуя фабрично-заводскую статистику по реформенного периода в России, В. И. Ленин отмечал, что основным источником фабрично-заводской статистики служили тогда ведомости, доставляемые ежегодно фабрикантами и заводчиками в департамент торговли и мануфактур. Эти ведомости нуждались в критическом анализе, так как владельцы предприятий по-разному истолковывали понятия «фабрика» и « завод», в результате чего в одни ведомости попадало множество сведений о чисто ремесленных, кустарных заведениях, а в другие — только о крупных предприятиях. Одни капиталисты показывали в ведомостях только численность рабочих, живших на фабриках, а другие — включали и надомников. В результате получались несопоставимые данные. Сведение таких данных в одну таблицу с научной точки зрения было невозможно, однако оно производилось казенными статистиками.

Некритическое использование таких источников вело к ошибкам. Разбирая упомянутую работу Н. А. Карышева, В. И. Ленин заметил, что многие положения автора основаны на неправильном использовании источников. Например, Карышев утверждал, что число фабрик и заводов в России в период с 1885 по 1895 г. неросло, а уменьшалось. Совершенно противоположное заключение из тех же источников, которыми пользовался Н. А. Карышев, сделал В. И. Ленин. «На самом деле,— писал он,— никакого процесса сокращения не происходит, число фабрик в России не уменьшается, а увеличивается...»²⁹. Сочиненный Карышевым вывод получился из сопоставления несравнимых данных: статистических ведомостей, включивших мелкие производства (1885 г.), и ведомостей, в которых регистрировались только крупные предприятия (1895 г.). Ошибка была допущена потому, что Карышев не сумел

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 5.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 12.

произвести группировки, классификации собранных разнородных материалов, а зачислил их в одно подразделение для сравнения.

Разбор книги Н. А. Крышева для В. И. Ленина не был самоцелью. Он поставил более широкую задачу разработки способов получения сопоставимого статистического материала. Говоря о неудовлетворительности фабрично-заводской статистики, В. И. Ленин ни в коей мере не считал, что все исходные данные плохи. Наоборот, по его мнению, многие материалы заслуживали внимания и разработки: «Главной и основной целью этой разработки должно быть отделение плевелов от пшеницы, отделение сравнительно годного материала от негодного»³⁰. Возник вопрос: каким образом произвести такое отделение? В. И. Ленин ответил на этот вопрос следующим образом. Во-первых, необходимо группировать предприятия по роду производств вместо группировки на 10 отделов, т. е. механической группировки. В результате такого разделения смешивались вместе разные производства: суконное и войлочное, лесопильное и мебельное, писчебумажное и типографское, чугунолитейное и ювелирное, кирпичное и фарфоровое, кожевенное и восковое, маслобойное и сахароррафинадное и пивоваренное и табачное и т. д.³¹ «Далее,— указывал В. И. Ленин,— необходима группировка фабрик *по числу рабочих, по роду двигателей и по величине производства*. Эта группировка особенно необходима и с чисто теоретической точки зрения, для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравнительно годных и негодных данных»³². Если Крышев производил механическое сравнение различных предприятий, как говорится вслепую, то В. И. Ленин требовал перед сравнением установления сопоставимости, что достигалось путем группировки или классификации сведений из используемых материалов по ряду признаков.

Ценность этого способа состоит в том, что группировка или классификация сведений по различным точным признакам решала окончательно вопрос о выделении сравнительно годных и негодных данных. «При такой разработке сразу бы обнаружился случайный характер данных по некоторым производствам, губерниям, по некоторым пунктам программы и пр. Получилась бы возможность выделить сравнительно полный, достоверный и единообразный материал. Получились бы ценные указания на то, каким образом можно обеспечить эти качества на будущее время»³³.

В цитированных высказываниях В. И. Ленина главным является вопрос о признаках. Точность, ясность, разнообразие признаков — основное условие классификации, которая может оказать исследователю наибольшую помощь. Неясные и непомерно широкие признаки, отмечал В. И. Ленин, создавали простор для

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 32.

³¹ Там же, с. 33. Число отделов, в которых объединялись отрасли производства, у различных авторов не одинаково.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 33.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 34.

произвольных определений. В данном случае речь шла об определении понятия «фабрика и завод»³⁴.

В. И. Ленин, добиваясь установления точных исторических фактов, классифицировал интересующие его сведения из источников по нескольким признакам: ряд признаков, а не один приближают к пониманию изучаемых объектов, их определению³⁵.

В. И. Ленин обратил внимание на употребление классификации при изложении результатов исследования. Например, изучение сборника об отхожих промыслах крестьян Ярославской губернии³⁶ привело к заключению о его крайней сумбурности: «...материал сей книги, сгруженный по волостям, в таком сыром виде, что никакие выводы невозможны...»³⁷. В. И. Ленин наметил проблемную группировку, которая способствовала бы восприятию собранного материала. Подобным же образом использовалась классификация — группировка и в других работах. Так, в статье «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии» (1915 г.) В. И. Ленин обратил внимание на полноту извлечения информации из изучаемого материала с помощью классификации. «Заметим, что вопрос о группировке материала, собираемого современными сельскохозяйственными переписями,— говорилось в упомянутой статье,— вовсе не является таким узкотехническим, узкоспециальным вопросом, каким он может показаться на первый взгляд. Материал этот отличается громадным богатством и полнотой сведений о каждом отдельном хозяйстве. Но в силу неумелой, непродуманной, рутинной сводки и группировки этот богатейший материал совершенно теряется, пропадает, обесцвечивается и становится часто никуда не годным для изучения законов эволюции сельского хозяйства»³⁸. Это очень любопытное наблюдение. В. И. Ленин с помощью группировки материалов добивался изучения эволюции сельского хозяйства. В данном случае имеется в виду группировка материалов за разные годы, т. е. такая группировка, которая выражает собой развитие.

Наряду с этим классификация — группировка, выполняя функцию способа подачи материала, направлена на установление ясности исследовательских выводов.

Подобные наблюдения можно встретить в произведениях В. И. Ленина неоднократно. Смысл «способа» или «приема» В. И. Ле-

³⁴ Подробнее об этом см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 7—11.*

³⁵ Приведенные наблюдения дают возможность сопоставить правила классификации, употребленные В. И. Лениным, с правилами естественнонаучных классификаций. Так, Ч. Дарвин пришел к выводу, что та классификация хороша, которая производится «на основании большого числа признаков», что «комплексы признаков имеют особенное значение в классификации», что объект определяют «несколько признаков, хотя бы и не существенных» (*Дарвин Ч. Происхождение видов. М.; Л., 1937, с. 621, 634, 635*).

³⁶ Обзор Ярославской губернии. Ярославль, 1896. Вып. 2. Отхожие промыслы крестьян Ярославской губернии.

³⁷ *Ленинский сборник*, т. 33, с. 512.

³⁸ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 182.*

нин видел в классификации применительно к самым разнообразным целям познания.

В. И. Ленин не придавал особого значения терминам, если они не запутывали рассматриваемое явление и не были удобной формой для антинаучных выводов. «Я не придаю особенно существенного значения вопросу об употреблении того или другого термина...»³⁹ — сказано в одном из примечаний В. И. Ленина по поводу терминов «стоимость» и «ценность». Такой подход характерен и для терминов „группировка“, „деление“, „разделение“, „распределение“, „разграничение“, „раздробление“, „систематизация“, „классификация“ Все эти термины употреблены В. И. Лениным, подмечены в изученных им работах в одном и том же смысле⁴⁰.

И все же В. И. Ленин чаще применял термин «классификация» к большим категориям явлений, а термин «группировка» — к меньшим по объему. Такое словоупотребление не изменяет существа дела. Классификация крупных явлений и группировка не очень больших объектов выполняют одну и ту же функцию приема или способа исследовательской работы⁴¹. Несмотря на наличие сравнительно большой литературы о приемах работы В. И. Ленина с источниками⁴², вопрос об использовании классификации в его трудах мог бы быть выделен в особую проблему и рассмотрен на примере работ как дореволюционного периода, так и советской эпохи. То же самое целесообразно сделать на примере работ других крупных деятелей науки.

Весьма полезными могут быть наблюдения исследователей о собственной работе по использованию классификации для установления достоверных фактов и в других целях.

Таким образом, в различных отраслях истории и, в частности, в исторической критике классификация производится не ради классификации, а для решения задачи познания достоверности и установления фактов, их объяснения. Разумеется, опыт использования классификации в исторической критике нуждается в дальнейшем всестороннем изучении в рамках различных периодов и источников.

Не исключено замечание, что приведенные примеры не все почерпнуты из области источниковедения, а охватывают более

³⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 4, с. 68.

⁴⁰ Ср.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 3, с. 467, 502, 503, 504, 511, 521, 538, 540, 541, 542, 551, 569; т. 4, с. 29, 31, 76; т. 29, с. 396, 439, 452; т. 14, с. 21—27 и т. д.

⁴¹ Это не означает, что классификация — группировка может производиться одним способом. Она может быть дедуктивной и индуктивной, т. е. делить общее понятие и восходить от частного к общему. Например, деление истории на общественно-экономические формации в известной мере дедуктивное, поскольку оно прогнозирует историческое развитие. Дедуктивная и индуктивная классификация-группировка дополняют друг друга. Они употребляются иногда в одной схеме, верхние этажи которой строятся дедуктивно, а соподчиненные — индуктивно. Ниже мы покажем это на примере схемы классификации исторических источников.

⁴² Буганов В. И. Советская литература о приемах работы В. И. Ленина с источниками.— Вопр. истории, 1970, № 9, с. 129—136.

широкий круг проблем. В данном случае мы руководствовались мыслью о необходимости многогранного раскрытия целей классификации.

Любопытные наблюдения о значении классификации сделаны в текстологии. Одной из задач этой дисциплины является установление текстов. Выполнение ее становится особенно трудным делом, когда утеряны подлинники, а сохранились лишь списки, имеющие разнотечения. При восстановлении утраченных памятников письма текстологи производят классификацию сохранившихся списков по родственным группам и таким образом пытаются установить текст, близкий к первоначальному⁴³. Это наблюдение вошло в теоретическую литературу уже давно. Оно подтверждено практикой советской текстологии⁴⁴. В текстологии проверено правило, характеризующее трудности классификации. Одна из трудностей, подмеченная еще в прошлом веке, заключалась в том, что исследователь не может классифицировать, не изучив особенностей материала, в то же время, располагая громадными массами источников, он не в состоянии познать их, не распределив по определенным группам или классам⁴⁵. Д. С. Лихачев, распространив это правило на изучение древних текстов, пришел к заключению, что «необходимо знать о классификации текста, о его разбивке на редакции и виды раньше, чем произведено само сличение, которое только и может установить прочные и окончательные выводы о редакциях и видах произведения». Тут, казалось бы, явный порочный круг. Однако круг этот разбивается вот чем: окончательно обосновать разбивку произведения по редакциям, видам, изводам и пр. можно только в результате полного сличения списков и объяснения всех разнотечений списков, но предварительную, черновую и «рабочую» классификацию списков опытный текстолог может произвести еще до начала работы по сличению. В эту предварительную классификацию списков в результате их сличения будут неизбежно внесены исправления, уточнения, а может быть, потребуется и решительная перестройка классификации, но эта

⁴³ Шахматов А. А. «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» И. А. Тихомирова: Критический отзыв. СПб., 1898, с. 16; *Он же*. Рец.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков: Критический отзыв. СПб., 1900; *Он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. Эта мысль отражена во многих других сочинениях А. А. Шахматова. См.: Лихачев Д. С. Шахматов — текстолог. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1964, т. 23, вып. 6. Она сформулирована и в теоретической литературе по текстологии. См., например: Богуславский С. А. Несколько замечаний к теории и практике критики текста. Чернигов, 1913, с. 12—15.

⁴⁴ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.; Л., 1962, с. 208—209.

⁴⁵ См., например, следующее замечание: «Изучающий поставлен здесь в заложденный круг, из которого выход может быть только случайный; он вынужден брать за основание размещения первый подмеченный признак, наперед приимишившись с неприятною перспективой не один раз переделать уже исполненную работу» (Зверев Н. А. Основания классификации государств в связи с общим учением о классификации: Методологическое исследование. М., 1883, с. 79).

предварительная классификация необходима для начала работы»⁴⁶. В приведенном отрывке говорится о предварительной классификации и о ее перестройке в процессе работы. Если эти наблюдения использовать для объяснения положений отдельных авторов, в которых классификация характеризуется как предварительный прием, метод, а в иных случаях как венец исследовательской работы, то можно сказать, что они не противоречат друг другу. Все зависит от того, о какой стадии исследования говорится. Предварительная классификация ведет к улучшенной, менее совершенной — ступенька к более обоснованной.

Из цитированного отрывка видно, что, несмотря на громадное количество текстов, которые приходится группировать в текстологию, общее число их все же ограничено какими-то пределами. И несмотря на это, группировка текстов именуется классификацией. Этим мы хотим подчеркнуть мысль, что группировка — та же классификация, производимая индуктивным путем. В целом же можно сказать, что в текстологии классификация — один из важнейших приемов установления и восстановления текстов. Такой вывод, сделанный самими же текстологами, не исключает детальной разработки и обоснования использования классификации в текстологии, ее практического применения в интерпретации источников, т. е. в установлении их смысла. Нужно дальнейшее изучение историографии в этом направлении.

Нет основания говорить о неясности целей и задач классификации также и в палеографии.

Известно, что И. И. Срезневский составлял перечни начертаний букв славянской письменности для каждого столетия средневековья. В этих перечнях отмечались различные случаи несходных начертаний одной и той же буквы, текста или группы текстов. Такие перечни и есть классификация начертаний букв по признакам графики. Классификационные перечни букв имеют значение для палеографического прочтения рукописей и для прикладных задач палеографии, в частности в деле атрибуции. Классификация источников по палеографическим, или, проще говоря, графическим, признакам почерка, по особенностям шрифтов, сокращений, по расстояниям между буквами, словами, строками и предложениями, по расстановке и начертанию других знаков письма и печати дает возможность датировать недатированные рукописи, способствует установлению их подлинности, достоверности, показаний, датировке фактов.

Графические признаки классификации имеют значение и в изучении источников советской эпохи. Если в рукописях обнаруживается какой-то особый графический признак, то это означает, что данную рукопись или часть ее возможно отличить от других, не имеющих этого признака. Следовательно, каждый обнаруженный признак может служить основанием классификации. Отсюда

⁴⁶ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., с. 208—209.

вытекает ее практическое значение. Например, классификация рукописей исторических деятелей по графическим признакам способствует выявлению авторских и посторонних вставок и исправлений.

Если говорить о графических признаках печатных источников, то и они весьма существенны в исследовательской практике. Такого рода исследования проводятся самым тщательным образом Всесоюзным научно-исследовательским институтом судебных экспертиз⁴⁷. Классификация в них — один из главных приемов, который определяет границы сравнений при решении тех или иных практических задач.

Смысл классификации как исследовательского приема определен и в дипломатике. Если предметом дипломатики считать установление формуляров источников, типических оборотов речи в них, характерных терминов, то естественно, что классификация памятников письма по формулярным признакам приводит к выявлению среднего (типичного) формуляра эпохи, учреждения, школы или литературного кружка. Например, формула «милостивый государь» в письмах употреблялась в определенное время. Выявление таких типичных для эпохи, учреждения, школы или литературного кружка формул способствует изучению исторических источников — недатированных или с неизвестным авторством. Классифицируя источники по формулярам, специалисты в области дипломатики с большей или меньшей точностью могут ответить на вопрос, к какому времени данный источник принадлежит. Установление среднего (типичного) формуляра помогает изучению обычая эпохи. Именно в дипломатике сделан вывод о том, что при изучении групп источников первой и основной задачей является выявление основных признаков данной группы⁴⁸, т. е. оснований классификации.

Одной из важнейших отраслей является информационная наука, решающая проблему поиска источников и информации. Классификация в этой отрасли знаний — главное средство, облегчающее поиск нужных данных. «Классификация должна давать возможность немедленно отыскивать все документы, касающиеся данного вопроса»⁴⁹, — писал французский документалист Поль Отле. К тому же выводу пришли отечественные, в том числе и советские, ученые-архивисты и библиотечные работники.

Значение классификационных систем как способа поиска информации четко определил Е. И. Шамурин: «Если классификационные системы вообще являются „ключом к знанию“, то библиотечно-библиографическая классификация служит ключом к разнообразному содержанию книжных фондов»⁵⁰. В данном случае

⁴⁷ Белов В. Язык твой — друг мой.— Неделя, 1969, 26 янв. № 4, с. 22—23.
Не случайно образцы печати учитываются. Каждый машинописный текст имеет свой почерк.

⁴⁸ Веретенинков В. И. К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов.— Историческое обозрение. Пг., 1916, т. 21, с. 11.

⁴⁹ Отле П. Руководство к администрированию. М., 1924, с. 38.

⁵⁰ Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1959, т. 2, с. 454.

понятие классификации равнозначно понятию способа или приема приобретения знаний.

В информатике представляют ценность разнообразные признаки. Чем больше признаков учитывается в классификации тех или других материалов или сведений из них, тем эффективнее поиск нужной исследователю информации.

В нашей литературе не осталось без внимания и то обстоятельство, что с прогрессом науки вопросы классификации становятся все более актуальными, ее значение для поиска информации возрастает⁵¹. И это справедливо не только из-за многообразия документов нашего времени. В первую очередь оно обусловлено задачами внедрения электронно-вычислительных машин в практику поиска информации. Одним из препятствий на пути широкого применения средств механизации информационного поиска является недостаточная разработка классификационных схем. В связи с этим встает вопрос о создании систем классификации, обеспечивающих многоаспектное раскрытие содержания архивных документов⁵².

В связи с задачами информатики надо рассматривать всеобъемлющие классификации исторических источников, употребляемые в учебно-преподавательской работе. Например, в учебных пособиях по источниковедению все исторические источники «принято делить на шесть больших групп: письменные, вещественные, этнографические, лингвистические, устные и выделяемые в особую группу фото-фоно-кинодокументы»⁵³. Несмотря на то что подобное деление не имеет логического основания, т. е. единого принципа, оно полезно в силу своей наглядности в учебной работе как первый подход к поиску информации. Вряд ли можно отрицать и значение логических классификаций в преподавании. Пока известна лишь попытка А. А. Зимина ввести логическую классификацию для курса источниковедения в Московском государственном историко-архивном институте⁵⁴. Попытка эта, правда, не привела к закреплению предложенного начинания, вероятно, в силу чрезмерной абстрактности, т. е. оторванности ее от практических задач исследовательской и преподавательской работы. В то же время нельзя отрицать ее значения как первого начинания в направлении построения строго логических классификаций, которые сблизили бы преподавание с задачами научного исследования.

В заключение еще некоторые данные об использовании приема классификации в построении теорий и терминологической работе.

⁵¹ Воробьев Г. Г., Рудельсон К. И. Современные проблемы документальной классификации и информации.— Собр. архивы, 1966, № 6, с. 25.

⁵² Гельман-Виноградов К. Б., Рудельсон К. И. Некоторые проблемы механизации информационных поисков (на примере архивных фондов СССР).— НТИ, 1962, № 8, с. 21.

⁵³ Биск И. Я. Курс лекций по источниковедению новой и новейшей истории. Тамбов, 1971, с. 5.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Яцунский В. К. К вопросу о классификации письменных источников в курсе источниковедения истории СССР.— Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та, 1958, т. 11, с. 135.

В связи с тем что научные теории закрепляются в понятиях, а понятия — в терминах, естественно, что классификация важна и в терминологической работе. Установлено, что первым фактором, «влияющим на точность системы определений, а следовательно, и точность терминологии, является классификация. Классификация понятий имеет чрезвычайно важное значение в каждой области знания»⁵⁵. Классификация «устанавливает означение термина»⁵⁶, т. е. его содержание, составные элементы. Этот вывод широко употребляется в современной теории терминологии.

Объяснение одного понятия влияет на объяснение другого. Образуется сложная взаимосвязь понятий и различных классификаций. Говоря о введении в научный оборот во второй половине XIX в. мириад «вновь открытых или вновь исследованных фактов» экономической истории, Е. В. Тарле подметил необходимость «прежде всего схематизировать этот новый историко-экономический материал, без чего невозможны или бесплодны шаги к построению общих объяснений и систем»⁵⁷. Схематизировать — в данном случае означает классифицировать. От того, какой будет классификация материала, во многом зависит качество разрабатываемой теории исторического процесса. Е. В. Тарле снова и снова возвращается к этой мысли, утверждая далее, что неудача в систематизации — классификации материала «замедляет общий прогресс исторического изучения и понимания»⁵⁸.

Классификация — группировка выполняет объяснительные функции даже тогда, когда автор к этому и не стремится, а ставит перед собой другие цели⁵⁹. Классификация используется для объяснения фактов и в других общественных науках, в частности в лингвистике⁶⁰.

Недостаточное использование классификации в разработке теории не способствует установлению четких понятий в науке, что относится и к понятию самой классификации. Понятие классификации в источниковедении разработано недостаточно потому, что еще не собраны наблюдения в этой области и не дана классификация различных ее употреблений.

⁵⁵ Как работать над терминологией. М., 1968, с. 15.

⁵⁶ Уэтерли Ф. Э. Основы индуктивной и дедуктивной логики. Киев; Харьков, 1894, с. 31.

⁵⁷ Тарле Е. В. Очередная задача.— Аналы. Пг., 1922, № 1, с. 9—10.

⁵⁸ Там же, с. 10.

⁵⁹ Так, П. В. Волобуев поставил перед собой задачу определить численность пролетариата России в 1917 г. Для этого он наметил ряд групп, в состав которых включил рабочих и служащих торговли, промышленности, транспорта, связи и учреждений (см.: Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, с. 15). Исключение группы служащих из его классификации понятия «пролетариат» изменило бы это определение. Другой состав групп приведет к иному понятию.

⁶⁰ Так, А. А. Шахматов с помощью классификации объяснил многие понятия в области русского и древнеславянского языков. Подробнее об этом см.: Щерба Л. В. Методы лингвистических работ А. А. Шахматова.— Изв. Отд-ния русского языка и словесности Российской академии наук, Пг., 1922, т. 25, с. 94—99.

Неясность в понимании самого предмета источниковедения во многом обусловлена недостаточно четкой классификацией его проблем.

Возможность обоснования с помощью классификации теоретических положений как нельзя лучше иллюстрирует мысль выдающихся логиков о том, что классификация есть начало и высшая точка человеческого знания. Это относится к самым разнообразным дисциплинам, в которых она применяется для организации источников и фактов⁶¹. Даже классификация источников не только преследует поисковые цели, но и решает предметные задачи тех отраслей, которые используют этот способ. Классификация — необходимый исследовательский прием. Если классификация — прием или способ исследования, способ поиска организации и объяснения знаний, то отсюда вытекают и границы классификации как проблемы для тех отраслей, которые ею пользуются. Границы эти состоят в изучении данного способа, т. е. в поиске признаков классификации, в описании практического ее использования в данной области знаний.

В нашей литературе наблюдаются попытки выделить классификацию источников в какую-то особую науку под названием теоретического источниковедения⁶². Поскольку источниковедение представляет собой ряд отраслей, то выделение классификации источников в раздел теоретического источниковедения нельзя считать обоснованным. Естественно отнести проблемы классификации к сложившимся отраслям источниковедения.

Подведем итог. Всеобъемлющая классификация исторических источников по типам и видам — область информационной работы. Она является объектом преподавания. Библиографические и архивные классификации источников также относятся к информационной науке. Классификация литературных памятников по палеографическим признакам — область палеографии, по признакам формуларя — дипломатики. Различные группировки в целях восстановления или прочтения текста — текстологическая задача. Классификация в целях установления достоверности фактов — предмет исторической критики.

Осмысление такого рода классификации производится в рамках предмета названных отраслей.

То обстоятельство, что в этой работе вопросы классификации выделены в отдельную главу, вовсе не свидетельствует о целесообразности выделения классификации в особую источниковедческую проблему теоретического характера. Это сделано для удобства изложения, а также в силу принятого в настоящей работе

⁶¹ См., например: Колтыпина Т. Н. Некоторые вопросы организации фактографических ИПС.— НТИ. Сер. 2, 1967, № 10, с. 19—22.

⁶² Так, в очерке методологии истории одна из глав под названием «Узловые вопросы теоретического источниковедения» в значительной мере посвящена проблеме классификации источников, которая, по словам автора, занимает «видное место в теоретическом источниковедении» (Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 125).

способа: следовать в русле распространяемых понятий, чтобы выявить как их соотношение, так и различия. В результате этого анализа производится расчленение источниковедения и классификации источников по отраслям. Осмысление проблем классификации на уровне метаязыка может быть осуществлено в предмете методологии истории, т. е. изучение проблем классификации первонациально производится в отдельных отраслях исторической науки. А полученные результаты такого изучения на следующем уровне — предмет методологии истории. Следующий уровень — философский. Логика изучает данные всех наук о классификации. Отнесение проблем классификации исторических источников к источниковедению было правомерно тогда, когда все источниковедение отождествлялось с приведением источников в известность, т. е. с эвристикой. Классификация и сейчас важнейший инструмент этой отрасли. Но она не единственная в источниковедении.

В связи с классификацией исторических источников рассмотрим определение самого понятия «исторический источник».

Определение понятия «исторический источник» иногда относят к числу теоретических проблем источниковедения. Но так было не всегда. В XVIII—XIX вв. такое определение рассматривали в общих вопросах исторической науки. И в настоящее время его включают в проблематику под названием «введение в изучение истории»⁶³, имея под этим в виду теорию исторической науки.

Классификация и определение понятия «исторический источник»

В нашей литературе имеется много высказываний о понятии «исторический источник». Опубликованы перечни определений⁶⁴. Все они в той или иной мере основаны на классификации памятников. Вот конкретный пример. «В науке давно уже существует представление о двух типах исторических источников. К первому относятся так называемые исторические остатки, ко второму — историческая традиция,— писал М. Н. Тихомиров.— Под историческими остатками понимаются остатки непосредственной деятельности людей, прямые свидетели исторических фактов (например, подлинные акты, монеты, архитектурные памятники, предметы быта и т. д.). Под исторической традицией понимается отражение какого-либо исторического факта в источнике. Историческая традиция является результатом того впечатления, какое этот факт произвел на современников или потомков. Она передает

⁶³ Дербов Л. А. Введение в изучение истории. М., 1981.

⁶⁴ Пушкин Л. Н. Определение исторического источника в русской историографии XVIII—XX вв.— В кн.: Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 75—86; Он же. Определение исторического источника в советской историографии (1917—1968).— Історичні джерела та іх Використання. Київ, 1971, вип. 6, с. 3—18.

историческое событие так, как оно преломилось в сознании людей (авторов летописей или мемуаров, певцов и сказителей былин и т. п.)»⁶⁵. Разделение источников в этом определении на два типа и есть их классификация, которая помогает наметить составные части данного понятия. Эта классификационная схема может выполнить и другую нагрузку: роль способа познания тех определений, которые сделаны без применения классификации. Например, распространено определение, что «исторический источник — это всякое явление, которое может быть использовано для целей исторического исследования, или даже еще проще — для познания прошлого»⁶⁶. Это, безусловно, справедливо. Однако автор считает, что в «практике обычной работы историка подобное определение можно считать достаточным»⁶⁷. Если задача определения состоит в том, чтобы «в краткой формуле зафиксировать добытые уже знания об объективном мире»⁶⁸, то такие знания в определении понятия «исторический источник» могут быть зафиксированы с помощью их классификации. Без классификации определение терпит значительный ущерб. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть определение «исторический источник», данное К. Д. Петряевым, выступившим в печати с работами по методологии истории и источниковедения⁶⁹. К. Д. Петряев утверждает, что все источники субъективны. Такое суждение представлено в историографии довольно широко. Однако вопрос о субъективности источников не однозначен. Например, в ряде работ Л. Н. Пушкирева субъективность источников «связывается с делами рук человеческих»⁷⁰.

К. Д. Петряев придает вопросу о субъективности источников другой смысл, отождествляя субъективность не с делами человека, а с отражением в них действительности. В его представлении «источник является субъективным образом исторической действительности»⁷¹. Единственный аргумент⁷² — цитата из письма Ф. Энгельса Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г.: «...понятие о вещи и ее

⁶⁵ Тихомиров М. И. Источниковедение [истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.] М., 1940, т. 1, с. 7.

⁶⁶ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения.— В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 28.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Кондаков Н. И. Логика. М., 1954, с. 354.

⁶⁹ Петряев К. Д. Некоторые вопросы методологии источниковедения.— В кн.: Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск, 1970, с. 55—77; Он же. Некоторые аспекты принципа историзма.— В кн.: Вопросы историографии и методологии всеобщей истории. Днепропетровск, 1971, с. 3—15; Он же. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1971; 2-е изд. Киев, 1976.

⁷⁰ Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975 (и другие его работы).

⁷¹ Петряев К. Д. Некоторые вопросы методологии источниковедения, с. 58.

⁷² Там же, с. 59.

действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой самой действительности»⁷³.

Из этого высказывания Ф. Энгельса автор и сделал вывод, что источник есть субъективный образ действительности. Приведенные слова Ф. Энгельса свидетельствуют о том, что он различал действительность и ее описание, которые не равнозначны друг другу.

Историки используют то и другое явление как исторические источники. Именно об этом и свидетельствует классификация источников на исторические остатки и традицию (предания), т. е. на остатки действительности и понятия о ней («образы»). В самом деле, разве древние и современные здания, соборы, мечи, латы, платья, летописи, книги, газеты — это только понятия или субъективные образы, а не остатки действительности? Будучи остатками действительности, они превращаются в понятия, в образы под пером историка, а не до этого.

Исторический источник — более сложная категория, чем только образ: он включает в свой состав понятия (рассказы о фактах, т. е. их образы) и остатки действительности.

Петряев представляет это иначе: «Источник с большей или меньшей достоверностью, так сказать, моделирует то или иное событие, процесс или явление исторической действительности. По отношению к исторической действительности источник есть субъективный образ»⁷⁴.

Таким образом, классификационная схема разделения исторических источников на исторические остатки и исторические традиции (предания) помогает разобраться в сути теоретических высказываний, которые противоречат ей. С другой стороны, схема — верное средство для распознания однотипных классификаций источников, которые известны в литературе под другими названиями.

Иллюстрируем это примером. «Все источники, используемые при сборе эмпирического материала по данному предмету исследования, могут быть разделены на два типа... — пишет М. М. Громыко, — являются ли они непосредственно частью исследуемого объекта или эмпирическим материалом, собраным случайно или целенаправленно предшественником исследователя — современником изучаемых событий. Назовем первые *непосредственными*, вторые *косвенными* источниками. Такая классификация может быть проведена только применительно к определенному предмету ис-

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 354.

⁷⁴ Петряев К. Д. Некоторые вопросы методологии источниковедения, с. 60.

торического исследования. Источник, взятый сам по себе, безотносительно к задачам ученого, не может быть отнесен к одному из этих типов»⁷⁶. Замечание М. М. Громыко о том, что такая классификация может быть проведена только применительно к определенному предмету исторического исследования, свидетельствует о понимании источника как конкретного предмета: письмо, летопись, акт и другой материальный остаток. Именно поэтому источники и не могут быть отнесены к одному из названных типов, так как конкретные вещи содержат в себе элементы непосредственного отражения прошедшей действительности и косвенные сведения или предания о других фактах. В этой связи возникает вопрос: не являются ли «непосредственные» источники другим наименованием понятия «исторические остатки», а «косвенные» не равнозначны ли понятию «историческая традиция» (предания)? Ведь исторические остатки, так же как и непосредственные источники, являются частью исследуемого объекта. А «косвенные» источники, так же как и предания, являются отражением изучаемого объекта, его образом или частью образа.

Автор не показал отличия разделения источников на «непосредственные» и «косвенные» от классификации на «исторические остатки» и «исторические традиции» (предания). Поэтому далее будем рассматривать лишь понятия «остатки» и «предания». В цитированном выше высказывании М. Н. Тихомиров употребил слово «традиция», иногда приравниваемое термину «предания». В настоящее время понятия «традиция» и «предания» разделяются. Предания — это информация очевидцев, участников и передатчиков с других слов. Традиция — закрепление преданий в исторических трудах⁷⁸. Традиция, таким образом, стала частью преданий. Сделана попытка усовершенствовать классификацию источников на остатки и предания.

В Ленинградском университете в 1978 г. была высказана точка зрения, согласно которой предлагалось выделить, кроме остатков и преданий, еще одну крупную группу источников — идеально-творческих, т. е. нацеленных на отражение и осмысливание действительности, но не претендующих на ее копирование (художественная литература и изобразительное искусство, философия и другие науки, религия). Их относят то к остаткам, то к преданию, но они отличаются от остатков тем, что специально нацелены на отражение, а от предания тем, что не претендуют на изоморфную («один в один») передачу информации о жизни. Это, будто, особая форма или даже особые формы отражения⁷⁷. Приведенных соображений недостаточно для выделения так называемых идеально-творческих источников в особую группу именно в этой класси-

⁷⁶ Громыко М. М. О «непосредственных» и «косвенных» исторических источниках.— Изв. СО АН ССР. Сер. обществ. наук, 1968, вып. 2, с. 86.

⁷⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории ССР..., т. 1, с. 7.

⁷⁷ Там же.

фикации, так как одной стороной они входят в понятия остатков, а другой — преданий. Некоторые подметили эту особенность на иных памятниках. Например, договоры и коммерческая переписка участвовали в событиях прошлой жизни, это части тогдашней реальности, но в то же время они имеют авторов и передают сообщения письменным языком. А любые летописи, выполняющие роль предания по отношению к описываемым в них временам, в то же время служат остатками того времени, когда они написаны. Было трудно определить положение мемуаров⁷⁸ и т. д. Выделение в понятии исторического источника категории идейно-творческих источников не устраниет трудностей точной классификации памятников. Выход из затруднительного положения может быть найден другим путем — введением абстрактного понятия «исторический источник».

Об опыте использования абстракций в исследовательской работе неоднократно писал В. И. Ленин, обративший внимание на то обстоятельство, что «все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»⁷⁹.

Обобщенный опыт употребления абстракций изложен в «Философских тетрадях» В. И. Ленина. Разделение тесно слитого сложного явления в абстракции — необходимый исследовательский прием его изучения.

Если воспользоваться ленинским приемом абстрагирования, то мы можем делить не конкретные объекты, а понятия по уровням отражения действительности: уровень остатков — непосредственного отражения действительности, уровень преданий — сообщений о ней («образов»).

Понятно, что и абстрактное разделение источников на остатки и предания есть исследовательский прием членения сложного исторического явления, слитого в единое целое. Образование такой абстракции необходимо как для упорядочения понятийного аппарата исторической науки, так и для исследования механизма исторического познания.

Введение абстрактного понятия «исторический источник» позволит включить в него и другие познавательные категории. Так, известно понятие «скрытые факты». В современной литературе это понятие воспроизводится в форме внеисточникового знания. Сущность этой концепции заключается в том, что в ряде случаев «историк опирается не на данные источника, а на те сведения, которыми он располагает благодаря своей общеметодологической подготовке и профессиональной эрудиции»⁸⁰.

Эта концепция в нашей литературе еще не подвергнута разбору, а она имеет широкое хождение, и ведущий философский жур-

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152.

⁸⁰ Вопр. истории, 1972, № 2, с. 198.

нал счел возможным ее повторить⁸¹. Ссылка на эту концепцию появилась и в новейшем издании⁸².

Когда профессиональная эрудиция выдается за внеисточниковое знание, то в этой посылке самой по себе есть противоречие: ведь эрудиция, знание почерпнуто из источников, сведения которых преобразованы в голове исследователя. С этой концепцией нельзя согласиться еще и потому, что исторический источник определяется в ней очень неясно: «Ведь в конечном итоге все человеческое знание основано на источниках,— пишет он,— ибо источниками его служат наблюдения»⁸³.

Нельзя представлять дело так, что понятие «внеисточниковое знание» — совершенно новая категория, новая концепция. Под другими названиями суть так называемого внеисточникового знания была известна много раньше. Так, русский юрист С. А. Муромцев употреблял термин «скрытые факты»⁸⁴. Такое понятие равнозначно внеисточниковому знанию. Скрытые факты, по Муромцеву, — выводное знание.

Но и Муромцев не был оригинален. Мы затрудняемся сейчас сказать, кто первый ввел такое понятие, но укажем лишь известные нам случаи его употребления. Так, Н. Г. Чернышевский рассматривал «достоверное знание, основанное на отношении явлений» в двух планах: положительных и отрицательных заключений. Он писал: «Мы не можем отгадать, вода или земля находится под полюсами; покрыто льдами или бывает чисто от них море под полюсами, если там море; покрыта вечным льдом или имеет какую-нибудь растительность земля под полюсами, если там земля,— эти положительные заключения были бы только догадками, не имеющими научной достоверности; но отрицательные выводы, каковые, например, то, что под полюсами не может расти виноград или дуб, что не могут там жить обезьяны или попугай,— эти отрицательные выводы имеют совершенно научную достоверность;

⁸¹ Вопр. философии, 1973, № 5, с. 81. В статье, о которой идет речь, внеисточниковое знание относится к одиннадцати из двенадцати отмеченных им исследовательских процедур: выбор области исследования, формулирование вопроса, установление источников для исследования проблемы, прочтение информации, добытой из источников, исследование аутентичности (внешняя критика), установление достоверности (внутренняя критика), установление фактов, о которых в источниках нет непосредственной информации, выяснение причинных связей, установление законов, синтетическое истолкование (ответ на вопрос исследователя), оценка исторических фактов.

⁸² Так, И. С. Тимофеев пишет: «Некоторые авторы, работающие в области методологии истории, выделяют два вида знания, функционально развивающиеся в творческом процессе историка: знание, извлекаемое из источника, и знание, используемое исследователем в этом процессе. Первое они называют источниковым знанием, второе — внеисточниковым» (Тимофеев И. С. Методологическое значение изменений в понимании предмета и целей историко-научных исследований. М. 1982, с. 249).

⁸³ Вопр. философии, 1973, № 5, с. 78.

⁸⁴ Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877, ч. 1, с. 64—65 и др.

это уже не гипотезы, не догадки, это — достоверное знание, основанное на отношении явлений, происходящих в известных нам странах земной поверхности, к неисследованным нами феноменам неизвестных частей ее»⁸⁶.

Разница с современными представлениями состоит в том, что внеисточниковое знание называлось в XIX в. знанием на основе изучения отношений между фактами⁸⁶. В конечном счете внеисточниковое знание основано на реальных памятниках. Мы обращаем внимание лишь на то обстоятельство, что информация из отношений между фактами имеет более точную опору, нежели так называемое внеисточниковое знание, выводимое из эрудиции и профессиональной подготовки. Термин «внеисточниковое знание» менее удачен по сравнению с термином «знание из отношений между фактами».

Вопрос об отношениях между фактами как об источнике нового объективного знания был зафиксирован в начале нашего века в одной из работ по логике исторической науки: «...понятие множества тем и отличается от понятий единичных индивидов, в нем содержащихся, что такое понятие содержит в себе, кроме индивидов, еще отношения»⁸⁷. Автор разъяснил свою мысль следующим образом: если о каком-либо факте имеется много свидетельств, например воспоминаний, то с уверенностью можно сказать, что этот факт произвел сильное впечатление на современников. И этот вывод будет объективен независимо от того, правдивы или лживы воспоминания в отдельных своих частях.

Безусловно одно — что получение дополнительной информации из отношений между фактами надо развивать. Шагом к такому развитию мог бы быть очерк опыта использования отношений между фактами для извлечения информации на материалах различных исторических эпох.

В работах советских историков этой проблеме уделяется внимание, хотя и употребляется другая терминология: «скрытая информация», «новая информация», «косвенная интерпретация», «вероятностная информация».

Вполне может быть, что не во всех случаях значение этих терминов полностью совпадает. Бессспорно, однако, то, что извлечение

⁸⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., М., 1950, т. 7, с. 251.

⁸⁸ Об этом, в частности, говорится и в работе К. Д. Кавелина о приметах, служащих источником изучения практического опыта людей и их понятий. Им дано определение примет: постоянное «отношение между какими-нибудь явлениями и событиями в ежедневном быту, нравственном или физическом мире» (Кавелин К. Д. Несколько слов о приметах.— Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850, кн. 1, отд. VI, с. 4). Автор объяснил свою мысль примерами. Известно, что птицы перед дождем летают низко. Источником такого знания являются не птицы, не состояние погоды, не понятия о птицах и состоянии погоды, а отношение между полетом птицы и состоянием погоды. Об использовании отношений между фактами как источнике наших знаний см.: Миронов Б. Н. Хлебные цены в России XIX — начала XX вв.: Автoref. дис. докт. ист. наук. Л., 1977, с. 4 (и другие его работы).

⁸⁷ Шпет Г. Первый опыт логики исторических наук.— Вопр. философии и психологии, М., 1915, № 128 (III), с. 405. 1

информации из отношений между фактами входит в понятие скрытой информации.

Разграничение степеней точности получения тех или иных сведений из отношений между фактами в скрытой информации — проблема важнейшая. Она нуждается в разработке. Известен, например, классический опыт В. И. Ленина в деле извлечения объективной информации из отношений между фактами. Было бы очень полезно описать методы его работы в этой области. Широко пользовался извлечением информации из отношений между фактами Н. Г. Чернышевский.

Таким образом, определение «исторический источник» было бы более полным, если бы учитывало следующие элементы: остатки действительности (сюда входит и спиленное дерево, по срезу которого можно определить его возраст), изображения действительности — понятия о ней, отношения между фактами.

Вероятно, стоит подумать о включении в понятие «исторический источник» и категории «пресуппозиция». Для лингвистов пресуппозиция «может являться средством, обеспечивающим связность текста»⁸⁸. Для историка пресуппозиция — источник дополнительной информации, поскольку она является общим исходным знанием о предмете речи. Пресуппозиция устанавливается с помощью операции отрицания. Так, при отрицании предложения в целом та часть информации, которая не подвергается отрицанию, и составляет пресуппозицию. Для иллюстрации этого явления сошлемся на пример, использованный в работе З. М. Волоцкой. При отрицании предложения «король Франции лысый» — «неправда, что король Франции лысый» — информация о существовании короля Франции (т. е. пресуппозиция) не отрицается.

Были бы очень желательны работы об опыте использования информации пресуппозиций в исторических исследованиях. После этого можно было бы определенно говорить о включении такого знания в понятие «исторический источник».

Кроме того, надо бы учесть и другие взгляды, согласно которым в разряд исторических источников включается географическая среда⁸⁹.

Вероятно, нет необходимости разделять исторические и археологические источники. Те и другие являются историческими. Можно лишь говорить об изучении части исторических источников материального характера разными отраслями исторических и естественных наук.

Понятие исторического источника как совокупность познавательных категорий не имеет материальности. «Мы можем, конечно, есть вишни и сливы, но не можем есть плод»⁹⁰, — воспроизводил

⁸⁸ Волоцкая З. М. Текст и язык, семантические проблемы.— В кн.: Проблемы теории текста: Реферативный сб. М., 1978, с. 130.

⁸⁹ Пушкин Л. Н. Географическая среда и исторический источник.— Український історичний журнал, 1966, № 7, с. 15—21.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 551.

наблюдение Гегеля Ф. Энгельса. Так и историки могут взять в руки конкретные грамоты, ощупывать черепки, амфоры, кинжалы, кафтаны, но не могут видеть источник как таковой. Источник — это совокупность веществ и понятий. Материален, например, стул, на котором мы сидим, но стул вообще как понятие не имеет конкретных очертаний. В этом плане В. И. Ленин писал об абстракциях, лишенных «пространственного и временного вещества чувственности»⁹¹. Абстрактное понятие «исторический источник» помогает избежать эклектических, перекрецивающихся классификаций исторических источников. В условиях таких классификаций исторический источник не перестает быть то реальностью, то отражением ее.

Включение в исторические источники информации из отношений между фактами языковых элементов, изображений, свидетельств о фактах подтверждает необходимость преобразования этой совокупности в общее нематериализованное понятие⁹².

Намеченные в понятии «исторический источник» структурные единицы суть его классификация. Основание классификации — способ познания реальных исторических фактов.

Ценность всякой абстракции — в отражении реальности, в оказании помощи при ее изучении. Назначение предложенного определения исторического источника — подвести итог предшествующей работе исследовательской мысли и способствовать дальнейшему познанию основных групп данного понятия. Каким образом это достигается? Во-первых, наглядная классификация показывает исторический источник не просто как всякое явление, а конкретно в его составных частях. Не исключено, что в дальнейшем состав групп или частей может быть уточнен, детализован, расширен. Во-вторых, классификация понятия «исторический источник» позволяет направить усилия на разработку той группы или части, которая больше всего нуждается в расширении информации о себе при данных конкретных обстоятельствах.

Рассмотрение вопроса о классификации источников имеет теоретическое значение для объяснения истории как науки. От того, как мы определим исходное понятие «исторический источник», зависит тот или другой подход к пониманию существа исторической науки. Например, рассмотренное выше суждение об источниках — субъективных образах действительности — ведет к выводу о гипотетичности истории⁹³. Наоборот, утверждение о том, что «историческими источниками могут быть или сами факты непосредственно — памятники, или указания на факты — свидетельства»⁹⁴,

⁹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 154.

⁹² Терешко М. Н. Понятие исторического источника в современной польской методологии истории. — Учен. зап. Том. ун-та, 1971, № 82, с. 58.

⁹³ Власова В. Б. Проблема истолкования в историческом исследовании: Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1966, с. 5.

⁹⁴ Жебелев С. А. Древняя Греция. Пг., 1920. Ч. 1. Эллинство, с. 5.

исходит из объективных и субъективных данных, которые вместе способны преодолеть гипотетичность или установить ее границы.

Подведем некоторые итоги. Изучение опыта классификации в источниковедении показывает, что классификация — необходимый исследовательский прием. Цель классификации в источниковедении — организация материалов, источников или их данных для: 1. удобства поиска информации; 2. установления достоверных фактов; 3. выявления палеографических признаков письма и печати; 4. познания формуляров памятников словесности; 5. установления текстов; 6. определения понятийного аппарата в различных отраслях науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ источниковедческих понятий по их содержанию, отношению друг к другу, способам формулирования показал их неупорядоченность. В то же время изучение литературы из области точных наук, предпринятое в ходе настоящего исследования, свидетельствует о том, что такое положение вообще характерно для развивающихся отраслей.

Состоянию неупорядоченности соответствуют следующие признаки: обозначение одним термином разных понятий, присвоение одному понятию разных названий, неточное определение понятий, отсутствие необходимых терминов и даже самих понятий при широком распространении устаревших понятий. Все эти недостатки наблюдаются и в источниковедении.

Во всех науках периодически производится упорядочение понятий и терминов. Упорядочение начинается с анализа состояния понятийного аппарата, составления перечней существующих понятий и терминов, выявления однотипных понятий, установления причин возникновения хаотичности в научном аппарате. Работа завершается унификацией понятий и терминов в специальном терминологическом словаре той или другой отрасли. К решению такой задачи приблизились источниковедение и связанные с ним дисциплины.

Вследствие тех трудностей, которые возникают в деле изучения источниковедческой литературы, появилась потребность в терминологическом словаре. Говоря об употреблении одних и тех же слов для обозначения разных понятий, В. Г. Белинский в свое время заметил, что такие слова «сделались непонятными ни для кого, что казались всем слишком понятными»¹.

Именно это и произошло в источниковедении. Наблюдения специалистов показывают неясность его понятийного аппарата. «Многое остается неясным в терминологии источниковедения,— пишет В. И. Буганов,— (начиная с вопроса об отношении его к „вспомогательным“ или „специальным“ историческим дисциплинам и кончая определением этой отрасли знания как одной из этих дисциплин, наиболее, вероятно, важной, „главной“, или же просто „вспомогательной“ в ряду других, ей подобных, или же, наконец, как „сверхнауки“, „суммы наук“, включающей в себя все другие „вспомогательные“ дисциплины); предстоит многое сделать для уточнения, унификации понятийного аппарата источниковедения»².

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., М., 1954, т. 5, с. 289—290.

² Буганов В. И. Источниковедение и специальные исторические дисциплины (дооктябрьский период).—В кн.: Северный археографический сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. Археография и источниковедение, с. 28.

В настоящей работе сделаны некоторые шаги в этом направлении. Разработка унифицированного научного аппарата предусматривает выявление исторических корней того или другого термина, причин неупорядоченности. В этой связи выявились необходимость изучения проблем источниковедения в историографическом аспекте. Наш опыт, опирающийся на отечественную литературу с XVIII в. до наших дней включительно, свидетельствует о том, что одним из первоначальных назначений источниковедения была эвристика — способ поиска нужных материалов. Мы пришли к выводу, что основная его цель была затушевана фактом отнесения к его предмету критического изучения материалов. Такое положение стало возможным в силу распространенного убеждения о необходимости включать в ту или другую отрасль все необходимые ей знания. Поскольку критическое изучение письменности невозможно без познания графики, истории текста, анализа формы и содержания и его достоверности, то источниковедение стало объединять и историческую критику, и палеографию, и текстологию, и дипломатику наряду с обозрениями документов и материалов. Многозначность термина «источниковедение» увеличивается и употреблением его для обозначения изучения памятников материальной культуры. В этом случае его предмет не ограничивается от предмета археологии.

Включение одной отрасли в предмет другой — одна из основных причин исторического изменения и неустойчивости терминов источниковедения и других понятий исторической науки.

Изучение литературы показало, что в расширении многозначности терминов, росте хаотичности немалую роль играли и другие причины субъективного характера, которые возможно систематизировать как недостатки в доказательствах в пользу того или иного понятия. Первый из них состоит в том, что отсутствуют вообще какие-либо обоснования понятий источниковедения. Второй заключается в использовании необоснованных утверждений. Третья основа роста произвола в понятиях — само собой разумеющиеся истины и установившаяся традиция. Близко соприкасаются с этим предположения вместо достоверных фактов.

Развитие науки вело к росту числа понятий, их дифференциации. При обозначении новых понятий старыми терминами в условиях сохранения их прежних значений многозначность терминов увеличивалась. Выявилась явная необходимость использования опыта точных наук для упорядочения понятий и терминов источниковедения. В этой связи в настоящей работе представлены различные определения терминов «источниковедение», «вспомогательные дисциплины», «палеография», «дипломатика», «текстология», «историческая критика», «археография». Они свидетельствуют о наиболее целесообразном пути унификации терминологии и понятийного аппарата не только в источниковедении, но и в других отраслях исторической науки. Неточные и необоснованные определения понятий при наличии таких перечней безболезненно могут быть отброшены в унифицированной схеме понятий.

Например, одно из распространенных определений источниковедения объясняет его как ряд дисциплин по изучению видов источников: актов, летописей, воспоминаний, писем и т. д.— при одновременном суждении об источниковедении как о главной, центральной дисциплине среди вспомогательных наук истории. В предмет источниковедения — главной дисциплины — отбираются теоретические вопросы по изучению отдельных видов памятников, т. е. общие вопросы целого ряда отраслей. Такое искусственное образование противоречит принципам построения отдельных наук вообще. Эти принципы заключаются в ограничении предмета науки, в развитии теоретической и практической частей каждой дисциплины, в определении значимости самоопределившейся отрасли. Всем этим принципам соответствует то понятие источниковедения, которое берет за основу его размежевания задачи изучения памятников независимо от их вида. При этом задачи познания памятника отождествляются с предметом отрасли, а ее объект — с содержанием исследовательского процесса на различных ступенях развития. В этом смысле он безграничен, тогда как предмет, состоящий из задач, имеет пределы, определяемые задачами других отраслей. Образно говоря, объект — дорога, а предмет — ширина дороги. Четкое разграничение задач источниковедения, соответствующая размежеванию предметов дисциплин, влечет за собой совершенствование теории и практики в рамках каждой дисциплины без выделения одной из них в разряд главной, а других — во второстепенные. Вероятно, не излишне напомнить, что самого понятия «главная дисциплина» в точных науках не существует. Нет необходимости в такого рода образовании и в системе исторической науки.

Таким образом, простые перечни определений позволили выявить слабые точки в обоснованиях понятий, найти среди них наиболее соответствующие общетеоретическим принципам построения наук.

Значение перечней определений источниковедения состоит еще и в том, что они помогают анализировать понятия, которые еще недостаточно созрели. Известно, что в условиях неясности границ источниковедения перед ним ставятся комплексные цели. «Источниковедение обязано быть комплексным»³, — пишет В. Л. Янин. Если принять такое утверждение за естественное условие раскрытия понятия источниковедения, то в классификационной схеме наук окажется необходимым предусмотреть в источниковедении лингвистические задачи и задачи других специальных дисциплин истории, не рассмотренные в настоящей работе. Однако и в этом случае неясность сохраняется, так как комплексность может быть рассматриваема в трех планах: использование различных видов памятников в историческом исследовании, изучение памятников комплексом дисциплин, синтезирование их теорий. Все три плана

* Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 20.

комплексности — разные понятия. При комплексном использовании всего многообразия видов памятников, например, может решаться задача установления фактов или их объяснения. Комплексное же изучение памятника ставит задачу познать его форму, содержание, язык, достоверность и т. д. Каждой стороне изучения соответствует своя теория. Синтезирование теорий — третий план комплексного изучения памятников. Поскольку каждая из рассмотренных отраслей источниковедения⁴ самоопределилась в особую дисциплину или имеет тенденцию к этому, как, например, историческая критика, то комплексность источниковедения может быть понимаема именно в форме синтеза теорий отдельных дисциплин. При таком понятии источниковедение уже не будет простой суммой дисциплин, а превратится в мета науку или теорию теорий. О возможности такого развития понятия источниковедения свидетельствуют междисциплинарные проблемы. Так, разработку понятия «исторический источник», по-видимому, нельзя отнести ни к одной из перечисленных отраслей. Понятие «исторический источник» обслуживает информатику, палеографию, дипломатику, текстологию, историческую критику и многие отрасли познания исторического процесса. В этом плане подобное понятие синтетично по отношению к наукам, которые в нем нуждаются. Оно является как бы следующим понятийным уровнем после их собственных понятий.

Развитие источниковедения от комплекса наук к мета науке — дело будущего. Пока речь идет о теории отдельных дисциплин. О синтетических задачах мы вынуждены говорить лишь потому, что они не умещаются в представленную схему понятий источниковедения. К их числу относится утверждение о том, что именно историческому источниковедению «следовало бы усвоить в качестве главной цели заботу о синтезировании всех видов источников и разработку новых плодотворных методов, возникающих при взаимодействии слишком далеко разошедшихся дочерних дисциплин истории»⁴. Между тем такого рода задача — предмет конкретного исторического исследования, а не какой-то особой науки. Ведь в данном случае подразумевается использование всех видов памятников в случае конкретной исследовательской работы историка. Если исследователь не использовал тот или другой памятник, то он несет ответственность за этот промах, а не источниковедение.

Понимание источниковедения как комплекса дисциплин по изучению источников влечет за собой переосмысливание взаимосвязей источниковедения и исторической науки. Распространенное представление о вспомогательности источниковедения по отношению к исторической науке основывалось на разрыве принципов построения исторических дисциплин и принципов построения наук вообще. В точных науках, например, вспомогательность означает решение предварительных задач по отношению к собст-

⁴ Там же, с. 21.

венной проблематике. Такого рода задачи становятся вспомогательными лишь применительно к данному исследованию, а не вообще, как это имело место в теоретических высказываниях историков. Нет и не может быть вспомогательных наук, постоянно пребывающих в этом звании. Материалы, изложенные в работе, показывают, что принципы точных наук могут быть распространены на источникование и в данном случае. Оно вспомогательно потому, что решает предварительные задачи по отношению к другим отделам исторической науки. Оно самостоятельно при решении собственных задач. В этой связи укоренившаяся идея о том, что «цельное здание истории может твердо стоять только на цельном фундаменте источниковедения»⁶, означает необходимость усвоения источниковедческих приемов историками всех профилей. В то же время связь между отраслями исторической науки не выражает соотношения фундамента и надстройки. Историческая наука дифференцировалась на отдельные отрасли. Различные ее звенья, включая источникование, существуют на равных правах (см. Приложение 2).

Поскольку расширение понятия источникования привело к объяснению этой отрасли как суммы научных дисциплин, потребовалось рассмотреть их содержание. В самих дисциплинах источниковедческого цикла накопились значительные противоречия в силу развития их предмета и задач смежных знаний. Кроме того, отдельные составные части источникования не превратились в общепризнанные отдельные научные дисциплины. Поэтому нерешенные вопросы составных частей источникования рассмотрены нами в соотношении с развивающимися по соседству науками. Так, установлена схожесть задач источникования (эвристики) и информатики. Проблемы поиска источников и информации (эвристика) разрабатывались в различных отраслях: в библиотековедении, архивоведении, археографии, палеографии, источниковедении. В каждой из них создавались свои поисковые системы: обзоры, описания, описи, путеводители, каталоги, библиографии и др. Создание науки информатики, изучающей новые системы научной информации, предопределяет возможность объединения информационно-поисковых систем — старых и новых — в предмете одной науки. Между тем современные представления о предмете информатики исходят из объяснения ее как науки, которая берет от старых систем только теоретические обоснования, оставляя практику в традиционных отраслях.

Включение в предмет информатики теоретических обоснований традиционных исследовательских направлений по составлению библиографий, аннотированию, реферированию и т. д. при одновременном сохранении практики библиографирования, аннотирования, реферирования в тех отраслях, в которых развивались эти виды работ, не создает условий для образования единой информационной науки.

⁶ Там же.

Объединение в информатике всех направлений, обслуживающих информационные потребности различных отраслей, вместе с их теорией и практикой, наряду с новыми системами — одно из необходимых условий, которое, несомненно, может способствовать упорядочению представлений о предмете информатики, его составных частях. Дисциплины — потребители информации — также получат импульс к упорядочению своего аппарата.

Это в равной мере относится и к палеографии. Освобождение ее от информационных задач создаст цельное исследовательское направление. Отграничение палеографических и информационных задач может быть достигнуто следующим образом. Изучение графики — предмет палеографии, а палеографическое описание, например, рукописей — как результат изучения графики — целесообразно отнести к предмету информационной науки. Описание — это информационно-поисковая система. Подобный же подход применим и в других случаях. Установление фактов — предмет одной из отраслей исторической науки, а расположение фактов в определенной системе, например в хронике событий, преследует информационную цель. Хроника событий — научно-информационная система и т. д.

Если раньше цель палеографии заключалась в датировке рукописей, то развитие текстологии и отнесение к ней проблемы изучения истории текстов требуют пересмотра целей палеографии. Датировка рукописей становится задачей текстологии, хотя при этом могут быть использованы и палеографические наблюдения. Основная цель палеографии перемещается в область идентификации почерков, что позволяет расширить ее хронологические рамки на изучение графики не только древних памятников, но всех текстов, включая и современные — письменные и печатные.

Таким образом, изменения в предмете палеографии происходят путем распространения ее приемов на памятники всех видов и времен и с учетом освобождения от задач смежных отраслей. В ней происходит консолидация следующих приемов изучения графики: измерения величины букв, расстояний между ними, словами, строками, определения наклонов, толщины начертаний, конфигураций, других особенностей размещения букв и знаков, величины полей и т. д.

В изучении приемов палеографии отечественная наука имеет большие достижения. Этот опыт необходимо шире распространять как в целях развития палеографических исследований, так и для утверждения приоритета ученых, которые впервые ввели тот или другой прием задолго до признания его в мировой теории и практике.

Спорным остается содержание той части источниковедения, которая получила название дипломатики. Историки по-разному определяют ее предмет. Распространенным является мнение о том, что дипломатика всесторонне изучает только акты. При этом понятие акта сводится к документам договорного характера. Гораздо более обоснованным является то определение дипломатики, кото-

рое ставит перед ней задачу изучения всех памятников письменности со стороны познания их-формуляра.

Если дипломатика — общепризнанная часть источниковедения, то место текстологии все еще не определено. Она относится к предметам литературоведения, источниковедения, археографии в силу того же принципа включения в каждую отрасль нужных ей знаний. Понятиям текстологии, изучающей проблемы установления художественных текстов, в источниковедении соответствуют понятия так называемой внешней критики источников. Внешняя критика решает задачи установления текстов применительно к памятникам делопроизводства и другим материалам нехудожественного характера. Унификация понятий требует превращения текстологии в науку по установлению любых текстов: литературно-художественных, делопроизводственных и пр. Известно, что понятие литературного произведения у авторитетных писателей прошлого, например у революционных демократов (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов), охватывало все виды письменности. К этой мысли склоняются и современные исследователи (Н. И. Конрад). Такое понятие литературного произведения влечет за собой переосмысление текстологии, отказ от понятия и термина «внешняя критика». А это, в свою очередь, влияет на уточнение понятия «историческая критика», в состав которой входила внешняя критика.

Историческая критика теоретически разработана менее других частей источниковедения. Определение ее предмета как задачи по установлению достоверности показаний источников и ограничение ее от проблемы установления текстов в связи с формированием текстологии еще не решают с полной очевидностью вопрос о самостоятельности исторической критики в системе исторических знаний. Историческая критика все еще определяется как метод исторического исследования, хотя дифференциация исторической науки требует дифференциации и метода. Проверка достоверности — не весь метод исторической науки, а только его часть. Слитность исторической критики с другими частями исторической науки отнюдь не незыблемое явление. Она обусловлена влиянием той мысли, что научность истории исключительно связана с исторической критикой. Между тем задача изучения взаимосвязи фактов, которая стоит перед различными отраслями истории, свидетельствует о развитии научных начал именно в плоскости связи фактов. Имевшие место попытки отграничения исторической критики от других отраслей истории не всегда были удовлетворительны. Наиболее распространенной была мысль о том, что историческая критика — «черновая работа»⁶, ведущая к истине.

Эта мысль нашла отражение и в современной зарубежной литературе. Между тем историческая критика не претендует на открытие всей исторической истины и не является черновой работой

⁶ Ардашев Н. Н. Иван Егорович Забелин как теоретик археологии. М., 1909, с. 24.

в области решения своих задач. Трудность определения задач исторической критики состоит в ответе на вопрос: ограничивать ли ее предмет констатацией бытия фактов, как это делал А. С. Лаппо-Данилевский, или более широко подходить к проблеме установки факта, включая в эту процедуру восстановление всей структуры его?

Факт может быть описан или отражен в источнике не полностью. Необходимо иной раз много источников, чтобы восстановить структуру факта близко к действительности. Поскольку установление достоверности — часть установления факта, то установление достоверности и установление факта могут быть предметом исторической критики, если эти проблемы не включать в другие отделы исторической науки.

Необходимость упорядочения понятий и терминов относится и к области издания письменности. Подготовка к изданию документов рассматривалась историками как область источниковедческой разведки. Однако эта отрасль раздроблена. Подготовкой к изданию памятников как исторических источников ведает археография, художественных произведений — эдикционная техника, текстов для целей языкоznания — лингвистическое источниковедение. Если преследовать выполнение задачи упорядочения понятий и терминов, то неизбежной становится мысль о необходимости единой отрасли науки по подготовке памятников к изданию. Она может включать в свой предмет все типы изданий.

Наличие различных мнений по многим проблемам изучаемых отраслей потребовало рассмотрения вопроса о методе источниковедения и его использовании при обосновании понятий. Один из основных методов, который применяется в источниковедении, — классификация памятников, информации и понятий. Необоснованные понятия введены вопреки правилам использования классификации. Это относится и к понятию исторического источника. Рассмотрение данного понятия на основе метода классификации позволило определить исторический источник не как памятник, а в форме абстрактной познавательной категории.

Наблюдение над использованием классификации в источниковедении, проведенное в настоящей работе, нуждается в дальнейшем развитии. Но и собранные материалы способны уточнить и другие цели классификации как метода: при поиске источников и информации, при изучении графики, формы, содержания и установлении текста, достоверности памятников письменности.

Теория классификации находится в стадии интенсивной разработки. Она может быть уточнена практикой источниковедческих работ. В то же время исследовательская практика опирается на общие принципы теории классификации.

Широкое использование метода классификации в источниковедении — надежный путь преодоления трудностей при упорядочении понятий и терминов.

Если данная работа будет способствовать дальнейшему расширению интереса к теоретическим проблемам источниковедения, автор будет считать свою задачу выполненной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

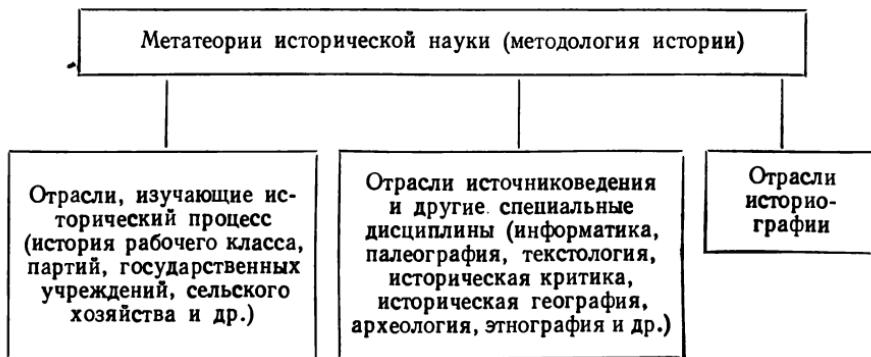
Приложение 1

Терминологический словарь

1. Археография — многозначный термин: а) отрасль научных знаний по подготовке к изданию документов, б) решение текстологических задач, в) одна из проблем информации — описание памятников письменности.
2. Вспомогательные дисциплины — науки, используемые при решении предварительных задач избранной проблемы. В каждом исследовании перечень таких наук различен.
3. Дипломатика — дисциплина, изучающая формуляры памятников письменности различных периодов истории, включая современные.
4. Документ — любой записанный на каком-либо материальном носителе текст, имеющий смысл.
5. Информатика — наука, разрабатывающая различные способы организации и поиска информации, в том числе об исторических источниках.
6. Исторический источник — абстрактное познавательное понятие, объединяющее следующие категории информации: а) адекватную информацию в форме остатков прошлой жизни, включая остатки письменности (договор, декрет, постановление, закон, приговор, записки, мемуары и т. д.); б) отражения ее (кино, фото, фоно); в) субъективные описания прошлого (предания); г) конъюнктуральное знание, получаемое из отношений между установленными фактами или фактами адекватной информации.
7. Источниковедение — многозначный термин, включающий ряд понятий: 1. информацию об источниках (эвристика); 2. палеографию; 3. дипломатику; 4. текстологию; 5. историческую критику; 6. изучение памятников материальной культуры; 7. археографию.
8. Источниковедение (эвристика) — часть информатики, ведающая разработкой традиционных систем поискового аппарата: обзоров, описаний, описей, каталогов, библиографий.
9. Классификация документов или информации из них — способ изучения памятников: их поиск, установление графических, формуллярных особенностей, основного текста, достоверности и других признаков их вида, содержания, назначения и формы.
10. Классификация понятий — способ определения научных понятий построения словаря научной отрасли и систем терминов ряда отраслей.
11. Клаузула — отдельная мысль изучаемого текста, категория изучения его — формы наряду с конечным и начальным протоколом.
12. Конечный протокол — распространенная формула или штамп, завершающая памятник письменности.
13. Критика высшая конъюнктуральная — часть исторической критики, извлекающая информацию из отношений между фактами.

14. Критика историческая — отрасль исторической науки, предмет которой — установление фактов и определение достоверности показаний о них.
15. Критика низшая конъектуральная — одна из проблем текстологии, устанавливающая вставки в тексты памятников письменности.
16. Критика показаний источников — раздел исторической критики, ведающий извлечением достоверных свидетельств о фактах из памятников, которые не являются остатками этих фактов.
17. Метрический метод в палеографии — способ изучения графики письма и печати путем измерения величины, ширины букв, толщины линий, наклонов, закруглений, расстояний между буквами, словами, строками, размера полей.
18. Начальный протокол — характерный для определенной эпохи штамп, которым начинается памятник письменности.
19. Обозрение документов — одна из проблем свертывания информации, поисковая информационная система, основу которой составляет группировка материалов на основе отбора наиболее важных из них по определенным признакам (тематическим, хронологическим, видовым и др.).
20. Описание документов — проблема свертывания информации, поисковая информационная система, исключающая понятие отбора. Описание производится с помощью учета всех выявленных признаков и представления в описании без изъятий документов описываемой коллекции.
21. Палеография — дисциплина, изучающая графические особенности письма и печати различных эпох, в том числе современных памятников словесности.
22. Подготовка к изданию исторических источников — научная отрасль, разрабатывающая правила или теорию публикаций и практику ее реализации в различных типах изданий памятников письма
23. Свертывание информации — проблема информатики по аналитико-синтетической обработке первичных научных документов для производства их образов с целью создания поисковых систем.
24. Текстология — отрасль знаний по определению времени, места, автора текста, по установлению его подлинности, содержания, изменений.
25. Теория источниковедения — объяснение задач и добывших результатов, разработка способов их решения, установление связи с научным аппаратом смежных наук, определение используемых понятий и терминов.
26. Формуляр документа, формуляр памятника письменности — перечень составных частей текста в определенной последовательности: начального, конечного протокола, клаузул, т. е. форм речи, выраженных в периодах, предложениях, оборотах, фразеологических единицах.
27. Формуляр средний (типичный) — познавательная категория, которая создается для установления соотношения клаузул, литературных штампов в изучаемой группе памятников с целью определения их места и времени по признакам формы.

Схема корреляции источниковедения с другими отраслями исторической науки

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВИНИТИ — Всесоюзный институт научной и технической информации
ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт делопроизводства и архивного дела
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИИОН — Институт научной информации по общественным наукам
ИПС — Информационно-поисковая система
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МИФЛИ — Московский институт философии, литературы и истории
МКИН — Международный конгресс исторических наук
НТИ — Журнал «Научно-техническая информация»
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов А. А. 156
Авдеев Н. Н. 140, 156, 159
Агеев М. 97, 98
Агудов В. В. 32
Азбелев С. Н. 23, 119, 121, 124, 125, 126, 128, 181
Александр *см.* Денисов А.
Алексеев М. П. 53, 74
Алексеева Г. Д. 177
Альтман В. В. 44
Амфилохий (Сергиевский П. И.) 82
Андреев А. И. 42, 111, 168, 169, 171
Аникиович М. В. 38
Антипов Г. А. 157, 164
Аракелов Р. К. 61
Арапова Л. И. 62, 175
Ардашев Н. Н. 102, 104, 141, 220
Асмус В. Ф. 141, 162
Аст Ф. А. (Ast F. A.) 146
Астрахан Х. М. 97
Афиани В. Ю. 169
Ахманова О. С. 8
- Бабеф (Babeuf) Г. 111
Багалей Д. И. 58
Барг М. А. 137, 141
Батаева Т. В. 169
Батов В. И. 131
Бегунов Ю. К. 175
Белецкий А. И. 10
Белинский В. Г. 214
Белов В. 79, 200
Бельчиков Н. Ф. 19, 1/4
Беляев И. С. 66
Берков П. Н. 25, 51, 52, 55, 56, 57, 71, 74, 119, 127
Бернгейм Э. (Bernheim E.) 43, 51, 103, 140
Бестужев-Рюмин К. Н. 21, 39, 40, 43, 47, 102, 147, 148, 149, 159, 172
Бирзович В. Л. 61
Биск И. Я. 25, 49, 141, 159, 201
Блинова О. И. 18, 57
Бласс Ф. В. (Blass) 132
Богуславский С. А. 198
Болтин И. Н. 39, 121, 144
Большаков А. М. 43, 45, 46, 58, 84, 104, 123, 166, 188
Бонди С. М. 89, 129, 135
Бонч-Бруевич В. Д. 58, 97
Брайович С. М. 137
Брандт Р. Ф. 66, 70, 72, 76, 77, 103
- Брикнер А. Г. 39, 52, 53, 110
Брискман М. А. 64
Брокгауз Ф. А. 108, 140, 189
Бромлей Ю. В. 49
Брудный А. А. 132, 134, 137
Буганов В. И. 197, 214
Бузескул В. П. 93, 120, 121, 140, 146
Булыгин И. А. 18, 19, 169, 182, 189
Бурджалов Э. Н. 96
Бухштаб Б. Я. 50, 119, 128, 130, 167, 172
Бушмин А. С. 125, 177
Быковский С. Н. 24, 37, 46, 128, 140, 156, 157, 158, 160, 163
Быховский А. В. 48
Бычков А. Ф. 110, 168, 170, 171, 172
- Вайнштейн О. Л. 27
Валк С. Н. 11, 12, 40, 42, 46, 53, 74, 111, 128, 151, 163, 169, 175, 177, 186
Варшавчик М. А. 169, 177
Ватенбах В. (Wattenbach W.) 41
Вахтомин Н. К. 50
Введенский А. А. 74, 77, 78, 103, 104, 105
Вейс К. Л. 61
Вейц Г. (Waitz G.) 41
Веретеников В. И. 140, 200
Веселовский С. Б. 54
Виноградов В. В. 18, 83
Винокур Г. О. 9, 18
Власова В. Б. 212
Волобуев П. В. 202
Волоцкая З. М. 211
Вольф Ф. А. (Wolf F. A.) 41, 140, 152, 186, 192
Воробьев Г. Г. 60, 201
Востоков А. Х. 79, 94
- Гардтгаузен В. (Gardthausen V.) 92
Гастев М. С. 45, 101, 103
Гегель (Hegel G. W. F.) 212
Гелах Т. 43
Гельман-Виноградов К. Б. 201
Геродот (Herodotos) 145
Гиляревский Р. С. 18, 59, 60, 62, 190
Горкина Н. С. 188
Горский Д. П. 190
Готье Ю. В. 23
Грановский Т. Н. 23, 40
Гранстрем Е. Э. 68

- Гришунин А. Л. 76, 119, 122, 167, 172, 182, 183
 Громыко М. М. 206, 207
 Грай Я. К. 172
 Гуковский А. И. 3, 12, 13, 14, 15, 20, 87, 105, 123, 161
 Гулыга А. В. 162

 Даль В. И. 90
 Дальтман Ф. (Dahlmann Fr. Chr.) 41
 Данилевич И. Н. 101
 Данилов В. П. 158
 Дарвин Ч. 196
 Деникин А. И. 156
 Денисов А. 82, 121
 Дербов Л. А. 116, 204
 Державин Г. Р. 120, 157, 172
 Дживелегов А. К. 165
 Димитрий Иванович (сын Ивана Грозного) 157
 Дмитриев С. С. 16
 Добиаш-Рождественская О. А. 68, 70, 72, 73, 78, 88, 99, 102
 Доблаев Л. П. 136
 Добролюбов Н. А. 220
 Дroysen И. Г. (Droysen I. G.) 23, 40, 153
 Дружинин В. Г. 82, 121, 172
 Дьяков В. А. 203

 Евлахов А. М. 121
 Егоров Д. Н. 49, 102
 Ефрон И. А. 108, 140, 189
 Ешевский С. В. 40

 Жданова Г. С. 61, 63
 Жебелев С. А. 212
 Жуковская Л. П. 67, 71, 74, 76, 77, 84, 138

 Забелин И. Е. 141, 154, 220
 Звегинцев В. А. 17, 29
 Зверев Н. А. 198
 Здобнов Н. В. 58, 59
 Зибель Г. (Sybel H.) 152
 Зимин А. А. 26, 113, 201

 Иван Грозный 157
 Иванов В. И. 59
 Иванов Г. М. 141
 Иванов Н. А. 40
 Измайлов Н. В. 90
 Иконников В. С. 67, 140, 143, 146, 147
 Ильинков Э. В. 137
 Ионов В. 138
 Истрин В. А. 69, 85

 Қавелин К. Д. 210
 Қалайдович И. Ф. 17
 Қалайдович К. Ф. 16, 76, 77, 178
 Қалаев Н. В. 41, 110
- Каллеверт Г. (Callewaert H.) 76
 Каманин И. М. 67, 93, 94
 Каменцева Е. И. 86
 Канар П. (Canart Paul) 90
 Кантемир А. Д. 120
 Карамзин Н. М. 39, 168, 170, 171
 Кареев Н. И. 24, 25, 49, 51, 102, 104, 140, 154, 165
 Каринский Н. И. 66
 Карсавин Л. П. 51
 Карский Е. Ф. 66, 67
 Карышев Н. А. 193, 194, 195
 Качековский М. Т. 101, 143, 144
 Каштанов С. М. 21, 29, 34, 101, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 115, 131, 139, 158, 160
 Каюров В. Н. 96, 97
 Кедров Б. М. 17
 Киндяков К. 105
 Кириллов В. И. 189
 Киселева Л. И. 32, 68, 75, 70, 90, 91, 114
 Клепиков С. А. 83
 Ключевский В. О. 45, 46, 104, 149, 150, 151
 Князев Г. А. 169
 Ковалев С. И. 135, 140
 Козлов В. П. 16, 76, 77
 Козлов О. Ф. 169, 177, 179, 180
 Колесников И. Ф. 23, 41, 76, 79, 80, 84, 115, 174
 Коллингвуд Р. (Collingwood R. G.) 138
 Колобродова Е. С. 61
 Колтыпина Т. Н. 203
 Кондаков Н. И. 205
 Кондратьев А. И. 167
 Кондратьев В. А. 25
 Конрад Н. И. 18, 126, 138, 220
 Коробков Н. Н. 102, 106, 115, 117
 Костина Р. В. 77
 Костомаров Г. Д. 174, 175
 Костюхина Л. М. 94, 95
 Котков С. И. 56, 57, 167
 Котляров Г. М. 45, 85, 116, 117
 Кравченко Н. Д. 188
 Красавин В. П. 163
 Кошаков Б. М. 47
 Коյлович М. О. 39, 40
 Крачковский И. Ю. 22
 Кузнецова С. И. 59
 Кузьмин А. Г. 125
 Кукушкина М. В. 67, 68, 76, 77
 Кульгавина О. Э. 61
 Курносов А. А. 21, 34

 Лавров П. А. 67, 83, 93
 Лалич Р. (Lalic R.) 133
 Ланглуа Ш. (Langlois) 5, 43, 51, 122, 140
 Лансон Г. (Lanson G.) 25
 Лаппо-Данилевский А. С. 34, 41, 42, 45, 85, 106, 107, 111, 112, 113, 114,

- 115, 116, 117, 123, 132, 133, 140, 151,
 152, 155, 156, 159, 168, 221
Лаптев И. 101
Лашнюков И. В. 142
Ленин В. И. 7, 51, 169, 182, 190, 192,
 193, 194, 195, 196, 197, 208, 211, 212
Лесохина Э. И. 61
Лившиц Я. З. 12
Литвак Б. Г. 2, 169
Литвин А. Л. 131, 158
Лихачев Д. С. 23, 31, 69, 85, 119, 120,
 121, 122, 124, 135, 138, 167, 168, 171,
 176, 181, 183, 185, 198, 199
Лихачев Н. П. 66, 85, 102, 198
Ловягин А. М. 78
Лотте Д. С. 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 26
Лукьянин В. В. 175
Лурье Я. С. 142, 146
Люблинская А. Д. 32, 68, 73, 88,
 91, 114
Лятошинский Н. Л. 140, 143
- Макаров М. К.** 188
Маллон Ж. (Mallon J.) 91
Малов В. Н. 68, 73, 91, 94
Мамардашвили М. К. 20
Мандес М. И. 123
Маркевич А. 93
Марковская Г. М. 21
Маркс К. 7, 8, 17, 69, 112, 154, 162, 193,
 205, 211
Маршакова И. В. 189
Медведев Сильвестр 38
Медушевская О. М. 5, 50, 141
Медынцева А. А. 80, 88
Мейен С. В. 188
Мейер Эдуард (Meyer) 23, 140
Меллнсон С. П. 61
Мельников Г. П. 64
Мельников-Печерский П. И. 82
Мерzon А. Ц. 135, 140, 160, 161
Мерта А. 65
Мехтиев Д. М. 61
Микулинский С. Р. 177
Миронов Б. Н. 210
Митяев К. Г. 108, 188, 191
Михайлов А. И. 18, 59, 60, 61, 62, 190
Мнишек М. 157
Монсеев О. В. 169, 177
Молотов В. М. 97
Моно Г. (Monod G.) 22, 153, 155, 163
Монфокон Б. (Montfaucon) 71
Муравьев А. В. 67, 100, 173
Муранивский Т. В. 64
Муромцев С. А. 209
Мусин-Пушкин А. М. 79
Мыльников А. С. 78
- Надеждин Н. И.** 103, 140, 144, 145,
 146, 147, 159
Назаретян А. П. 136
- Нечкина М. В.** 13, 151, 176, 177
Нибур Б. Г. (Niebuhr B. G.) 120, 147
Никитин А. 157
Никитин В. 95
Никифоровская Н. А. 53
Николаева А. Т. 35, 67, 86, 89
Новосельский А. А. 25, 158
- Овчинников Р. В.** 89, 90
Оглоблин Н. Н. 50
Окладников А. П. 49
Оленин А. Н. 79, 81, 168
Отле П. (Otlet P.) 59, 200
- Панашенко В. В.** 83
Панова Н. С. 188
Патаридзе Р. 83
Пашутко В. Т. 13, 173
Пережогин М. А. 18
Перетц В. Н. 79
Петр I 39
Петров М. Н. 49
Петровская И. Ф. 50
Петрушевский Д. М. 24, 25
Петряев К. Д. 205, 206
Пештич С. Л. 177
Пичета В. И. 39, 42, 54, 102, 188
Платонов С. Ф. 147, 153, 172
Погодин М. П. 168
Покровский М. Н. 66
Полушкин В. А. 61, 62
Попов А. 169, 183
Пресняков А. Е. 147, 192
Приселков М. Д. 67, 79, 80, 102
Пронштейн А. П. 36, 50, 157, 165, 166
Прохоров Е. И. 119, 122, 126, 127, 172,
 183, 184
Пузиков П. Д. 190
Пушкирев Л. Н. 18, 19, 169, 188, 189,
 191, 204, 205, 211
Пушкиренко А. А. 30
Пушкин А. С. 89, 90
Пушкин В. Н. 50, 121
Пыпин А. Н. 66, 85
- Радищев А. Н.** 120
Радлов Э. Л. 189
Ранке Л. (Ranke L.) 120, 121
Рейсер С. А. 19, 67, 75, 76, 87, 121, 122,
 127, 129, 130
Рейхберг Г. Е. 169
Реформатский А. А. 5
Риккерт Г. (Rickert G.) 24
Родзевич Ф. И. 82
Рождественский С. 174
Розанов М. Н. 125, 132
Розов Н. Н. 68, 83
Розова С. С. 188, 189, 190
Романова В. Л. 68, 78, 85, 91
Рубашкин В. Ш. 193
Рыбаков Б. А. 16, 80, 101

- Румянцев Н. П. 77
 Румянцев А. М. 17
 Рудельсон К. И. 60, 62, 175, 188, 201
 Рубинштейн Н. Л. 21, 43, 146, 147
 Саар Г. П. 23, 42, 43, 85, 105, 111
 Савин А. Н. 20, 21
 Садовский В. Н. 50
 Сакулин П. Н. 10, 24, 25, 128, 129
 Саларев С. Г. 103
 Салимова М. А. 175
 Сальмон П. (Salmon P.) 141
 Сарафанова Н. С. 175
 Сахаров И. П. 66, 76, 79, 82, 85
 Свињин П. П. 79, 169
 Святицкий Н. В. 193
 Селезнев М. С. 169, 175, 176, 181, 183
 Семенюк Э. П. 64
 Семевский М. И. 110
 Сеньобос Ш. (Seignobos) 5, 43, 51, 122, 140, 144
 Сергеев А. А. 169
 Сестан Э. (Sestan E.) 163
 Сифоров В. И. 5
 Сказкин С. Д. 165
 Скроменко С. см. Строев С. М.
 Смирнов М. Н. 102
 Собакина М. 157
 Соболевский А. И. 66, 79, 82
 Солонко П. Н. 96
 Сольский Д. И. 12
 Сорокин Ю. А. 131
 Софинов П. Г. 168
 Сперанский М. Н. 67, 83, 93
 Спунар П. (Spunar P.) 68, 78
 Срезневский И. И. 66, 67, 70, 76, 79, 81, 91, 92, 93, 94, 146, 171, 199
 Стабровский Л. 98
 Стрельский В. И. 5, 140, 181
 Строев П. М. 16, 174, 178
 Строев С. М. (псевд. Скроменко С.) 145
 Струве П. Б. 190
 Таванец П. В. 190
 Тардиф А. (Tardif) 140
 Тарле Е. В. 111, 202
 Татищев В. Н. 38, 39, 121, 141, 142, 143
 Терешко М. Н. 212
 Терлигорев А. М. 7, 9, 11, 12, 13
 Теплов Д. Ю. 61
 Терешко М. Н. 163
 Тимофеев И. С. 209
 Тихомиров И. А. 198
 Тихомиров М. Н. 12, 16, 39, 67, 73, 77, 100, 172, 173, 204, 205, 207
 Тихонравов Н. С. 66
 Толстой Ф. А. 16
 Томашевский Б. В. 121, 123, 129, 130
 Томсинский С. Г. 44
 Траубе Л. (Traube L.) 99
 Трусович Я. И. 104
 Гугаринов В. П. 50
 Туманский Ф. О. 121
 Тургенев И. С. 74
 Уваров А. И. 20, 21
 Уваров А. С. 16, 45, 85
 Угаров И. Ф. 18
 Ундолльский В. М. 38
 Устрилов Н. Г. 168, 171
 Участкина З. В. 83
 Утерли Ф. Э. (Whateverly) 202
 Уэлли Р. (Whately R.) 154, 155
 Федер А. (Feder A.) 43
 Фонвизин Д. И. 120
 Фомин А. Г. 78
 Фортинский Ф. Я. 140, 173
 Фриман Э. (Freeman E.) 140
 Фукидид (Thukydides) 121
 Хвостов М. М. 105
 Хадаковский Н. И. 29
 Ходош И. А. 59
 Чаев Н. С. 67
 Чаплыгин С. А. 6, 10, 11
 Черепнин Л. В. 12, 19, 20, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 58, 67, 68, 69, 74, 76, 84, 85, 86, 101, 103, 113, 114, 115, 132, 134, 135, 136, 189
 Черноморский М. Н. 169, 177
 Черный А. И. 18, 59, 60, 61, 62, 190
 Черных В. А. 96, 97, 168, 169, 171, 175, 178, 179, 185
 Чернышевский Н. Г. 5, 146, 209, 210, 211, 220
 Черняк Е. Б. 13
 Чумаченко Э. Г. 151
 Чупахин И. Я. 188, 189
 Чхетия Ш. К. 173, 174
 Шамурин Е. И. 200
 Шахматов А. А. 23, 28, 37, 83, 92, 94, 172, 198, 202
 Шелестов Д. К. 16
 Шепелев Л. Е. 51
 Шестаков А. В. 134
 Шилов А. А. 169, 174, 175
 Шлейермахер Ф. (Schleiermacher Fr.) 34, 41, 146
 Шлецер А.-Л. (Schlözer) 39, 91, 141, 142, 143, 159, 171
 Шляпкин И. А. 17, 54, 66, 69, 70, 77, 83, 99
 Шляпников А. Г. 96
 Шмидт К. (Schmidt K.) 205
 Шмидт С. О. 8, 15, 28, 31, 32, 34, 101, 170, 205
 Шорохов Е. Ф. 169
 Шрейдер Ю. А. 59, 63, 188
 Шпет Г. Г. 210

- Штенцель (Stenzel G. A. G.) 121, 146
Шунков В. И. 73, 111
Шухардин С. В. 24
- Щапов Я. Н. 173
Шепкин В. Н. 67, 83, 89, 110, 111
Шерба Л. В. 8, 202
Шербатов М. М. 38, 39 121, 144
Эйхенбаум Б. М. 19, 120, 122, 123, 128
Энгельс Ф. 7, 8, 17, 18, 69, 112, 193,
205, 206, 211, 212
- Эсхил 133
Юсупов С. Н. 59
- Яблоков Н. П. 79
Ягич И. В. (Jagic V.) 66, 67, 70, 83, 91,
92
Яковлев С. А. 169, 177
Якубовская С. И. 135, 136, 158
Янин В. Л. 36, 70, 77, 157, 216, 217, 218
Яцунский В. К. 50, 189, 201

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УПОРЯДОЧЕНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА И ТЕРМИНОЛОГИИ	5
Глава II. ПОНЯТИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	28
Глава III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ (ЭВРИСТИКА) И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ИНФОРМАТИКОЙ	49
Глава IV. РАЗВИТИЕ ПАЛЕОГРАФИИ	66
Глава V. НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ДИПЛОМАТИКИ	101
Глава VI. ТЕКСТОЛОГИЯ И ЕЕ ПРОБЛЕМЫ	119
Глава VII. ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА И ВОЗМОЖНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕЕ ПРЕДМЕТЕ	140
Глава VIII. ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ — ЕДИНАЯ ОТРАСЛЬ	167
Глава IX. О КЛАССИФИКАЦИИ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
ПРИЛОЖЕНИЯ:	
1. Терминологический словарь	222
2. Схема корреляции источниковедения с другими отраслями исторической науки	224
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	225
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	226

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ
ФАРСОБИН
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ЕГО МЕТОД
Опыт анализа понятий
и терминологии

Утверждено к печати
Институтом истории АН СССР

Редактор издательства Р. И. Коробейникова
Художник Н. Н. Румянцев
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. В. Калинина
Корректоры К. П. Лосева, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 22138

Сдано в набор 09.11.82.
Подписано к печати 11.01.83.
Т-03903. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 14,5.
Усл. кр. отт. 14,7. Уч.-изд.л. 16,9. Тираж 2200 экз.
Тип. заказ № 915. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7,
Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука».
121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 10. Зак. 2700.

1 p. 70 в

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ЕГО МЕТОД